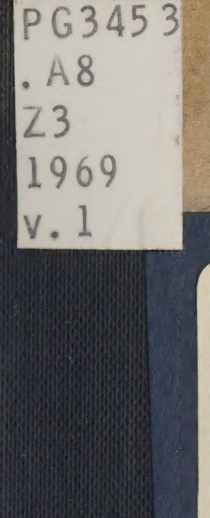
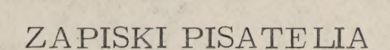
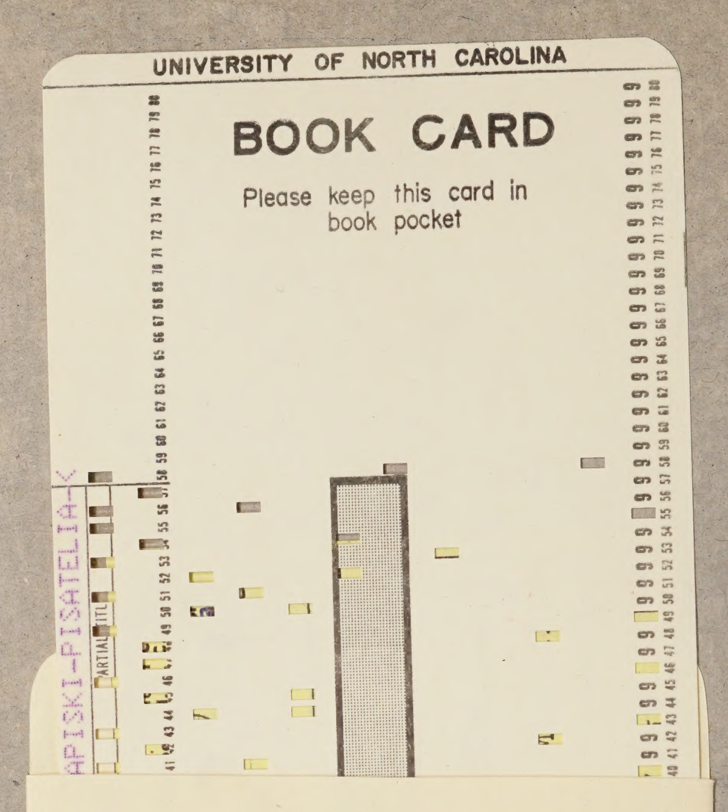

OP

ZAPISKI PISATELIA

M. Artsybashev

UNIVERSITY MICROFILMS
A Xerox Company
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
BOOK CARD
Please keep this card in book pocket

PG3453
.A8
Z3
1969 V.1

М. АРЦЫБАШЕВ

ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ

ALEXANDER I. TCHERNOFF
Russian Book Store & Library
50 E. 127TH ST. COR. MADISON AVE.
NEW YORK CITY

1925 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARIES
CHICAGO, ILL.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

В августѣ 1923 г., преодолѣв многія мытарства и трудности, Михаил Петрович Арцыбашев выбрался из Москвы и прибыл в Варшаву. Хотя пріѣхал он легально с совѣтским паспортом, но как только переступил предѣлы досягаемости чеки, тотчас об'явил себя эмигрантом и в первых же интервью, данных сотрудникам газет, пришедших привѣтствовать его, он излил накопившіяся у него возмущеніе и негодованіе совѣтским режимом. За шесть лѣт своего пребыванія в плѣну у большевиков, М. П. должен был непрерывно испытывать муки Тантала, как писатель, которому негдѣ было сказать слово правды. Эта пытка молчаніем, на которую большевики обрекли всю независимую русскую литературу, — как и всѣ другія переживанія большевицкаго быта, — не прошли, конечно, даром для М. П. — Талантливый художник, он долгое время и послѣ того, как выбрался из совѣтскаго ада, не в состояніи был возобновить свою беллетристическую дѣятельность. Тонкій психолог и бытописатель, он ощущал теперь в себѣ прежде всего гражданина-патріота, и страшныя страданія родины, непосредственным очевидцем которых он был так долго, — заставили его отложить в сторону кисть художника и взять в руки перо публициста. Это перо в рукѣ М. П. превратилось в разящій бич. Своими статьями о совѣтском строѣ и большевиках вообще он показал, что умѣет владѣть этим оружіем с силой не меньшей, чѣм кистью и красками художника.

Статьи М. П., помѣщавшіяся в газ. „За Свободу", вызвали массу самых разнообразных откликов не только среди читателей Польши, но и во всѣх прочих центрах эмиграціи. Онѣ, между прочим, систематически перепечатывались во многих эмигрантских газетах. В хорѣ эмигрантских публицистов зазвучал свѣжій и необычайно сильный голос.

Статьи М. П. вызывали, конечно, и возраженія, — с разных точек зрѣнія, и М. П., не уклоняясь от полемики, с горячностью отстаивал взгляды, в которых, — как бы кто ни относился к существу нѣкоторых из них, — одно должно быть безспорно для всѣх: это то, что они выношены в душѣ, что не предвзятыя догмы, или готовыя программы продиктовали их, а его личныя, всегда сильныя, искреннія и глубокія переживанія. Наиболѣе систематично изложил М. П. свои мнѣнія и сужденія в том, что является его „Показаніями", написанными спеціально для процесса Конради в Лозаннском судѣ. Это, несомнѣнно, один из значительнѣйших документов о совѣтском режимѣ.

[illegible]

В наше время для публицистических статей давность в нѣсколько мѣсяцев — большой искус. Но этот искус — не для статей М. П. До сих пор не перестают поступать от читателей запросы на эти статьи, а, между тѣм, номера газет, в которых онѣ печатались, давно разошлись. Поэтому явилась необходимость выпустить статьи Мих. Пет. отдѣльно, в видѣ нѣскольких брошюр.

ИЗДАТЕЛЬСТВО.

I.
Показанія по дѣлу Конради.

Я, русскій писатель, любящій свою родину искренно и просто, как любят родную мать, считал своим долгом не покинуть ее в годину тяжких бѣдствій. Поэтому, в теченіи шести лѣт, несмотря на опасности и лишенія, я оставался в Россіи и перед моими глазами прошла вся эпопея большевизма, с ея безумным началом и безстыдным концом.

Честью писателя и человѣка клянусь: не принадлежа ни к какой политической партіи, не будучи собственником, зарабатывая хлѣб свой только личным трудом, я выступаю со свидѣтельством против большевиков, не имѣя никаких своекорыстных разсчетов и говоря от лица правды.

Эта правда отвратительна и ужасна.

Борьба, которая так долго, слишком долго, велась в Россіи против самодержавія, оставила русскому народу губительное наслѣдство: многочисленные кадры профессіональных революціонеров, в духотѣ революціоннаго подполья изсушивших мозг и сердце, воспитанных в духѣ утопических идей, безпощадной борьбы и непримиримой ненависти.

Эти люди не были способны к созиданію. Они умѣли только бороться, только разрушать. Как война для кондотьера, так и революція была их „raison d'être“. В мирном строительствѣ им нѣт мѣста, а потому они предпочли углубленіе революціи, а благо своего народа принесли в жертву безумным замыслам міровою революціоннаго пожара.

Силою демагогическаго слова, искусно использовав усталость солдатских масс, крестьянскую жажду земли и бунтарское настроеніе рабочих, они захватили власть в Россіи.

Но, вопреки общераспространенному мнѣнію, я утверждаю, что большевизм не был неизбѣжным явленіем, массовым психозом, якобы охватившим весь русскій народ.

Я утверждаю, что кровавый переворот 7 ноября 1917 года не выражал народной воли.

Ибо не я один, а всѣ мы, были свидѣтелями той бѣшеной, ни перед чѣм не останавливающейся, агитаціи, которую в теченіи восьми мѣсяцев вели большевики в арміи и среди рабочих масс, с цѣлью вызвать возстаніе.

И хотя ими были пущены в ход всѣ средства, от самой безстыдной демагогіи до прямого подкупа, хотя большевики всѣми силами старались пробудить в народѣ звѣрскіе инстинкты, хотя они прибѣгли к помощи преступных подонков общества, хотя зловонной клеветой они обливали всѣх инако мыслящих, хотя увѣряли темный, невѣжественный народ, что одни они, коммунисты, могут дать ему мир, хлѣб и свободу, все-таки им удалось вызвать взрыв только послѣ неимовѣрных усилій и тяжелых неудач.

Но взрыв этот не был взрывом народнаго гнѣва, как облыжно утверждают большевики. Переворот совершился, благодаря растерянности и пассивности большинства, сравнительно незначительными толпами распропагандированных солдат и рабочих, при помощи агентов враждебной страны, дезертиров и уголовных преступников.

Воля же огромнаго большинства русскаго народа с достаточной очевидностью выявилась в той кровавой борьбѣ, которая началась против большевиков с перваго же дня их владычества.

Вся русская пресса, без различія оттѣнков и направленій, выступила против них. Интеллигенція в ужасѣ отшатнулась от безстыдных демагогов и узурпаторов. Служащіе государственных и частных учрежденій покинули свою работу, не желая сотрудничать с грабителями и палачами. Измученная, разложившаяся армія все-таки нашла в себѣ силы выдвинуть из своей среды многочисленные отряды для вооруженной борьбы с ними. Наиболѣе культурныя окраины Россіи поспѣшили отдѣлиться от зараженнаго центра, и даже органически сросшіяся с ним Украина и Сибирь пытались разорвать эту кровную связь. И, наконец, крестьянство, составляющее подавляющее большинство русскаго народа, отвѣтило большевикам стихійными возстаніями, кровавой волной прокатившимися по всему лицу земли русской.

Эта кровавая зыбь не улеглась до сих пор.

И когда большевики утверждают, что они побѣдили, благодаря сочувствію и поддержкѣ широких народных масс, это ложь и клевета на русскій народ!

Они побѣдили только потому, что в огнѣ гражданской войны, ими зажженной, расплавилась народная воля, проснулись слѣпыя бунтарскія силы, началась великая смута анархіи, началось разложеніе страны.

В этом хаосѣ неминуемо должен был побѣдить не болѣе правый, а болѣе рѣшительный, безстыдный и безпощадный.

Таковыми оказались большевики.

Распыленную волю народа они удушили своей безпощадной волей к владычеству.

Огромное большинство русскаго народа ненавидѣло и ненавидит совѣтскую власть, которая держится только безпощадным террором, подобнаго которому еще не видал мір.

О размѣрах этого террора еще нельзя дать точнаго представленія. Человѣческая память не в силах вмѣстить, человѣческое воображеніе не может охватить ту бездну ужаса и страданій, в которую большевики ввергли русскій народ.

Преслѣдуя свои безумные планы немедленнаго введенія в нищей и дикой странѣ коммунистическаго строя, не считаясь с требованіями желѣзной дѣйствительности, они разрушили всѣ жизненныя артеріи государства.

Они уничтожили аппарат управленія, прекратили торговлю, ограбили банки, убили частную иниціативу, и результаты сказались немедленно: промышленность пала, земледѣліе сократилось, транспорт замер; в хлѣбородной Россіи, которая могла бы служить житницей всей Европы, настал голод; в странѣ необозримых лѣсов воцарился холод; у неисчерпаемых нефтяных источников черной тучей лег мрак; города превратились в кучи обледенѣлых развалин, среди которых, кутаясь в послѣднія лохмотья, покрытые грязью и паразитами, копошились люди, голодом, холодом и страхом доведенные до послѣдних предѣлов отчаянія, до потери человѣческаго образа.

И посреди этой голодной, холодной и темной пустыни ярко загорѣлись ночные огни чрезвычаек.

Там неустанно, днем и ночью, в теченіи многих лѣт, шла тяжелая кровавая работа: в грязных подвалах, без суда и слѣдствія, разстрѣливали тысячи людей.

Имена их — Ты, Господи, вѣси!

Мы никогда не узнаем числа этих жертв, ибо большинство их не было зарегистрировано даже в архивах чрезвычайки. Дешево цѣня человѣческую жизнь, большевики не вели подсчета, а для сторонняго наблюдателя собираніе свѣдѣній о дѣятельности чрезвычайных комиссій являлось преступленіем, караемым разстрѣлом.

Но нужно помнить, что чрезвычайка работала по всей необ'ятной Россіи, по всѣм городам, во всѣх мало-мальски значительных селах, по всѣм станціям желѣзных дорог.

Только малое представленіе о ея работѣ могут дать тѣ случайныя цифры, которыя, для устрашенія московскаго населенія, в теченіи нѣскольких мѣсяцев 21 года опубликовала пьяная от крови, окончательно обнаглѣвшая Московская чрезвычайка. Число жертв, павших только на одной этой городской бойнѣ, колебалось от 1,500 до 2,000 человѣк в мѣсяц. В это число не входили жертвы работавших тут же, в Москвѣ, всероссійской чрезвычайной комиссіи, кроваваго трибунала войск внутренней охраны и желѣзнодорожной чека.

И это было только в одном городѣ, по числу жертв не занимавшем перваго мѣста. Петербург, Кіев и другіе крупные провинціальные города далеко опередили Москву размѣрами большевицкаго террора.

Большевики воскресили варварскій институт „заложников."

ысячи бывших офицеров, буржуа, профессоров, священников, нтеллигентов и крестьян без всякой вины и даже без обвиненія вергались в подвалы чрезвычайки. Эти несчастные своими оловами отвѣчали за возможныя выступленія против совѣтской ласти. Они мѣсяцами жили на положеніи приговоренных к мертной казни, не вѣдая ни своей вины, ни часа смерти, ни ого, за что они послужат искупительной жертвой. Их сотнями азстрѣливали в случаѣ покушенія на кого-либо из агентов ысшей власти, при попытках возстанія, при обнаруженіи загооров, часто миѳических, при приближеніи бѣлых армій и, аконец, просто для очистки переполненных тюрем.

Так, в ночь послѣ покушенія Фанни Каплан на Ленина, огласно телеграфному распоряженію из центра, по всей Россіи ыли произведены разстрѣлы этих заложников, и за единоличый акт экзальтированной дѣвушки жизнью заплатили тысячи евинных людей.

Число погибших в эту кошмарную ночь не поддается учеу... но по многим данным можно думать, что в одной Москвѣ х было свыше 500 человѣк.

Но что могут дать эти случайныя цифры, когда даже в аленьких уѣздных городках трупы разстрѣлянных иногда склаывались в штабели, как дрова?

Что могут дать эти цифры, когда в подвалах че-ка прихоилось дѣлать бетонные полы и стоки для спуска крови?

Что могут дать эти цифры, когда у ялтинскаго мола воосы разстрѣлянных и брошенных в море женщин, покрывая олны, образовали как бы новый вид морских водорослей?

Что могут дать эти цифры, когда в кіевском городском аду, гдѣ зимой производились разстрѣлы, земля настолько ропиталась кровью, что весной, под лучами солнца, начала здавать зловоніе могилы?

Что могут дать эти цифры, когда среди большевицких алачей появилась своеобразная эпидемія кроваваго помѣшаельства, служившаго предметом научнаго доклада в московском ружкѣ врачей-психіатров? Жертвой этого помѣшательства пал, между прочим, один из виднѣйших большевицких комиссаров, нѣкто Кедров, прозванный „Кровавым".

Большевики разстрѣливали не только тѣх, кто открыто озставал против их власти, или хотя бы только подозрѣвался в заговорѣ против нея. Они разстрѣливали и не только тѣх, кто голодом и холодом был вынужден нарушать их безчисленные декреты. Они разстрѣливали всѣх—и уличенных, и подозрѣваемых, и родственников их. Они разстрѣливали всѣх, в ком им чудилась хотя бы только потенціальная возможность возмущенія.

Но дѣятельностью подвальных палачей не ограничивалась их кровавая работа. С безпощадной жестокостью они кровью заливали всякое сопротивленіе, орудійным огнем сметали с

лица земли возставшіе города и села.

А, тѣм временем, порожденные их безумным правленіем голод, холод и эпидеміи довершали дѣло уничтоженія русскаго народа. Обезсиленное хроническим недоѣданіем, ютящееся в полуразрушенных, неотапливаемых жилищах, лишенное медицинской помощи, утопающее в грязи и паразитах населеніе становилось легкой добычей массовых заболѣваній. Холера, дизентерія и всѣ виды тифа сотнями тысяч невозбранно косили человѣческія жизни, и если не вымерло все населеніе Россіи, то только потому, что рука смерти уставала и эпидеміи прекращались сами собой.

Достаточно сказать, что на всѣх станціях и полустанціях Россіи желѣзнодорожные сараи до крыши были завалены трупами умерших в поѣздах, подобранных на путях и в вокзальных залах.

И, наконец, голод двадцать второго года, превратившійся в потрясающее бѣдствіе, благодаря безумной продовольственной политикѣ большевиков, унес около пятнадцати милліонов человѣческих жизней.

Так, в общем, от голода, холода и террора погибло в эти годы не менѣе двадцати процентов полуторастомилліоннаго русскаго народонаселенія. Но оставшіеся в живых не были счастливѣе погибших.

Большевики разсматривали людей только как матеріал для их коммунистических экспериментов, как безотвѣтный рабочій скот, как сволочь, с которою нечего считаться.

Гражданин республики совѣтов не имѣл никаких прав и голоса. Он должен был только подчиняться волѣ кремлевских владык, терпѣть и молчать. По первому подозрѣнію, или даже по капризу, перваго попавшагося большевицкаго комиссара он мог быть выгнан из своего жилища, обобран до нага, арестован и казнен. Он не имѣл права распоряжаться собою, свободно передвигаться по своей родинѣ, мѣнять мѣсто службы или работы. Он не мог имѣть никаких цѣнностей и не смѣл хранить каких-либо запасов. По своему произволу большевики могли переселять, уплотнять и втискивать людей в одно помѣщеніе с совершенно чужими лицами, хотя бы и другого пола. Никто не имѣл права занимать болѣе нѣскольких квадратных аршин жилой площади. Варварски обращаясь с народным имуществом большевики быстро разрушали занятые ими под свои учрежденія дома и тогда переходили в другіе, из которых все населеніе выгонялось прямо на улицу, без права взять с собою свое имущество, поступавшее в пользу захватчиков. Все населеніе было терроризовано безсмысленными трудовыми повинностями, когда тысячи людей, совершенно не приспособленных, больных и малосильных, не имѣющих соотвѣтствующей обуви и одежды, выгонялись на самыя трудныя работы, в жгучій мороз, вѣтер и дождь. Безпомощные интеллигенты, дамы и барышни в открытых туфельках, под присмотром вооруженных солдат, расчищали

желѣзнодорожные пути от снѣжных заносов, убирали улицы и площади городов, корчевали пни, рубили и сплавляли по рѣкам мачтовый лѣс, сушили болота и разрушали дома. Их работа не давала, конечно, ничего, кромѣ массовых заболѣваній и калѣчества. Облавы на живых людей, в цѣлях поголовнаго грабежа и захвата рабов, были обычным явленіем на. улицах больших городов. Онѣ сопровождались стрѣльбой, угрозами, ударами ружейных прикладов, бранью и издѣвательством. От этой пытки, правда, освобождала служба в совѣтских учрежденіях, но там царило другое рабство: всецѣло во власти произвола комиссаров, под вѣчной угрозой лишенія скуднаго пайка и ареста, служащіе мужчины становились данниками большевицких самодуров, а женщины и дѣвушки их безотвѣтными наложницами.

В этом царствѣ дикаго произвола, насилія и грабежа, от голода спасали только спекуляція и воровство, а от издѣвательства только сотрудничество в че-ка. Поэтому спекулировали всѣ, от глубоких старцев до маленьких дѣтей; проституція приняла характер стихійнаго явленія, и общество переполнилось ворами, бандитами, взяточниками, шпіонами, провокаторами. Ужасающее моральное разложеніе цѣлых поколѣній молодежи было результатом превращенія всего народа в безсловесный рабочій скот.

А безумные декреты, углубляющіе и развивающіе революцію, продолжали сыпаться как из рога изобилія, все суживая права человѣческой личности и углубляя разрушеніе жизни и государства.

Революція, по образному выраженію одного из большевицких главарей, мчалась, „как паровоз на всѣх парах через болото" и большевики не считались с тѣм, что этот паровоз мчится по живым людям, оставляя за собой груды окровавленных, втоптанных в грязь тѣл.

Что это было—безуміе или преступленіе?

Искренній фанатизм, как бы он ни был безумен, внушает нѣкоторое уваженіе. Самое ужасное преступленіе, если оно совершено во имя великой идеи, под вліяніем искренней вѣры в правоту своего дѣла, может быть до извѣстной степени оправдано.

Но я обвиняю большевиков в том, что они не были искренними фанатиками, что они лишь кондотьеры от революціи, банда политических авантюристов, снѣдаемых личным честолюбіем и жаждой власти.

Ибо фанатизм не знает отступленій от своей идеи, ибо фанатизм заставляет пророка идти впереди тѣх, кого он посылает на Голгоѳу. Большевики же, возведя русскій народ на крест невыразимых страданій, только дѣлили его ризы.

В то время, когда народ голодал, холодал и погибал, когда муки доходили до предѣлов скорби и отчаянія, большевицкая опричнина правила разгульную тризну.

Словно издѣваясь над законом природы и людьми, власть выдавала населенію по двѣ селедки и по одной восьмой фунта хлѣба, иногда совершенно прекращая выдачу и в то же время, под страхом смерти, запрещая какую бы то ни было покупку и продажу продовольствія.

В квартирах производились систематическіе обыски и у людей отбирали послѣдніе фунты муки. Всѣ дороги были преграждены заградительными отрядами, чтобы не пропускать в города вольнаго товара. Кое-какіе уцѣлѣвшіе, вопреки большевицким запретам, жалкіе рынки обирались вооруженными облавами. У крестьян отбиралось все, что превышало норму личнаго потребленія, и, таким образом, уничтожался самый источник питанія русскаго народа.

Никогда не понять человѣку, находящемуся в здравом умѣ, какую цѣль преслѣдовали большевики. Думали ли они, в самом дѣлѣ, выморить голодом весь русскій народ, или хотѣли пріучить человѣчество жить без пищи?

Но, во всяком случаѣ, дѣлая все возможное, чтобы довести народ до голода и отчаянія, ставя добычу каждаго куска хлѣба под угрозу смерти, товарищи-коммунисты снабжали себя всѣм, от бѣлаго хлѣба до икры и вина, включительно. Они были очень далеки от желанія дѣлить нужду с тѣм народом, именем котораго правили.

Эти безкорыстные борцы за общее благо получали обильную мзду из огромных складов продовольствія, созданных за счет голодающаго народа.

Сытно, весело и пьяно жила большевицкая опричнина, но еще сытнѣе и пьянѣе жили сами кремлевскіе владыки.

К их услугам были палаты московских царей и лучшіе отели, для них были автомобили, драгоцѣнные мѣха, брилліанты, безсчетные суммы золота, вино и женщины. Об их казнокрадствѣ, лихоимствѣ, богатствѣ, картежной игрѣ, пьянствѣ и развратѣ знала вся Россія, но молчала под угрозой чекистскаго револьвера.

Я не хочу сказать, что всѣ большевицкіе главари поголовно грабили, пьянствовали и развратничали. Возможно, что среди них были люди иного склада, которые с ужасом и отвращеніем смотрѣли на разгул своих товарищей. Но, храня молчаніе в силу партійной дисциплины и ради сохраненія власти, они тѣм самым становились соучастниками преступленій, такими же преступниками, грабителями и убійцами.

А когда зловонный гной разложенія широкой волной лился из кабинетов товарищей комиссаров, когда страна гибла и молчала, большевицкія перья лгали на весь мір о завоеваніях революціи, о благоденствіи первой республики трудящихся, о безкорыстном геройствѣ своих вождей.

Лжецы и лицемѣры, они высоко поднимали свое красное от крови знамя и клялись идти вперед, до полной побѣды

идеалов коммунизма.

Но жизнь идет своим чередом и законы ея неодолимы.

Народ почувствовал, что дольше жить так нельзя, что он погибнет.

Гром пушек кронштадскаго возстанія, гдѣ против власти большевиков поднялись тѣ самые матросы, которых Троцкій назвал „красою и гордостью революціи", потряс стѣны Кремля. Крестьянское море пришло в движеніе.

Рабочія волненія в столицах начали принимать угрожающіе размѣры. Почва под ногами большевиков заколебалась.

Стало совершенно очевидно, что путь, по которому идут большевики, ведет в пропасть их самих, что конец его недалек, и волны народнаго гнѣва готовы смыть их с лица земли.

И геніальнѣйшій пройдоха, так полно сочетавшій в себѣ черты деспота — жестокость и лицемѣріе, товарищ Ленин ударил отбой.

В одну минуту он позабыл о своих клятвах во что бы то ни стало идти вперед до полной побѣды своих идей, немедленно сжег все, чему поклонялся, с потрясающим цинизмом об'явил всю свою предыдущую дѣятельность глупостью и ошибкой и провозгласил основы „новой экономической политики".

Только безнадежные идіоты или неисправимые лицемѣры могут говорить, что эта новая политика была провозглашена, как переходный этап к соціализму или как средство спасти Россію.

О, нѣт!.. Ея рожденіе вызвано громом кронштадтских пушек, и у ея колыбели звучали откровенно наглыя слова Ленина:

„Если мы сейчас же, сегодня же ночью, по телеграфу, не извѣстим о перемѣнѣ курса, мы погибли!"

Как видите, здѣсь ни на одну минуту не было вопроса о благѣ страны, о спасеніи погибающаго народа. Только страх за свою шкуру и власть диктовал большевицкому вождю и его товарищам полный поворот на мѣстѣ, от оголтѣлаго военнаго коммунизма к поспѣшному возстановленію основ буржуазнаго строя.

И на этот раз большевикам силой и лицемѣріем опять удалось подавить возстаніе. Удалось удержаться у власти. На долго ли?

Ленин забыл, что его ошибки и глупости продолжались пять лѣт, что за них жизнью своею заплатили милліоны невинных людей.

Если бы вожди коммунистической партіи, дѣйствительно, были искренними фанатиками своей идеи, могло бы случиться одно из двух: или они продолжали бы свой путь в пропасть со слѣпым упорством изувѣров, или они в ужасѣ отшатнулись бы от бездны своих ошибок и глупостей и отказались бы от власти.

Истинный идейный вождь на мѣстѣ Ленина покончил бы с собою и кровью своею искупил бы свои ошибки.

Но там, гдѣ царит лицемѣріе, честолюбіе и жажда власти, там такого трагически честнаго конца быть не могло.

И большевики избрали иной путь. В борьбѣ за власть они явили міру примѣр такой наглости и безстыдства, какого не знает исторія.

Здѣсь, в Европѣ, им нужна поддержка пролетаріата, не испытавшаго на своей шкурѣ всѣх прелестей коммунизма и еще вѣрящаго, что большевики являются героическим авангардом міровой соціальной революціи. Но там, в Россіи, продолженіе коммунистических опытов грозит им гибелью. И большевики смѣло надѣли маску двуликаго Януса. Открыто смѣясь над всѣм міром, в безнадежную глупость котораго они вѣрят, они об'явили, что между большевицким русским правительством и международной организаціей революціонной пропаганды нѣт ничего общаго. Их нисколько не смущает то обстоятельство, что члены совѣта народных комиссаров состоят руководителями коминтерна. Лѣвой рукой они непрерывно бросают свои зажигательныя бомбы в страны всего міра, правой — возстанавливают в Россіи буржуазный строй.

Раздвоенным языком, то трусливо сгибаясь в три погибели, то выпрямляясь во весь рост, они увѣряют европейскія правительства в своей лойяльности, а пролетаріат в своей революціонности.

Для поддержанія своей власти им нужны деньги. И вот, искренніе террористы превращаются в мирных промышленников апостолы коммунизма — в директоров банков и трестов, пропагандисты всеміրной революціи — в торговых агентов.

Я думаю, что именно потому, что поворот их не вызван желаніем спасти погибающій русскій народ, а является лишь новым средством борьбы за власть, им не удастся возстановить Россію.

Раз все дѣло только в сохраненіи власти, то они должны оставаться во главѣ правленія, не выпуская из рук ничего, занимая всѣ отвѣтственныя мѣста своими вѣрными агентами, не допуская, чтобы другіе люди могли проявить какую бы то ни было инициативу.

Но тѣ люди, которых признанныя ошибки и глупость довели страну до полнаго разрушенія, не могут переродиться в разумных строителей. Глупцы могут только снова и снова надѣлать глупостей и ошибок.

И я утверждаю, что, несмотря на кажущееся оживленіе Россіи, ея хозяйственное возрожденіе — только фикція. Паденіе промышленности продолжается. Фабрики и заводы закрываются, ростет чудовищная безработица. Земледѣліе сокращается. Ресурсы страны истощаются с безумной быстротой. То показное, декоративное строительство, которым большевики дурачат заѣзжих иностранцев, создается за счет неимовѣрных налогов, высасывающих из народа всѣ жизненные соки.

Конечно, пресловутая новая экономическая политика дала возможность предпріимчивым дѣльцам, во главѣ с самими народными комиссарами, наживать огромныя состоянія. Но зато никогда не было такой зіяющей пропасти между бѣдными и богатыми, какая есть теперь в Россіи. В то время, как спекулянты и комиссары-казнокрады утопают в роскоши, весь прочій русскій народ влачит самое жалкое существованіе, нищает и голодает. Россія идет к полному экономическому краху.

Но если бы даже этого не случилось, если бы большевикам цѣною распродажи своей родины, с помощью европейских капиталистов, для которых деньги не пахнут даже тогда, когда они залиты человѣческой кровью, удалось возстановить хозяйство Россіи, преступленія их останутся неискупленными.

Величайшій позор нашего времени, позор культурной Европы, что из политико-экономических вопросов совершенно исключено понятіе о какой либо морали.

Да, культурная Европа может признать власть большевиков, может вступать с ними в договорныя отношенія, может принимать деньги и концессіи из их окровавленных рук.

Но мы, русскіе люди, несмотря на пережитые ужасы и униженія, не потерявшіе человѣческих чувств и національной чести, не примиримся с властью людей, с ног до головы покрытых кровью и слезами народными.

Мы знаем, что русскій народ по прежнему ненавидит эту власть, и что его конечная цѣль, его завѣтная мечта — полное сверженіе большевицкаго правительства и месть палачам.

Мы вѣрим, что час этой мести недалек.

Но, пока они еще у власти, пока свобода в оковах, пока задушен голос народной воли, пока террор наготовѣ, и там, в несчастной Россіи, нѣт сил на открытую борьбу с тираніей,— мы, русскіе эмигранты, должны всѣ силы своего разума, воли и чувства отдавать дѣлу помощи своему народу.

То, что Европа разговаривает с нашими палачами, то, что европейскія правительства с почетом встрѣчают представителей наших тиранов, то, что с нашими грабителями находят возможным вступать в дѣловыя сношенія, скупая у них кровь и пот несчастнаго народа, больно ранит наше сердце и наносит нам жгучее, незабываемое оскорбленіе.

Оторванные от родной почвы, скитающіеся по чужим землям, нищіе и безпріютные, потерявшіе все, что могли потерять, мы должны сохранить свое послѣднее сокровище — святую ненависть к палачам нашей родины.

Пусть простит и признает их весь мір — мы не признаем, мы не простим.

И, если у кого нибудь из нас поднимется рука на одного из этих лицемѣров, преступников, грабителей и убійц, да не осудит его суд совѣсти человѣческой!

II.

Или-или.

Мои бесѣды с интервьюерами, случайныя и уж, конечно, не претендующія на окончательные выводы, вызвали в „Послѣдних Новостях“ обширную одповѣдь г-жи Кусковой.

Для того, чтобы было понятно, в чем тут дѣло, я должен повторить сказанное мною.

Большевики, развращенные властью и ея реальными благами, давно утратили свой революціонный пафос, былую искренность революціоннаго фанатизма. Никаких коммунистических заданій они перед собою давно не ставят и всецѣло поглощены одной задачей: во что бы то ни стало удержать в своих руках власть, дабы не лишиться прелести жизни неограниченных владык и избѣгнуть кровавой расправы за милліоны зря замученных человѣческих жизней. С другой стороны, русскій народ стихійно и инстинктивно стремится освободиться от этого полусгнившаго струпа, который задерживает правильное возстановленіе здоровых тканей народнаго организма. Но так как в результатѣ многолѣтней кровавой борьбы обѣ стороны обезсилѣли, то онѣ вступили на путь уступок и компромиссов. Большевики измѣняют своим коммунистическим лозунгам и фактически возстанавливают буржуазный строй, а общество приспособляется к большевицкой власти. Другими словами, создается своеобразный симбіоз, сожительство разновидных и враждебных друг другу особей.

На этом г-жа Кускова, почему то отказываясь от точной передачи моих слов, в их логической связи, дѣлает скачек и сразу переходит к выводу, что „будущее зависит от того, как произойдет переворот—путем ли эволюціи или путем кровавой расправы“.

Получается, конечно, если не безсмыслица, то, по крайней мѣрѣ, полнѣйшая неожиданность: обѣ стороны идут на уступки, обѣ стороны приспособляются, а затѣм, почему то переворот, да еще в расплывчатой перспективѣ „или-или“.

Я не знаю, почему г-жѣ Кусковой понадобилось приставить голову прямо к плечам, когда между ними имѣлась, по всѣм законам природы, довольно длинная шея.

Я говорил так: имѣя цѣли совершенно противоположныя но вступив на путь компромиссов, большевики и народ, рано или поздно, столкнутся на какой то средней точкѣ, на которой и должен утвердиться новый строй Россіи. Опредѣлить формы этого новаго строя пока очень трудно, так как, хотя возможна и мирная ликвидація большевизма, но не исключена и возможность кроваваго переворота. С одной стороны, никакая власть не сдает своих позицій добровольно, и большевики не составляют исключенія: они, сдавая свои коммунистическія траншеи, глубоко врытыя в живое тѣло страны, не отказываются от всяческих возможностей террором и насиліем задержаться, если не на „заранѣе подготовленных позиціях", то на каждой случайной стратегической точкѣ. С другой стороны, никакія уступки не успокаивают народа, конечная цѣль котораго — навсегда и окончательно освободиться от опеки самодержавных кремлевских владык. А так как чѣм болѣе уступок, тѣм слабѣе власть, то может наступить момент, когда народ почувствует перевѣс силы на своей сторонѣ и прибѣгнет к кровавой ампутаціи послѣдних слѣдов мѣшающаго ему нормально развиваться большевицкаго нароста.

Как видите, шея, дѣйствительно, довольно длинна, и мое „или-или" имѣет свои логическія основанія.

Впрочем, г-жа Кускова, в дальнѣйшем, даже и сама мирится с этим „или".

„Да, мы согласны. Стоит — „или-или". Но перевѣс одному из этих „или" может дать поведеніе каждаго из нас. Чѣм больше мы приспособляемся к какой то нелѣпицѣ, чѣм больше работаем в ней, тѣм больше мы укрѣпляем то, что для нас непріемлемо. Наоборот, чѣм больше мы революціонизируем психику, тѣм больше приближается революціонный очистительный исход. Всякое приспособленіе ко злу, всякое со злом соприкосновеніе и близость — принижают дух, оподляют, дѣлают невозможным очистительный процесс, и для родины, и для индивидуальности. Всякое же непріятіе, бойкот, отрицаніе злого усиливают кадры непримиримых, родят и воспитывают ту третью Россію, к которой мы стремимся!.. Однако, есть еще один вопрос: да есть ли у Россіи, у ея граждан, свобода выбора? Может ли она, в ея положеніи, позволить себѣ роскошь выбора? Или что то неизбѣжное, неустранимое толкает ее на один путь — единственно возможный? Вот, к анализу этого вопроса и нужно перейти!"

Так и перейдем.

В одном мѣстѣ своей статьи г-жа Кускова говорит, будто я неправ, утверждая, что, в результатѣ пятилѣтняго террора, общество настолько обезсилено, что уже утратило способность на открытое, героическое сопротивленіе большевикам. В доказательство она ссылается на героизм правых эсеров, поведеніе которых, во время их процесса, вызвало удивленіе всего міра;

на работников, в тяжелой и трудной работѣ возстанавливающих в Россіи нормальную жизнь; и, наконец, на тѣх, кто, и не выступая на процессах, не неся какой либо опредѣленной работы по возстановленію нормальной жизни, просто переносит в Россіи „эту жизнь, полную лишеній и совершенно непредвидѣнных опасностей, для чего нужно, если не геройство, то большое мужество, огромная выдержка и гибкая изворотливость".

Примѣры неудачны. Герои эсеровскаго процесса не болѣе, как послѣдніе могикане героическаго прошлаго, случайно уцѣлѣвшіе, но совершенно лишенные возможности героической, открытой борьбы по тому простому обстоятельству, что они сидят в тюрьмѣ. Ссылаться на них — это в стилѣ „да, были люди в наше время!".

Тѣ, кто несет трудную работу по возстановленію нормальной жизни в обстановкѣ ненормальной большевицкой диктатуры, едва ли заслуживают названія героев. Вѣдь, это как раз тѣ „спецы", существованіе которых именно потому и сносно, не в примѣр прочим гражданам, что они по мѣрѣ сил приспособляются ко злу, соприкасаются с ним весьма тѣсно в кабинетах различных главков и наркомов, а тѣм самым, по мнѣнію самой же г-жи Кусковой, принижают дух, оподляют его и дѣлают невозможным очистительный процесс.

Что же касается прочих, то есть великой безымянной обывательской массы, которая „принуждена терпѣть жизнь, полную лишеній и непредвидѣнных опасностей", то, вопреки мнѣнію г-жи Кусковой, видящей в этом „если не геройство, то большое мужество, огромную выдержку и гибкую изворотливость", я вижу в них только то, что „подлец человѣк ко всему привыкает".

Самыя слова „принуждены терпѣть" исключают всякую мысль о геройствѣ. Конечно, если бы не было этого „принуждены", дѣло обстояло бы совершенно иначе. Если бы эта масса оставалась в Россіи сознательно и добровольно, подвергая себя опасностям и лишеніям во имя каких либо опредѣленных цѣлей, а то, вѣдь, она просто принуждена к этому. Каждый из этой массы с величайшим бы удовольствіем, без всякаго геройства и мужества, с одной развѣ гибкой изворотливостью, удрал бы из большевицкаго царства, от лишеній и опасностей, куда глаза глядят. Но в том то и дѣло, что великій исход всего русскаго народа из предѣлов Россіи совершенно невозможен. Это удѣл немногих счастливцев, а остальные остаются, скрѣпя сердце. И если есть тут чему удивляться, то, отнюдь, не мужеству, а именно изворотливости. Но, вѣдь, и сама г-жа Кускова нѣсколько конфузливо оговаривается, что это свойство „может быть, и не привлекательно".

Правда, она тут же прибавляет, что „этой гибкости не худо было бы прибавить к русской крови, ибо уж очень мы прямолинейны и неповоротливы", но с этим я уж никак согла-

ситься не могу. Потому не могу, что эта гибкая изворотливость слишком напоминает гада, а во вторых, потому, что революція именно и доказала, что чего-чего, а гибкой изворотливости у нас черезчур достаточно.

Вѣдь, только представьте себѣ ту кошмарную обстановку, полную голода, холода, лишеній, болѣзней, разстрѣлов, уплотненій, грабежа и всяческаго надругательства над человѣком, которую представляла из себя эпоха военнаго коммунизма. Казалось бы, жить невозможно, а жили!.. Всѣ голодали и холодали, всѣ умирали от страха и скорби по погибшим, всѣ ненавидѣли большевиков ненавистью лютою, но так как от всѣх этих ужасов единой защитой была служба у большевиков, то всѣ и служили. Скрежетали зубами и служили своим врагам. Проклинали и добивались мѣстечка, гдѣ бы паек был побольше, хотя ясно, что таковое мѣстечко означало большую близость к большевикам, болѣе важную для них службу. О той изворотливости, которая требовалась для того, чтобы лавировать между подозрительностью большевиков, их прямолинейной требовательностью и своей буржуазной идеологіей, нечего и говорить. Тут были проявлены чудеса ловкости, и маска двуликаго Януса была обычной физіономіей каждаго обывателя. А тѣ многочисленные русскіе писатели, от которых, казалось бы, вовсе не требуется изворотливость, идеологическая прямолинейность которых есть непремѣнное условіе самой писательской сущности?.. Русскій интеллигент тѣм и отличается, что он даже и под послѣднюю подлость способен подвести идею!.. С ног до головы вываляется в грязи, всю морду себѣ загваздает, а потом встанет и скажет: во имя!.. И чист и прав. Казалось бы, уж очень трудно якшаться с Луначарским, писать в казенных журналах, служить у большевиков, получать академическіе пайки и „дома писателей“ и при этом сохранить невинность идеологической непримиримости по отношенію к своим поильцам и кормильцам. А, вѣдь, сохранили: они сдѣлали это „во имя сохраненія послѣдних культурных цѣнностей!..“ Вѣдь, сказано же в писаніи, что нѣт выше любви, как кто душу свою положит за други своя. Ну, и ухватились: вѣдь, не сказано же тѣло, а сказано именно душу!.. А раз так, то, не теряя никакого права на самоуваженіе, можно тѣло, которое так хочет кушать, сохранить, а душу немножечко и потерять на службѣ у большевиков. Какой тут еще изворотливости нужно?

Тут я должен сказать нѣсколько слов о себѣ лично, дабы предупредить упрек — „врачу, исцѣлися сам!..“ Я ни единой минуты не служил большевикам; за всѣ пять лѣт не получал от них никакого пайка, кромѣ той осьмушки хлѣба, которую выдавали по карточкѣ третьей категоріи всѣм и каждому; я не домогался охранных грамот и потому потерял все, что мог потерять; я не подчинялся совѣтским декретам, поскольку они относились ко мнѣ лично, и до самаго конца пребывал в положеніи злостнаго дезертира, как военнаго, так и трудового; я не

участвовал ни в каких „культурных“ учрежденіях политпросвѣта и не дал ни единой строчки ни в какую „Красную Ниву“: на оффиціальное предложеніе большевицкаго „Госиздата“ я отвѣтил письменно, что, до тѣх пор, пока нѣт в Россіи свободы слова, я им не писатель! Мнѣ приходилось зарабатывать на хлѣб собственными руками, но эти руки ни разу не протянулись к большевикам, и, да простят мнѣ грубость, я предпочитал чистить ватер-клозеты, в буквальном смыслѣ этого слова, чѣм работать с большевиками, хотя бы и на предмет сохраненія величайших культурных цѣнностей!

В то же время я сознательно оставался в Россіи, несмотря на голод, холод и непредвидѣнныя опасности, до тѣх пор, пока как раз и не минули эти голод и холод, а, в значительной мѣрѣ, и опасности. Ибо я полагал, что долг русскаго писателя быть со своей родиной в годину тяжких бѣдствій, дабы в свое время выступить свидѣтелем не ложным. И уѣхал я только тогда, когда прошел кровавый шквал и наступила сѣренькая осень постепеннаго отмиранія большевизма.

Вот почему я считаю себя вправѣ говорить много рѣзкаго о той гибкой изворотливости, которой блеснула россійская интеллигенція и в отсутствіи которой ее, совершенно напрасно, упрекает г-жа Кускова.

Но дѣло не в том.

„Или — или“!

Да, я опять таки утверждаю, что возможно и то, и другое „или“. Но г-жа Кускова желает опредѣленности.

Тогда я скажу: мнѣ лично представляется болѣе возможным второе „или“, то есть кровавый взрыв. А так как перевѣс тому или иному „или“ может дать поведеніе каждаго из нас, то я скажу прямо, что я не сторонник примиренія и, при всем своем личном отвращеніи к крови, буду считать эту кровь совершенно оправданной.

Жалки, отвратительны мнѣ тѣ люди, которые говорят о примиреніи с большевиками, хотя бы из соображеній самаго „общенаціональнаго характера“. О, они стоят на самой высокой, благородной позиціи, ибо они имѣют в виду благо Россіи.

Но я говорю, что Россія есть опредѣленное географическое пространство, ничѣм не лучше и не хуже всякаго иного пространства, в достаточной мѣрѣ омываемаго рѣками и покрытаго лѣсами. Конечно, я привык к березам и осинам, а пальмы и бананы мнѣ чужды, но мнѣ безмѣрно дороже всяких березок живые люди. И не тѣ „нерожденныя души“ грядущих поколѣній, о которых я ровно ничего не знаю и которых себѣ представить не могу, а подлинные живые люди, существующіе, страдающіе, которых большевики убивали, насиловали, грабили и унижали, как скотов, в теченіи шести лѣт.

Шесть лѣт! Конечно, что такое шесть лѣт в сравненіи с исторической „вѣчностью“? Миг один, не болѣе. Но пора

перестать мѣрить время вѣками и эпохами, пора понять, что оно слагается из мгновеній жизни, из біеній живого страдающаго сердца человѣческаго.

Шесть лѣт! Это долго, это цѣлая вѣчность, ибо в теченіи этого времени милліоны живых людей успѣли пережить всѣ муки, всѣ страданія, все горе, на какія, вообще, способен человѣк.

Господа революціонеры всѣх сортов, а наипаче других именно большевики, очень любят, на предмет возвеличенія своих заслуг перед революціей, считать годы своего тюремнаго заключенія по совокупности... Дѣлается это так: когда гдѣ-либо десяток—другой революціонеров приговаривается к тюрьмѣ или каторгѣ, на срок от одного до десяти лѣт, то производится соотвѣтствующее умноженіе, и гуманное общественное мнѣніе до глубины души сотрясается извѣстіем, что несчастные коммунисты приговорены к двумстам годам тюремнаго заключенія!.. Маленькая передержка, конечно, но зато это звучит гордо. Два столѣтія каторжных работ!

Так вот, я предлагаю примѣнить этот способ и к жертвам большевицкаго террора. Сочтите сотни тысяч и милліоны русских людей, томившихся в большевицких застѣнках, замученных, разстрѣлянных, погибших от голода и холода, превращенных в рабов, морально и физически изнасилованных, ограбленных, раззоренных, плачущих над трупами своих близких... Сочтите их — имена их ты, Господи, вѣси! — и помножьте их на число минут, дней и лѣт их неотомщеннаго страданія. Вѣдь, в теченіи пяти лѣт, из ста милліонов русскаго населенія, кромѣ самих большевицких владык и их опричнины, не было ни одного человѣка, который не плакал бы кровавыми слезами. Помножьте!. Пять милліонов лѣт скорби и муки, крови и слез!..

Кто же смѣет говорить о примиреніи, об едином фронтѣ с палачами?

Я знаю, что все на свѣтѣ имѣет свой предѣл, только подлость человѣческая безпредѣльна, но, все-таки, с ужасом и омерзеніем смотрю на тѣх, кто сам был унижен и растоптан, как скот, кто сам потерял близких и друзей, кто видѣл поруганным все, чему поклонялся, кто потерял родину и жизнь, кто видѣл всю эту кровь, грязь и мерзость, которыми большевики затопили всю русскую землю, и кто нынѣ призывает жертву примириться со своим палачом.

Им нѣт названія на человѣческом языкѣ.

Нѣт и не может быть никакого примиренія с убійцами, грабителями, палачами, духовными растлителями многих поколѣній.

Каковы бы ни были пути Россіи, как бы ни эволюціонировали большевики, развѣ можно смыть кровь?

И, если Россія не может быть спасена иным путем, как через примиреніе с большевиками, то и не заслуживает она спасенія, пусть гибнет этот духовно растлѣнный народ и да будет это мѣсто пусто!

III.
СУД.

В женевском судѣ назначено к слушанію дѣло Конради, убійцы совѣтскаго представителя Воровскаго, а в Парижѣ производится предварительное слѣдствіе по дѣлу Канцельсона, покушавшагося на убійство дочери извѣстнаго коммуниста Раппопорта.

Скоро преступники предстанут перед судом, и добрые граждане присяжные, в черных сюртуках и крахмальных манишках, будут серьезно, с полным сознаніем своего права и отвѣтственности перед обществом, обсуждать степень виновности этих людей.

Я нисколько не сомнѣваюсь, что почтенные судьи выкажут полное безпристрастіе, и прекрасно понимаю, что, каковы бы ни были мотивы этих преступленій, культурное европейское общество не может терпѣть в своей средѣ актов азіатскаго самосуда и кровавой мести. Поэтому, я полагаю, Конради и Канцельсон будут осуждены.

Но, тѣм не менѣе, я утверждаю, что не почтенным европейским буржуа, в черных сюртуках и крахмальных манишках, судить этих людей!

Для них есть суд иной!

Как жаль, что я человѣк не религіозный и, при всем своем желаніи, не могу вѣрить в Страшный Суд!

Но зато я беллетрист, а потому имѣю право фантазировать, сколько моей душѣ угодно.

И вот, что представляется мнѣ...

В маленьком, мирном городкѣ, с высокими черепичными кровлями, в зеленой долинѣ, среди чистеньких гор и голубых озер счастливой Швейцаріи, благоухающей сыром и эдельвейсами, собирается грозный, но справедливый суд.

Может быть, в дѣйствительности все это не так, но мнѣ чудится чистенькая, бѣлая зала, словно только что вымытая молоком от швейцарских коровок. Там засѣдают двѣнадцать толстеньких, мирных швейцарских граждан — не то сыроваров, не то часовых дѣл мастеров — в черных сюртуках и с полным

сознанiем важности своей миссiи — стоять на стражѣ культуры и порядка. За судейским столом красуются такiе же, только развѣ немного построже стилем, швейцарскiе судьи. А зал переполнен...

Что это за нервная, жестикулирующая, шумная, как улей, в лихорадкѣ возбужденная толпа?.. Это репортеры, представители шестой великой державы — сенсацiонной мiровой прессы. У каждаго из них в руках чистый блокнот и остро-отточенный карандаш, чтобы немедленно запечатлѣть каждое слово этого сенсацiоннаго процесса и по электрическим проводам разнести его по лицу всего мiра.

Завтра же мальчишки газетчики побѣгут по улицам Лондона, Парижа, Нью-Iорка и других мiровых городов, буравя толпу и крича звонкими дѣтскими голосами:

— Процесс Конради!.. Послѣднее слово подсудимаго!..

Великое дѣло — пресса!.. Вы подумайте: завтра же, во всѣх уголках свѣта, за чашкой утренняго кофе или за вечернею кружкой пива, каждый из нас, от лорда-президента до послѣдняго сапожника, будет имѣть возможность пощекотать свои нервы подробностями любопытнаго процесса. Наряду с отчетом о послѣдних скачках, курсом доллара на черной биржѣ, рецензiей о выступленiи новѣйшей опереточной звѣзды... Каждая подробность будет снабжена жирным заголовком, но этот заголовок будет напечатан не кровью, а обыкновенной типографской краской, так что читать можно будет совершенно спокойно.

Но фантазiя моя работает...

Вот, вѣрный слуга Ѳемиды, посѣдѣвшiй у стола вещественных доказательств человѣческой жестокости, судебный пристав возглашает торжественно и громко:

— Суд идет!

И входят судьи, и, как один человѣк, подымается вся зала, дабы достойно почтить этим знаком уваженiя живое олицетворенiе человѣческаго правосудiя.

Судьи занимают свои мѣста.

Я не знаю, отмѣчены-ли швейцарскiе судьи какими-либо особыми знаками своего достоинства, или они так же просты в своих черных сюртуках и крахмальных манишках. Но мнѣ просто больше нравятся эти черные сюртуки: вѣдь, это же суд культурной Европы! Парики и мантiи слишком бы напоминали мрачную безпощадность средних вѣков, от которых мы ушли так далеко...

Ушли вездѣ, если не считать Россiи!

Но вот раздается властный голос:

— Введите подсудимаго!

И, окруженный жандармами, входит подсудимый.

Я внимательно всматриваюсь в его лицо и чувствую глубокое разочарованiе. Увы, это совсѣм не лицо убiйцы, трагическаго

злодѣя или, хотя бы, фанатика... Это совершенно обыкновенное лицо, болѣе приличествующее управляющему какой-нибудь шоколадной фабрики, чѣм террористу. Поймите: это совсѣм обыкновенное человѣческое лицо, какое могли бы имѣть и вы, и я, и господа присяжные, и даже сами судьи. Совершенно непонятно, почему оно очутилось на скамьѣ подсудимых, да еще в этой счастливой Швейцаріи, пахнущей сыром и эдельвейсами.

Но суд идет своим чередом.

Сѣдовласый, строго спокойный, как сама судьба, предсѣдатель отдает приказ:

— Пригласите свидѣтелей.

Взоры публики с любопытством устремляются к дверям. Кто же эти свидѣтели, люди, от показанія которых зависит не только судьба подсудимаго, но, что гораздо важнѣе, установленіе тѣх скрытых причин, которыя побудили этого мирнаго директора шоколадной фабрики взять револьвер и убить, как бѣшеную собаку, представителя партіи, которая на знамени своем поставила свѣтлые лозунги всемірнаго братства трудящихся?

И вот, раскрывается дверь.

Но тут фантазія моя выкидывает нѣчто, ни с чѣм несообразное.

Вѣдь, мы прекрасно знаем, что свидѣтелями должны выступить самые обыкновенные люди, во главѣ с гражданином Полуниным. Мы совершенно убѣждены в этом, а, между тѣм, двери открыты и пусты, как могила. Краткая тишина, общее недоумѣніе, и, вдруг, вмѣсто гуськом шествующих граждан свидѣтелей, обыкновенных людей в пиджаках и выутюженных на сей торжественный случай потрепанных брюках, в зал суда вливается могучая, леденящая струя страшнаго холода.

Того жгучаго, смертельнаго холода великих русских равнин, который пять лѣт держал в своих смертельных об'ятіях всю Россію, замораживая ея жалкіе искалѣченные паровозики, превращая ея города и села в груды обледенѣлых развалин, среди которых корчились, кутаясь в послѣднія лохмотья, жалкія человѣческія отребья, с голодными волчьими глазами, с застывшей волей и мыслью... О, какой холод!..

Вздрагивают судьи, дрожат присяжные, судорожно прячут руки в рукава репортеры міровых газет, и карандаши выпадают из их окоченѣлых пальцев.

Но предсѣдатель суда выше всего! Он на стражѣ закона!.. И еще суровѣе, еще настойчивѣе звучит его голос:

— Введите свидѣтелей!

Но дверь по прежнему широко открыта и пуста, и по прежнему льется в нее могучая, леденящая струя холода. Он жжет, как раскаленное желѣзо.

И, вдруг, к его ледяному дыханію примѣшивается тоненькая, гаденькая, тошненькая струйка. Она вьется вокруг носов чистеньких, сытеньких присяжных, она густѣет, она расползается по всѣм

угламъ зала, она становится наглой волной удушающаго, тошнотворнаго смрада... Это уже не струйка, а жирныя волны какого то гнуснаго тумана, синей пеленой затянувшаго зал, и в этом туманѣ блѣднѣют, стираются и исчезают и красное сукно судейскаго стола, и силуэты присяжных в черных сюртуках и крахмальных манишках, и волнующееся море репортерских голов. О, какая страшная, удушающая, омерзительная, тошно-сладкая вонь!.. Теперь уже нѣт никакого сомнѣнія: это запах падали, мерзкая вонь трупнаго разложенія!..

Задыхаются репортеры, задыхаются присяжные, задыхаются судьи... Даже привычные жандармы судорожно открытыми ртами ловят хотя бы глоток свѣжаго воздуха... Тщетно!.. все заполняет эта ужасная, непобѣдимая вонь человѣческой падали.

Но строг и великолѣпен предсѣдатель суда. Он выше всего! И в третій раз возглашает он, задыхаясь:

— Введите свидѣтелей!..

И вот, наконец, входят они...

Но кто это?... Отчего так страшно сини их мертвыя лица? Почему покрыты они грязью и кровью? Почему так костлявы их руки и ноги? Почему смрадом и ужасом вѣет от них?

Сколько их?.. Откуда они?.. Их тысячи, сотни тысяч, милліоны!.. Нѣт их грозному шествію ни конца, ни края!.

Откуда эти взрослые, сильные мужчины с окровавленными головами, откуда эти призраки изможденных женщин, с печатью неизбывной скорби и позора на лицах, откуда эти жалкіе скелетики дѣтей, со скрюченными тоненькими лапками, вмѣсто рук и ног, с огромными раздутыми животами?.. Почему всѣ они так грозно и настойчиво тянутся к судьям, точно проклиная и угрожая?.. Что это за полусъѣденныя человѣческія туши, ползущія за ними, оставляющія на паркетѣ слѣды гноя и крови?

Почему вдруг так поблѣднѣл и задрожал подсудимый? На кого с такой тоской, ужасом и отчаяніем смотрят его воспаленные глаза?.. Что это за старики, которые выдѣляются из несмѣтной толпы страшных призраков и тянутся к нему своими костлявыми руками, указывая на свои кровавыя, гноеточащія раны?.. Не его ли это отец и мать?

А там, дальше, встают и идут, как волны, как тучи, ряды за рядами, все новые и новые призраки. Им нѣт ни конца, ни предѣла.

Почему так дики и страшны их загробные голоса, как вопли осенняго вѣтра русских великих равнин, воющіе из страшнаго далека:

— Правосудія!.. Правосудія!..

И в ужасѣ бѣгут репортеры міровых газет, в паникѣ мчатся двѣнадцать присяжных, с их черными сюртуками и крахмальными манишками, бѣгут судьи, бѣжит сам предсѣдатель суда.

Суд сорван. Суд не состоялся.

. . . .

Такова фантазія!..

На то она и фантазія, чтобы, вопреки всѣм законам естества и здраваго смысла, притащить в суд, в качествѣ свидѣтелей по дѣлу об убійствѣ представителя власти рабочих и крестьян, представителя перваго в мірѣ правительства первой республики трудящихся, большевика Воровскаго — не гражданина Полунина, а каких-то безобразных мертвецов.

Всѣх замученных и разстрѣлянных в большевицких подвалах, всѣх погибших от голода и холода, всѣх погибших от грязи и эпидемій... жертв великаго коммунистическаго эксперимента.

Ибо, кому же и свидѣтельствовать о всей безднѣ преступленія большевицких владык, как не им, погибшим неотомщенными?

Ибо, кому же и свидѣтельствовать в пользу человѣка, который поднял свою слабую руку, по собственной ли волѣ или по приказу какой-либо организаціи, в защиту и отмщеніе всѣх их, невинно погибших?

Страх и молчаніе царят в Россіи. Там каждое слово протеста, каждая жалоба встрѣчают только подлый удар револьвернаго выстрѣла в затылок. Там зорко и злобно горят глаза всевидящаго палача. Там невиданный сыск и бездонное предательство мертвой сѣтью окутали жизнь и сторожат малѣйшее движеніе против кровавой, торжествующей, безграничной власти кремлевских владык.

Там задыхаются, трепещут, блѣднѣют и безмолвствуют люди, и все новыя и новыя окровавленныя тѣни присоединяются к безконечным рядам мертвых призраков, встающих, чтобы свидѣтельствовать, на грядущем страшном судѣ исторіи, о том безмѣрном преступленіи, имени которому нѣт на землѣ, и которое мы тускло и блѣдно называем большевизмом.

IV.

КРАСНОБУРЫЕ СОБОЛЯ.

С легкой руки или вѣрнѣе — с легкой совѣсти Ленина, пошла мода сознаваться в своих ошибках. Надѣлает человѣк кучу мерзостей, в грязь мордой шлепнется, а потом встанет и скажет:

— Ну, что же, я ошибся. Всѣ ошибаются! Не ошибается только тот, кто ничего не дѣлает.

У Ленина это даже в привычку вошло: каждые полгода он выходит на трибуну и заявляет:

— Мы надѣлали кучу глупостей и ошибок!

Но вы напрасно думаете, что коммунисты приходят в ужас от такой аттестацiи результатов их строительства. Ничего подобнаго!.. Они устраивают своему вождю „продолжительныя оваціи", а потом поют интернаціонал.

И ни одна коммунистическая собака не крикнет геніальному пройдохѣ:

— Позвольте, товарищ, но вѣдь за малѣйшее сопротивленіе этим глупостям и ошибкам мы безпощадно разстрѣливали тысячи людей!

Нѣт, гремят „могучіе звуки интернаціонала" и товарищ Ленин сходит с эстрады, чтобы через полгода, надѣлав кучу новых ошибок и глупостей, снова появиться с таким же докладом.

Что ему до того, что за его ошибки и глупости жизнью расплачиваются милліоны людей?.. Еще сильны чекистскія „Вохры"! Онѣ не отдадут своего атамана на растерзаніе тѣм, кто на своей спинѣ принужден сносить его ошибки и глупости.

Впрочем, я хочу говорить не о Ленинѣ, а об Андреѣ Соболѣ.

Знаете ли вы, что такое Андрей Соболь?

Нѣт, я вижу, вы не знаете, что такое Андрей Соболь!

Был в русской литературѣ такой маленькій, совсѣм бездарный писатель. Что он писал, я доподлинно сказать не могу, но в русской литературѣ было много таких маленьких писателей. Говорю я это совсѣм не в укор русской литературѣ: мало ли

всякой мелочи прилипает к большому дѣлу!.. Еще Гоголь говорил, что стоит только гдѣ-нибудь поставить памятник, так сейчас же туда всякой дряни нанесут. Вот, и у величественнаго памятника россійской словесности накопилось этой дряни достаточно.

Впрочем, Некрасов увѣрял, что, если бы не было „жалких писак и педантов", не было бы также „Скоттов, Шекспиров и Дантов".

И понятно, что чѣм больше корабль, тѣм больше ракушек и слизняков присасывается к его днищу.

Если тут и есть что-нибудь ужасное, так это только то, что большевицкая буря перевернула наш корабль вверх дном, и всѣ эти ракушки и пильняки. ...то бишь, слизняки, очутились наверху.

Но прежде, чѣм заговорить об Андреѣ Соболѣ, я хочу сказать нѣсколько слов.

Большевики очень озлобились, что я выступаю против них, и усердно поливают меня помоями. Я, конечно, этого ожидал: вѣдь, марать грязью — это излюбленный способ борьбы всѣх мерзавцев.

„Клевещите, клевещите!.. Что-нибудь да останется!"

Сей классическій завѣт большевики усвоили твердо. Они никогда не возражают своим противникам по существу. Там возражать, конечно, трудно, гдѣ возразить нечего! Гораздо проще просто подмарать репутацію своего врага какой-нибудь гаденькой сплетней. И я не стал бы поминать об этом, если бы из ушата большевицких помоев не выскочила, между прочим, и одна заплесневѣлая корка, которая и навела меня на ряд грустных размышленій.

Вывалилась эта корка из смѣновѣховской лоханки „Наканунѣ".

„... Арцыбашев не Ломоносов, и его можно отставить от русской литературы. Совѣтская Россія обойдется и без него!"

Кстати, вы замѣтили, как навязчиво большевики всегда прибавляют слово „совѣтская"?.. Эти канальи, в глубинѣ души, прекрасно знают, что между Россіей вообще и „совѣтской Россіей" большая разница. Но это между прочим.

Что я не Ломоносов, это меня мало огорчает, тѣм болѣе, что большевицкая академія сильно смахивает на „Шморгонскую академію", но, все-таки, как великолѣпно звучит это „можно отставить по адресу человѣка, который сам себя уже давно отставил.

Отставил, как отставили себя и Леонид Андреев, и Короленко, и Плеханов, и Бунин, и Мережковскій, и много других, стоявших во главѣ русской литературы.

Многіе европейцы еще колеблются в своем отношеніи к большевикам. Еще не всѣ окончательно убѣдились, что это только кучка политических авантюристов, палачей и лицемѣров. Кое-кто до сих пор сомнѣвается: а, вдруг, мол, это вовсе не прохвосты, а подлинные строители новаго міра?

Ни моря пролитой крови, ни ужас полнаго развала огромной страны, ни клоака пресловутаго НЭП-а, ничто не может сдвинуть тихих европейских идіотиков с их выжидательной позиціи.

И я хотѣл бы обратить их вниманіе на одно странное обстоятельство: как это могло случиться, что всѣ лучшіе русскіе писатели, составившіе свою эпоху в русской литературѣ, люди прекрасных талантов, глубокой мысли и больших чувств, не могли понять прелести большевизма и с ужасом отшатнулись от него?

Неужели же, в самом дѣлѣ, такое роковое случилось совпаденіе, что, как раз к моменту захвата власти большевиками, во главѣ русской революціи оказались одни дураки, клеветники и реакціонеры?

Вѣдь, вот, незадача, в самом дѣлѣ!

Ну, что бы стоило большевикам захватить власть, ограбить, раззорить и затопить кровью Россію, чуточку пораньше. Не во времена Леонида Андреева, а еще при Достоевском, Толстом и Тургеневѣ?

Тѣ, конечно, не прокляли бы Ленина с братіей, не клеветали бы на совѣтскую власть, не отрясли бы грязь большевицкой Россіи от ног своих, а, напротив — яростно сотрудничали бы в „Извѣстіях", раздувая міровой, соціальный пожар коммунистической революціи.

Достоевскій, который писал, что „все будущее блаженство не стоит одной слезки замученнаго ребенка", конечно, нашел бы, что „завоеванія революціи", с НЭП'ом включительно, вполнѣ оплачивают тѣ квадрильоны слезок и капелек крови, что выжали из русскаго народа большевики.

О Толстом и говорить нечего! Спору нѣт, что этот пророк непротивленія злу был бы в восторгѣ от краснаго террора.

А доброму старичку Тургеневу, который так любил „наш великій, прекрасный русскій язык", доставило бы, без сомнѣнія, величайшее наслажденіе прочесть вслух:

— Совнарком.. петжелтрест.. губкустпром.., начштабвоздухфлот!..

Не говоря уже о каком-нибудь легоньком стихотвореньицѣ Маяковскаго, вродѣ

Первым маем
    Размайся!
В мостовой камень
    Ввинти шаг!
Звонкій голос
    Метни труб!
        Трах, тара, рах!..

Господи, я увѣрен, что Тургенев три дня плакал бы навзрыд... от умиленія, конечно.

Но что же было дѣлать бѣднымъ пролеткультпросвѣтителям, когда всѣ тѣ, кто непремѣнно „был бы с нами", как увѣренно заявили „Извѣстія" относительно Льва Толстого, несвоевременно опочили, а вмѣсто них, по проискам подлых соціал-предателей меньшевиков и эс-эров, оказались Леониды Андреевы, которые никак не захотѣли „быть с нами", несмотря на самыя заманчивыя улыбки Госиздата.

Волей-неволей пришлось их отставлять, и при этом поскорѣе, пока никто не узнал, что они сами себя отставили.

Господа колеблющіеся иностранцы! Неужели вы думаете, что если бы большевизм не был сплошною мерзостью насилія и лицемѣрія, лучшіе русскіе писатели прокляли бы его?

Вѣдь, вы знакомы с этими писателями. Вы знаете, что это люди, в писательской честности и чуткости которых сомнѣваться невозможно. Можно ли, находясь в здравом умѣ и свѣжей памяти, причислить их к лику клеветников и черных реакціонеров?

А, между тѣм, всѣ они „отставлены". Что же это значит?

Впрочем, отставляйте. Отставляйте, милые большевики!.. Отставьте Андреева, Короленко, Бунина, Блока, Куприна, Мережковскаго... отставьте, наконец, всю русскую литературу, а себѣ оставьте Маяковскаго, Андрея Соболя и всѣх прочих пильняков, до „графа" Алексѣя Толстого, включительно.

Что-ж, имѣть в „товарищах" графа тоже чего-нибудь стоит!

Но ужас вот в чем: большевики прекрасно понимают, что если вся русская литература отставится от них, и останутся они вовсе без литературы, то и слѣпому станет ясно, что в совѣтской Россіи есть какой-то скверный из'ян.

А, кромѣ того, литература это сила. Даже тогда, когда она отставлена.

И посему, и потому большевики рѣшили, что без литературы им никак невозможно.

Сначала они попытались создать свою собственную, пролетарскую литературу, но из этого ничего не вышло, кромѣ безчисленнаго множества плохих поэтов, которые только и умѣли, что рифмовать пролетаріат с интернаціоналом.

Тогда большевики бросились в об'ятія футуристов, имажинистов и прочих ничевоков, которые с радостным ржаніем устремились в конюшни имени товарища Луначарскаго, гдѣ им была приготовлена обильная кормушка.

Этой литературной сволочи, жаждавшей только признанія и пайков, конечно, было рѣшительно все равно — читать ли свои стихи по кабакам, или пѣть октябрьскую революцію.

С тѣм их и взяли. И с кабаками, и со стихами.

Однако, как ни громко ржал Маяковскій, но и он не вывез.

К сожалѣнію, получилось нѣчто, совершенно непредвидѣнное: не прошло и трех лѣт, как стошнило самого Луначарскаго.

Во первых, оказалось, что этот самый революціонный футуризм ни что иное, как чирей на носу буржуазной литературы. Во вторых, что народ и даже сами красноармейскіе депутаты ничего не могут понять в этой тарабарщинѣ. А в третьих, Европѣ они совсѣм не импонируют.

Несмотря даже на то, что всѣ они, по своему собственному признанію, геніи!

О, Игорь, Игорь Сѣверянин!.. Великій грѣх ты взял на свою поэзодушу!., Вѣдь, это ты первый сказал:

„Я геній, Игорь Сѣверянин!"

До тебя стать геніем было очень трудно. Байроны и Шекспиры по сто лѣт ждали этой чести. Ты, Игорь Сѣверянин, обѣщавшій нам, что когда

„ . . . . . падет послѣдній исполин,
Тогда, ваш нѣжный, ваш единственный,
Я поведу вас на Берлин!"

а потом безсовѣстно надувшій нас и удравшій в Берлин в одиночку, первый дерзнул, не дожидаясь признанія неблагодарнаго потомства, провозгласить себя геніем.

А теперь, — видишь, Игорь Сѣверянин? — по стопам твоим полѣзла в геніи всякая шваль!.

Да что — геній!.. Один из вождей футуризма прямо об'явил себя предсѣдателем земного шара, предвосхитив этот пост у товарища Ленина. Страшно даже подумать, что могло выйти из этого! Но к счастью, он своевременно сошел с ума.

О, Господи, я смѣюсь, а тут плакать надо!

Бѣдная, великая русская литература! Гдѣ твоя цѣломудренная скромность, твоя божественная простота, твоя кристальная искренность?

С росписанными Бурлюком щеками, в желтой кофтѣ Маяковскаго, сомнительно декольтированная под Гольцшмита, вышла ты на улицу и пошла трепаться по кабакам.

Кафе-шантанные эксцентрики, людо-гуси и прочіе цирковые номера кувыркаются, орут, дают себѣ пощечины, заголяют срамныя мѣста на твоей кровью политой аренѣ, гдѣ нѣкогда свершали суровый подвиг служенія родинѣ великіе подвижники слова!

Отдалась ты Смердяковым и Хлестаковым.

„Как Пушкин с Дельвигом дружили,
Так дружим мы теперь с тобой!"

„Ты, брат Пушкин, да я, брат Пушкин!.."

Это Маріенгоф — Есенину!.. Тот самый Маріенгоф, который убѣждал Матерь Божію отелиться, тому самому Есенину, который нашел разительное сходство между солнцем и...

Очень жаль, что эти перлы современной русской поэзіи приходится замѣнять многоточіем, но без многоточія тут ничего не подѣлаешь. Ну, как, например, обойтись без многоточія с

Кусиковым, который однажды предложил нам замѣнить источник вдохновенія совсѣм другим источником.

„Я хочу . . . . . . на луну!“

Конечно, это очень дерзновенно и размах исполинскій — на луну! — но без многоточія никак невозможно.

Вообще, поэзія была самая пролетарская, около которой даже не воспрещалось останавливаться.

Как жаль, что я не запомнил одного высокопоэтическаго стихотворенія Сергѣя Городецкаго!.. Вот, гдѣ уж, несомнѣнно, чистая поэзія! Помню только двѣ послѣднія строчки... Сначала идет гимн полевому простору, раздолью небес и прочим красотам природы. Потом пахнет весной и луговыми цвѣтами, а в заключеніе сидит на холмѣ пролетарская красавица Дунька, любуется на „солнца краснаго заход“, а „в животѣ у ней шевелится Ваньки рыжаго приплод!...“

Одним словом, Луначарскаго стошнило, и громовым письмом в редакцію об'явив, что принимает за личное оскробленіе приглашеніе быть предсѣдателем какого-то имажинистскаго кружка, вождь пролетарской культуры горько возопил:

— Назад! К Островскому!..

И, хотя Маяковскій не то, что до Островскаго, но уже и до Третьяковскаго докатился, большевики все же признали за благо залучить к себѣ хотя бы тѣ жалкіе остатки русской литературы, которые, пока что, голодные сидѣли по своим нетопленным углам и тихо жаждали пайков.

Г. Матусевич, в „Рулѣ“, разсказывает любопытную исторію, как однажды властные духи подхватили Пильняка и В. Иванова на автомобиль и умчали их прямо в знаменитое Архангельское, бывшее имѣніе кн. Юсуповых, нынѣ служащее резиденціей извѣстнаго пролетарія Троцкаго. Там добрые духи усадили ошеломленных пильняков за пышный стол, уставленный явствами и питіями (это послѣ мороженой совѣтской картошки-то!) и...

И получили пильняки милліарды, и получили они академическіе пайки, и получили они издательства, и ощутили они мгновенное пріятіе октябрьской революціи, и возглавили оные пильняки ту самую русскую литературу, которой так не хватало большевикам, чтобы убѣдить Европу в своей культурности.

„Но примѣр никому не наука!“

Велика и обильна литературная проституція.

Вернемся теперь к Андрею Соболю.

Не стоило бы, конечно, и говорить о нем, если бы эти соболи не плодились, как суслики.

Под благотворными лучами красной звѣзды размножаются они в неимовѣрном количествѣ.

Первыми соболями, которых удалось словить большевикам, были матерые, пушистые звѣри — Максим Горькій и Валерій Брюсов. Один был эстетом, другой ярым врагом большевизма.

но они раньше других послѣдовали благодѣтельному примѣру товарища Ленина — покаялись в своих ошибках — и переметнули хвосты налѣво. Но горе в том, что Брюсов как то уж черезчур быстро стал линять, а Горькій оказался даже вовсе и не соболем, а просто скунсом, у которых, как извѣстно, есть одна непріятная специфическая особенность... И, как ни кормили его большевики, но, отъѣвшись, он, все таки, удрал за границу и, как настоящій скунс, хвост задрал. Большевики и до сих пор носами крутят.

Потом поймали они прелестнаго, граціознаго звѣрька, Александра Блока, но тот не выдержал большевицкаго духа, стал отказываться от пищи и помер.

И остались у большевиков одни хвосты собольи, да и то не собольи, а просто заячьи.

Итак, есть на свѣтѣ маленькій писатель Андрей Соболь.

Долго он гордо ходил поодаль от совѣтскаго корыта, гдѣ уже лакали тепленькое, с привкусом человѣческой крови, большевицкое пойло многочисленные суслики из породы пильняков, косо поглядывал на эту облѣзлую братію и говорил:

— Презрѣнные!

И (по описанію г. Матусевича), рѣзко срѣзая ладонью воздух, гордо клялся:

— Но я к большевикам никогда не пойду!

И так клялся до тѣх пор, пока не пошел.

Признал свои ошибки и пошел! Но пошел с треском, не так, как дѣлали другіе, которые пильняки.

Тѣ продѣлывали „пріятіе революціи" скромно, втихомолку, как и подобает созершать грязныя физіологическія отправленія. Брали свои исписанныя бумажки и шли прямо в соотвѣтствующее мѣсто — какую-нибудь „Красную Ниву"... „Красный Огонек", или „Красную Новь"... Есть такіе замѣчательно оригинальные большевицкіе журналы на краденой у Маркса бумагѣ.

Андрей Соболь высоко цѣнит Андрея Соболя. Он твердо знает, что его перехсд к большевикам потрясет мір и наведет панику на самых заклятых контр-революціонеров.

„Я встану в число защитников и, изступленно ненавидя убійство, все-таки буду стрѣлять... буду!"

Помилуй Бог, как страшно! Только то меня и успокаивает, что мы уже видѣли одного такого, что обѣщал нас повести на Берлин. Авось ничего!.. Бог не выдаст, соболь не съѣст. Перед самым моим отъѣздом из Москвы, я видѣл Андрея Соболя, но не в грозных рядах красной арміи, а просто в мирном казино, гдѣ он проигрывал в желѣзку совѣтскіе червонцы и притом в очень большом количествѣ. Помню, как я и один мой пріятель удивлялись тогда, откуда у Соболя столько денег?.. Теперь оно стало понятно! Вѣдь по курсу дня тридцать сребренников — большіе деньги.

Повторяю, я заговорил об Андреѣ Соболѣ только потому, что эти соболи стали бытовым явленіем в русской литературѣ. Вольно или невольно, но, в своем открытом письмѣ, Соболь обнажил зловонную язву.

„Если званіе писателя к чему-нибудь обязывает, то прежде всего — не лицемѣрить. Лицемѣріем мы сыты по горло, во всѣх проявленіях нашего россійскаго бытія. Обязан писатель отдать себѣ раз и навсегда недвусмысленный, ясный отчет, с кѣм он? Или замолчать, раз вся русская печать в руках большевиков, или открыто пріять революцію“.

Да, это правда! Лицемѣріе вот язва, раз'ѣдающая русскую жизнь. Лицемѣрит власть, грабя, убивая и насилуя народ, во имя блага народа. Лицемѣрят вожди, насаждая отвратительный НЭП, как путь к коммунизму. Лицемѣрят совѣтскіе дипломаты, отрекаясь от дѣятельности коминтерна и состоя его активными дѣятелями. Лицемѣрят обыватели, подчиняясь совѣтской власти и ожидая только дня и часа, чтобы разорвать ее в клочья. Лицемѣрят совѣтскіе служащіе, казнокрадствуя, якобы, для саботажа. Лицемѣрят братья-писатели, то притворяясь аполитичными, то подыскивая соус, под которым можно пріять революцію, ненавидимую ими до глубины души.

Ни у кого из них не хватает гражданскаго, или просто человѣческаго, мужества сказать открыто, что они пріемлют не революцію, а только революціонные пайки.

Впрочем, что-ж... вѣдь, большевики сила и притом сила безпощадная. Они, пожалуй, и ухом не поведут, если всѣ эти маленькіе суслики передохнут с голоду. А маленьким умирать не хочется, маленьким хочется кушать!

И вот, один по одному, скрѣпя сердце, поползли суслики к большевицкому корыту.

Но и у них имѣется, пусть и малая, пусть и сусликовая, но все же совѣсть. И вот, юлят они во всѣ стороны, пріискивают себѣ оправданіе, лгут и лицемѣрят.

— Вѣдь, искусство аполитично! Вѣдь, они вовсе не служат большевикам, они только дают свои совсѣм аполитичные стишки и разсказы.

Но тут-то их и настигает громовержащій Соболь.

Дѣло в том, что он здорово опоздал со своим пріятіем революціи. Ренегаты набили большевикам оскомину, и за оборотней они стали платить дешево. Ничего другого не оставалось Андрею Соболю, как зарычать и распустить хвост так, чтобы Госиздат, по глупости, подумал, что перед ним, и впрямь, настоящій густопсовый соболь.

И гремит он, ставши на заднія лапки:

„Надо быть честным, надо сознаться, что „Красная Нива“ или „Красная Новь“ не только мѣсто для пріема рукописей, но и органы опредѣленной окраски, а Госиздат не только аппарат для распространенія печати, но и для пропаганды той же

революцiи. Появленiе писателя в этих органах придает извѣстный оттѣнок писателю, хотя бы его произведенiе находилось и внѣ времени и пространства".

Прав Соболь, трижды прав!.. Но он был бы еще ближе к истинѣ, если бы раз'яснил своим товарищам, что, создавая литературный антураж большевицким прокламацiям, которыя всѣм уже надоѣли и которых, пожалуй, никто читать бы не стал, они тѣм самым освѣжают их, придают им силу, навязывают их читателям, опредѣленно служат большевицкому дѣлу.

Андрей Соболь, столь открыто и громогласно совершающiй свой переход в стан „ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови" был бы во много раз лучше других, если бы от него не пахло тѣм же подлым лицемѣрiем.

Он старается изо всѣх сил доказать, что он совершенно красный, а он только краснобурый.

„Для меня РСФСР не только вынужденное прiятiе пяти букв, но пятикратное утвержденiе, ибо горят и должны горѣть пламенным огнем пять чудесных и прекрасных слов: родина, международность, мир, правда и человѣчность!"

Международность — может быть, правда — дѣло спорное, конечно, ибо у всякаго своя правда; но я никак не могу допустить, чтобы Андрей Соболь был настолько глуп и наивен, дабы искать родину в программѣ третьяго интернацiонала, мир — в проповѣди всемiрной гражданской войны, человѣчность — в безчеловѣчном террорѣ.

Как, должно быть, хихикали большевицкiе авгуры, читая письмо Андрея Соболя. Они, конечно, его напечатали с удовольствiем. Что им до того, дѣйствительно-ли Андрей Соболь прiял революцiю или только лицемѣрит. Им не это важно.

Дѣло их безнадежно проиграно. Власть, за которую они так бѣшено желѣзом, кровью, наглостью и лицемѣрiем боролись шесть лѣт, ускользает из их рук. Впереди только паденiе и кровавая месть измученнаго, обманутаго народа.

Их единственное спасенiе в том, чтобы разложить этот народ до той степени моральнаго затменiя, когда теряется граница между красным и бѣлым, между искренностью и лицемѣрiем, между правдой и ложью.

Чтобы в извѣстный момент явилась для них возможность, распродав без остатка свои коммунистическiе идеалы на базарѣ НЭП'а, незамѣтно слиться с окончательно разложившейся, запутавшейся, оподлившейся интеллигенцiей, подтасовать какое-нибудь народное собранiе и остаться у власти.

И вы, краснобурые соболя, подготовите им почву для этого перехода. Вы, не имѣющiе мужества сознаться, что вами руководит только голод. Вы, продающiе за чечевичные пайки свою писательскую совѣсть. Вы, лживым языком, заикаясь и косноязыча, подыскивающiе оправданiе большевикам, чтобы оправдать себя!

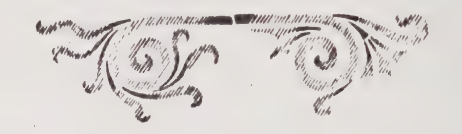
И, если отуманенный, сбитый вами с толку русскій народ, который до сих пор вѣрил своим писателям, простит большевикам, забудет пролитую ими кровь своих отцов и матерей, братьев и сестер, забудет свои собственныя страданія и униженія, вы первые будете повинны в том.

Ибо среди всѣх видов лицемѣрія, которым мы „сыты по горло, во всѣх проявленіях россійскаго бытія“, самое подлое, самое хитрое — ваше лицемѣріе.

Вы своим „пріятіем революціи“ вносите ядовитый туман в сознаніе народное. До вас всѣм было понятно и ясно, что не в революціи тут дѣло, а в том, что большевики вовсе не революціонная, а реакціонная сила. До вас казалось понятным, что мы не революцію не пріемлем, а не пріемлем большевиков, которые опоганили революцію, превратили ее в грабительство, убійство и ложь, подмѣнили свирѣпой и корыстной тираніей.

При чем тут революція, лжецы и лицемѣры?

Я вѣрю, что настанет день, когда всѣм станет ясна черная правда вашего паденія, когда всѣ ваши имена, от Максима Горькаго до Андрея Собол·, от открыто пріемлющих до скрыто ужинавших в салонах товарища Луначарскаго, пожимавших его окровавленную лапу, будут занесены на позорную доску, а вас будут бить по щекам на улицах и площадях, в театральных фойэ и общественных уборных.

V.
ОТВѢТ.

В газетѣ „Наканунѣ" опубликован документ, заглавіе котораго живо напомнило мнѣ знаменитые „Протоколы сіонских мудрецов".

ТАБЛИЦА
состоянія работ по выполненію программы.

Это не болѣе и не менѣе, как список лиц, принявших то или иное участіе в подготовкѣ защиты А. Конради, убійцы Воровскаго.

Происхожденіе этого документа неизвѣстно. Почтенная газета на этот счет отзывается нѣсколько глухо: „нам доставлен".

Очевидно, что если это не поддѣлка, то документ просто украден. Послѣднее очень возможно, ибо „Наканунѣ", конечно, получает на сей предмет от большевиков суммы, совершенно достаточныя для содержанія шпіонов и покупки завѣдомо краденаго.

Впрочем, в политической борьбѣ эти пріемы „и монаси пріемлют", а потому не стоило бы и говорить об этом, если бы меня не удивило вот что: зачѣм большевикам понадобилось прибѣгнуть к столь сложному и, в смыслѣ неприкосновенности личности, рискованному способу?

В дѣлѣ организаціи защиты А. Конради и Полунина нѣт ровно ничего тайнаго. Люди, которые приняли в этом дѣлѣ участіе, отнюдь не собираются сверкать глазами „из под таинственной, холодной полумаски". Это вѣдь не агенты III интернаціонала, которым приходится одновременно торговать хлѣбом голодающих поволжских крестьян и сбывать краденые брилліанты и распространять коммунистическую агитацію. Там, дѣйствительно, без маски „торговаго представителя" обойтись трудно! А тут дѣло простое. Люди готовятся не к заговору, а к публичному процессу, на котором все равно анонимных показаній быть не может. Для чего же им маски?

Я думаю, что если бы „Наканунѣ", вмѣсто того, чтобы дѣйствовать при помощи дорого стоющей отмычки, просто прислало своего репортера, ему любезно сообщили бы всѣ данныя.

И, чтобы доказать, что это дѣйствительно так, я, с полной готовностью, иду навстрѣчу почтенной газетѣ и даже спѣшу исправить нѣкоторую неточность, вкравшуюся в драгоцѣнный документ: там имѣется, быть может несущественный, но все же пробѣл...

А именно: в спискѣ имен лиц, подготовляющих защиту А. Конради, нѣт имени М. П. Арцыбашева.

А, между тѣм, по мѣрѣ своих сил, я в этом дѣлѣ участвую, о чем вам, господа „товарищи", и заявляю.

Заявляю же я об этом потому, что из-за лакейской спины смѣновѣховской газеты слишком недвусмысленно выглядывает оскаленная волчья морда че-ка.

„Наканунѣ" предлагает:

„... лицам, фамиліи которых названы в этой таблицѣ, дать прямой и недвусмысленный отвѣт, дѣйствительно ли они принимают участіе в защитѣ убійц Воровскаго?.. Надо знать, дѣйствительно ли на платформѣ убійств из-за угла представителей совѣтской Россіи — соціалисты, вродѣ Мельгунова и Кусковой, либералы, вродѣ Струве и Кузьмина-Караваева, об'единились с монархистами, на руках которых не только кровь Воровскаго, но и кровь Набокова. Надо знать, составляет ли отнынѣ бѣлый террор общій лозунг русской эмиграціи?.. Защита убійц это не только активное сочувствіе, но и подстрекательство к новым убійствам. Если вы, дѣйствительно, этого хотите, имѣйте мужество сказать прямо! Если вашими именами злоупотребляют, если это недоразумѣніе — раз'ясните... Ждем немедленнаго отвѣта! Или публично отмежуйтесь от убійц Воровскаго и их защитников, или открыто заявите о своей солидарности с ними. Из вашего отвѣта мы сдѣлаем надлежащіе выводы!"

Иной наивный человѣк, пожалуй, подумает:

— Какіе же тут, к черту, могут быть надлежащіе выводы?.. Тот факт, что всѣ перечисленныя лица являются политическими эмигрантами, сам по себѣ свидѣтельствует, что всѣ они - враги совѣтской власти... Что, несмотря на партійныя разногласія, соціалисты, либералы и монархисты об'единяются в ненависти к большевикам, палачам русскаго народа и міровым поджигателям, это тоже само собой понятно. К чему же ломиться в открытую дверь?

Дѣло об'ясняется просто, если вдуматься в смысл слѣдующаго абзаца, который я намѣренно пропустил:

„Кстати, не пожелает ли бывшій с.-р. Питирим Сорокин, внесенный убійцами в поданный ими список, отвѣтить, дѣйствительно ли он берет на себя эту роль?"

Как извѣстно, на знаменитом московском процессѣ эсеров, Гоц и его товарищи были присуждены к разстрѣлу, но оставлены в качествѣ заложников за всѣ возможныя выступленія партіи с.-р. против совѣтской власти.

А так как сказано, что „защита убійц есть не только

сочувствіе, но и активное подстрекательство", то, очевидно, если эсер Сорокин активно причастен к бѣлому террору, то у чекистских палачей нынѣ развязаны руки для расправы со своими врагами.

Правда, Сорокин только бывшій эсер и это, в данном случаѣ, немного портит дѣло, но развѣ московским шулерам много надо?.. Притом же дѣло, может быть, и не в том, чтобы непремѣнно разстрѣлять. На это, пожалуй, и смѣлости не хватит. Большевики слишком хорошо знают, что „пролетаріи всѣх стран" — красные, розовые, желтые и всякіе иные — великолѣпно усвоили себѣ мораль самых подлинных черных готтентотов:

— Если я украду чужую жену, это—добро, а если украдут мою жену — это зло!

Большевики могут в полное свое удовольствіе рѣзать „буржуев" в неограниченном количествѣ, с женами и дѣтьми их. Против этого готтентоты не протестуют. Пожалуйста, сдѣлайте ваше удовольствіе!.. Вѣдь, это „чужая жена". Но эти самые готтентоты подняли всесвѣтную бурю, когда большевикам вздумалось перестрѣлять десяток соціалистов. Как никак, а эсеры тоже соціалисты! Это уже „моя жена".

А так как большевикам ни с какой стороны невыгодно поднять эту бурю снова, то возможно, что до разстрѣла эсеровских запожников дѣло и не дойдет. Но попугать, пошантажировать на законном, так сказать, основаніи, это отчего же... это можно и полезно!

И они шантажируют.

В отношеніи к остальным дѣло обстоит проще: большевики (ох, и я с ними!) не очень высокаго мнѣнія о храбрости весьма и весьма многих из числа своих врагов.

Им, видите ли, „нужно знать, составляет ли отнынѣ бѣлый террор общій лозунг русской эмиграціи?"

Тут дѣло совсѣм ясное: на бѣлый террор они отвѣтят красным террором!

Это тѣм болѣе просто, что красный террор ни на минуту и не прекращался. Правда, жертв стало меньше, но это только потому, что некого стало разстрѣливать, понеже всѣ перестрѣляны. Настоящее же дѣло дает большевикам повод к расширенію круга своих жертв.

Одним словом — чтоб не тянуть дальше — я не знаю, дадут ли большевикам „прямой и недвусмысленный отвѣт" мои случайные товарищи по защитѣ А. Конради.

Г. Кускова заявила уже, что с господами слѣдователями из „Наканунѣ" — Кирдецовым, Дюшеном и Гуровичем — сначала об'единившимися с генералом Юденичем для террора бѣлаго против большевиков, а потом об'единившимися с большевиками для террора краснаго, она разговаривать просто не желает. Но так как газета „Наканунѣ" имѣет монопольное право распростра-

ненія в Россіи, то она готова дать желаемый отвѣт, при условіи, что „Наканунѣ" предварительно обязуется полностью напечатать этот отвѣт на своих страницах.

Я бы сам, пожалуй, подписался под заявленіем г-жи Кусковой, если бы не одно обстоятельство: и я, и г-жа Кускова можем быть вполнѣ увѣрены, что или мы просто не получим такого обязательства, или оно будет дано, но не выполнено.

А, кромѣ того, меня немного удивила одна фраза в заявленіи г-жи Кусковой: „отвѣчать не желаю и не обязана, какія бы гнусныя обвиненія они на меня ни взводили!"

Выходит так, что г-жа Кускова считает мысль о возможности ея выступленія в дѣлѣ Конради — гнусным обвиненіем!

Ну, что-ж дѣлать!.. Очевидно, нам с г-жей Кусковой не по дорогѣ, и вмѣсто того, чтобы присоединиться к ея заявленію, я вынужден дать отвѣт самостоятельно.

И я его даю.

Да, я сознательно и опредѣленно выступаю и буду выступать на защиту А. Конради и всѣх ему подобных.

Бѣлый террор, конечно, не составляет общаго лозунга русской эмиграціи. К сожалѣнію, у нея, вообще, нѣт никакого общаго лозунга, благодаря чему вы, господа большевики, и сидите в Кремлѣ, продолжая дѣлать свое гнусное дѣло и лелѣя сладкую мечту распространить грабеж и убійство на весь земной шар.

Очень возможно, что многіе не дадут вам прямого и недвусмысленнаго отвѣта, или вовсе промолчав, или отдѣлавшись казуистическими контр-требованіями, или заѣхав в зыбкую трясину сантиментальных ламентацій на тему: „вообще мы против террора, как бѣлаго, так и краснаго, но считаем своей священной обязанностью и так далѣе"

Я отвѣчу проще:

Поднявшій меч да и погибнет от меча!

Вы, тираны, фанатики и изувѣры, превратили великую безкровную русскую революцію в кровавую оргію террора, какого еще не видал мір.

Когда вы начали свое гнусное дѣло в Россіи царила неограниченная свобода и никаких препон к проповѣди ваших коммунистических идей не было. Вам представлялась полная возможность мирной борьбы за ваши идеалы. Но вы предпочли кровавый террор и тиранію.

Конечно, мирная борьба не давала вам возможности молніеносно водворить на землѣ коммунистическій рай, но не вам, торгаши и лицемѣры, говорить об этом теперь, в эпоху вашего грязнаго НЭП'а.

Не раз и не два ваш сумасшедшій вождь публично каялся, что то, что вы продѣлали над растерзанным, окровавленным тѣлом Россіи, есть только „куча глупостей и ошибок".

Но вы не сдѣлали из этого дѣйствительно „надлежащих" выводов, вы предпочли цѣпляться за власть и дѣлать новыя глупости и новыя ошибки, кровью заливая всякое сопротивленіе и мечтая распространить ваши глупости и ошибки по всѣм странам свѣта.

Еще совсѣм недавно, устами своего германскаго соратника, заявили вы, что надо уничтожать врага, что враг не страшен только на кладбищѣ

Врагами вы считаете всѣх инако-мыслящих, и, если вам удастся побѣдить, вы зальете кровью весь мір.

И вы, готтентоты двадцатаго столѣтія, осмѣливаетесь протестовать, когда на кровь вам отвѣчают кровью?

Вы называете нас убійцами из-за угла.

Но давно-ли минуло то время, когда вы, с пѣной у рта, вопили на весь мір о жестокостях царских палачей, и не вы ли внесли в число народных героев имена Каляева, Балмашева, Перовской и других террористов?

Нѣт, нѣт, не оправдывайтесь готтентотской моралью! Уж слишком вы затрепали ее. Слишком много раз вы оправдывались тѣм, что то был террор против царей, а ваш террор есть террор против „помѣщиков и капиталистов".

Довольно передергивать, шулера, вы прекрасно знаете, что не против „власти трудящихся", которой в Россіи не было и нѣт, а против вашей власти, власти кучки коммунистических диктаторов, мы боремся.

Знаете ли вы, что каждый из нас, русских эмигрантов, покинул родину, забрызганный кровью своих близких и друзей, замученных и разстрѣлянных вашими палачами... о, да, не из-за угла, но в подвалах ваших чекистских боен.

Кровь за кровь!

Но не думайте, что на этом вы можете построить оправданіе своих новых звѣрств.

Да, террор ужасное дѣло. С болью и скорбью рѣшаются на него. И вы прекрасно знаете это, ибо и сейчас спекулируете именно на нашем отвращеніи к террору. Задавая свои іезуитскіе вопросы вы знаете, что мы настолько духовно чужды этому способу борьбы, что многіе из нас убоятся слова и не рѣшатся заявить, что они признают законность террора, хотя бы даже и против таких извергов рода человѣческаго, какими являетесь вы.

А я говорю: страшна, жестока и безобразна борьба, но всю отвѣтственность несет за нее тот, кто ее начал. Ужасен и отвратителен террор, но кровь его на тѣх, кто первый поднял топор палача.

А потому ваш террор — только преступленіе, террор против вас — справедливое возмездіе.

Кто творит одно дѣло с палачами, тот сам палач, и Воровскій был убит не как идейный коммунист, а как палач.

Не как представитель рабочих и крестьян, а как агент совнаркома и коминтерна убит он.

Убит, как агент мiровых поджигателей и отравителей, всему мiру готовящих участь несчастной Россiи.

Убит человѣком, который видѣл то, что творили вы в Россiи, который знает, что вы ядовиты, как змѣи и свирѣпы, как волки.

В защиту этого человѣка я выступаю.

Вот вам желаемый вами, прямой и недвусмысленный отвѣт.

Дѣлайте из этого какiе угодно надлежащiе и ненадлежащiе выводы.

VI.
ПОЩЕЧИНА.

Итак, Конради оправдан.

Моральное значенie этого оправданія велико. О том ясно свидѣтельствует уже одна та злоба, которую проявляют большевики. Достаточно сказать, что всѣх, кто, так или иначе, способствовал оправданію Конради, совѣтская власть об'явила внѣ закона, под угрозой смертной казни, в случаѣ их возвращенія в Россію.

Очень пикантно само по себѣ это „внѣ закона" по адресу граждан той страны, в которой никакого закона, кромѣ произвола коммунистических главарей, не существует. А эти вожди давно провозгласили, что закон, вообще, только буржуазный предразсудок, что его надо замѣнить „революціонной совѣстью", и что им, коммунистам, нужно не правосудіе, а пристрастіе в пользу „трудящихся".

Но не в этом дѣло. Я не хочу ломиться в открытую дверь, снова доказывая міру, что большевизм это безуміе и ужас, а большевики — помѣсь прогрессивнаго паралитика с уголовным преступником.

Правда, лозаннскій прокурор выразил сомнѣніе в том, что „всѣ приведенные на судѣ факты могут считаться историческими", но, вѣдь, на то он и лозаннскій прокурор, а не совѣтскій гражданин. Если бы он был совѣтским гражданином, на своей шкурѣ испытавшим всѣ прелести коммунистическаго рая, такое сомнѣніе ему бы и в голову не пришло. Мы, русскіе, слишком хорошо знаем, что это не только исторія, но и очень скверная исторія.

Очень любопытен этот прокурор!.. К нему прибѣгают люди, покрытые грязью, вшами и кровью, с выпученными от ужаса глазами, вопят, стонут, плачут, а он, спокойный и великолѣпный, как истый... не столп, а просто столб... закона отвѣчает им:

— Исторія разберется в этом дѣлѣ лѣт через пятьдесят.

Но я хочу говорить о другом.

Не только вся русская эмигрантская печать, но и вся міровая пресса, за исключеніем нѣскольких органов, или просто

купленных большевиками, или вдохновленных пресловутым де-Монзи, усмотрѣла в оправданіи Конради „пощечину большевизму“.

Я усматриваю тут иное.

Конечно, и весь лозаннскій процесс, и оправдательный приговор, отнюдь, не воздушный поцѣлуй по адресу совѣтской власти. Разоблаченія были ужасны, обвиненія позорны. Не даром же на почтеннаго Дикера корчи нападали во время допроса свидѣтелей и рѣчи защитника.

Но, вѣдь, ничего новаго не было сказано.

Шесть лѣт подряд милліоны русских эмигрантов и устно и печатно свидѣтельствовали міру о том же.

Спору нѣт, нѣкоторыя показанія свидѣтелей на судѣ производили кошмарное впечатлѣніе, но, вѣдь, за границей уже давно можно было бы составить цѣлыя библіотеки, и притом на всѣх языках, из показаній, еще болѣе кошмарных и не менѣе заслуживающих довѣрія.

Архив русской революціи переполнен манускриптами, писанными, можно сказать, прямо на человѣческой кожѣ, кровью, грязью и гноем разложенія.

Имѣющіе уши, чтобы слышать, давно уже могли слышать стоны и вопли милліонов жертв большевицкаго палача.

Да и что говорить об этом? Зачѣм притворяться болѣе наивными, чѣм мы есть? Весь мір давно знает, что такое большевизм. Знают это и всѣ міровые журналисты, и всѣ европейскіе дипломаты, и всѣ вожди всѣх партій, до соціалистических и коммунистических, включительно.

Слава Богу, Россія не болѣе не менѣе, как шестая часть земного шара, а мы живем в XX столѣтіи. Таинственных гиперборейских стран давно не существует и не может существовать в вѣк телеграфа и книгопечатанія.

Разложеніе и раззореніе Россіи, гибель промышленности и земледѣлія, голод, эпидеміи, растлѣніе молодежи, возврат к первобытному невѣжеству и безграмотности, систематическое униженіе человѣческаго достоинства и систематическое уничтоженіе людей всѣм давно извѣстны, всѣм очевидны.

Всѣ ужасы и кошмары большевицкаго режима вѣдомы міру. Что в этом коммунистическом раю матери убивали собственных дѣтей, что людоѣдство стало там бытовым явленіем, что людей кормили падалью и экскрементами, что в чекистских подвалах становилось трудно ходить, ибо подошвы прилипали к мѣсиву из свернувшейся крови и раздавленных человѣческих мозгов, знают всѣ.

И нѣт такого дурака на свѣтѣ, который не понимал бы, что все это творилось, благодаря безумному правленію большевиков, который бы не видѣл совершенно ясно, что совѣтское правительство ни что иное, как банда изувѣров и преступников.

Одним словом, міp знает, что такое большевизм так же твердо, как знаю это я.

И потому я утверждаю, что лозаннскій процесс и оправданіе Конради есть пощечина не большевизму, а всему, так называемому, культурному міру.

Для большевиков это только укол для бѣшеной собаки, которая только почешется и вопьется зубами в слѣдующее горло.

Но вы, культурные европейцы XX столѣтія?....

Шесть лѣт тому назад большевики захватили власть в Россіи. Как и почему, это вопрос иной. Факт тот, что, в момент захвата, Европа не могла знать, во что выльется диктатура Ленина и какими ужасами она наполнит несчастную страну. Даже мы, русскіе, не могли в то время отдать себѣ отчета в том, чѣм именно угрожает нам большевицкая власть. И мы, и Европа знали только то, что большевики совершили вооруженный переворот и что это угрожает крушеніем русскаго военнаго фронта.

Мы, русскіе, видѣли в этом только непріемлемое насиліе над волей народа, а Европа могла видѣть только нарушеніе своих интересов.

И, тѣм не менѣе, и нам, и Европѣ казалось совершенно естественным не признать большевиков и об'явить им вооруженную борьбу.

С тѣх пор прошло шесть долгих, как вѣчность, кровавых лѣт. Шесть лѣт у предѣла скорби, среди моря крови и слез. Большевизм вылился во всей своей красѣ, и безобразный фантом революціи, параличное чудовище Ленин, во весь рост поднялся перед глазами всего міра.

Казалось бы, культурное человѣчество просто потому, что оно культурное, внѣ всяких политических и экономических соображеній, должно было об'явить крестовый поход против людей, которые позорят самое имя человѣческое.

И что же мы видим?

Защитник Конради, г. Обер, сказал по адресу присяжных:

— Когда вы будете совѣщаться, помните, что вас окружают милліоны русских мертвецов, убитых голодом, милліоны дѣтей, сотни тысяч замученных мужчин и женщин, юношей, стариков, буржуев и священников, распятых на крестѣ... Всѣ они тщетно вопіяли к небу, моля о правосудіи, и им никто еще не отвѣтил!

Но не девяти лозаннским присяжным нужно было говорить о том!

Это нужно было сказать тѣм культурным европейцам, дипломатам и финансистам, которые ставят свои подписи рядом с приложеніем рук, липких от крови милліонов жертв.

Это надо было сказать тѣм писателям, властителям дум, всѣм этим Анатолям Франсам, Барбюссам, Синклерам, Уэлльсам

и другим, которые, отворачиваясь от кровавых тѣней, протягивающих к ним с мольбой свои истощенныя голодом и страданiями руки, ищут какого то идеологическаго оправданiя их палачам.

Это надо было сказать тѣм премьерам и президентам, тѣм королям, которые любезно пожимают своими бѣлыми перчатками окровавленныя лапы грабителей и убiйц.

Это надо было сказать тѣм представителям культурных народов, которые устраивают пышные банкеты для современных людоѣдов... для тѣх, кому было бы умѣстно подавать на этих банкетах только кровавые бифштексы из человѣческаго мяса.

Это надо было сказать всѣм тѣм, кто, забыв всякiй стыд человѣческiй, ради корыстных разсчетов, влекомые свирѣпой алчностью, в разсчетѣ на поживу в раззоренной, измученной странѣ, ставят вопрос об отношенiи к большевикам на точку зрѣнiя „взаимной выгоды"!..

Тот же г. Обер сказал, что „оправданiя ждут по всему мiру всѣ поборники справедливости!"

Увы, этих поборников справедливости не оказывается в станѣ современных руководителей судеб народных.

Если бы Конради был обвинен, если бы всѣ свидѣтельскiя показанiя об ужасах большевицкой власти оказались опороченными, если бы мiровая пресса не признала оправданiя Конради „пощечиной большевизму", тогда еще можно было бы найти оправданiе для торгующих, договаривающихся, дѣлящих с большевиками окровавленныя ризы огромной страны и великаго, несчастнаго народа.

Но раз убiйцу Воровскаго оправдали, раз показанiя свидѣтелей приняты за истину, раз мiровая пресса осудила большевиков, пощечина всецѣло и полностью влѣпилась в ланиты цивилизованнаго мiра!

Оправданiе Конради превратилось в обвиненiе Европы.

Что нибудь одно: или раз и навсегда признаем, что христiанство, гуманность и цивилизацiя — вздор, или сознаемся, что, якшаясь с большевиками, устанавливая с ними союзы и соглашенiя, каковы бы они ни были, мы совершаем самое гнусное преступленiе и против идеалов христiанства, и против гуманности, и против цивилизацiи!

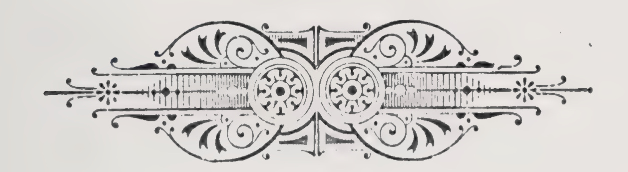
В первом случаѣ — долой всякiе идеалы, всякiя красивыя слова о культурном человѣчествѣ, идем и, падши, поклонимся Ленину, ибо тогда он прав, ибо тогда к черту все... Души, бей, грабь награбленное и береги свое здоровье!

Во втором случаѣ, не будем лицемѣрить и откровенно скажем, что мы лишь подлые торгаши, что нам ни до чего нѣт дѣла, кромѣ своей выгоды, что за тридцать сребренников мы готовы продать не только Христа, но даже и свое право именоваться человѣчеством.

Культурная Европа!.. Цивилизованное человѣчество!.. Христiанскiе народы!..

Это вы ставите себя „внѣ закона" какой бы то ни было человѣческой морали.

Так, не прячьтесь же за спину большевиксв. Подставьте свои холеныя европейскiя физiономiи под вполнѣ заслуженную вами оглушительную мiровую пощечину.

VII.
УЛЬТРАФІОЛЕТОВЫЕ.

1.

Незадолго до болѣзни Ленина мнѣ передавали, будто, на одном из засѣданій малаго совнаркома, вождь коммунистической партіи сказал:

— Наше дѣло проиграно! Теперь остается одно: найти людей, которым можно было бы передать власть, с увѣренностью, что они, по крайней мѣрѣ, не отнесутся слишком жестоко к нам!

Я не знаю, были ли эти слова дѣйствительно сказаны. Но если нѣт, то чѣм же об'яснить такое страстное стремленіе большевиков к разложенію эмиграціи путем внѣдренія в ея сознаніе смѣновѣховских идей?

Неужели, в самом дѣлѣ, только потому, что фактическіе побѣдители Россіи чувствуют себя в нѣкоем духовном одиночествѣ и жаждут раздѣлить его с кѣм-нибудь? Вряд-ли! Большевики показали себя слишком твердо-каменными матеріалистами, что бы придавать какое бы то ни было значеніе запросам такого рода. Своей жаждѣ власти и сопряженных с нею благ они принесли столько жертв — вплоть до измѣны своему знамени — что, несомнѣнно, будь их власть крѣпка „всерьез и надолго", этого было бы с них совершенно достаточно.

С точки зрѣнія большевиков, мы, эмигранты, — сплошь ярые контр-революціонеры, враги трудового народа, прислужники капитализма, предатели и ренегаты. Казалось бы, им, истым революціонерам, не должно быть никакого дѣла до такой, с позволенія сказать, дряни Тѣм болѣе, что, с тѣх пор, как смолкли всякіе разговоры об интервенціи, и Европа стала все ласковѣе поглядывать в русскій карман, эмиграція совершенно утратила характер реальной угрозы для совѣтской власти.

А, между тѣм, большевики, не щадя сил и средств, добиваются признанія от этой самой, безсильной и контр-революціонной, эмиграціи!

Трудно сказать, на что, в данный момент, большевики расходуют больше энергіи — на проповѣдь коммунистических идей, на заигрываніе с Европой, или на пропаганду смѣновѣховства.

Это казалось бы необ'яснимым, если бы не было совершенно ясно, что в примиреніи с эмиграціей — единственное спасеніе большевиков.

Три положенія заложены в основу этой мысли: без заграничных кредитов возстановленіе Россіи невозможно, а кредиты могут быть даны только тогда, когда во главѣ Россіи станут круги, пользующіеся довѣріем Европы; наладить государственно-хозяйственный аппарат большевики не в состояніи, а, в лицѣ эмиграціи, из Россіи ушло большинство общественно цѣннѣйших сил, подлинных организаторов и иниціаторов; большевики пользуются непримиримой ненавистью огромнаго большинства русскаго народа, а эта непримиримость поддерживается и питается непримиримостью эмиграціи.

О послѣднем стоит сказать нѣсколько лишних слов. Та, болѣе или менѣе сознательная часть народа, от которой, в конечном счетѣ, и зависит судьба совѣтской власти, не забывает, что лучшія силы русской интеллигенціи предпочитают тяжесть добровольнаго изгнанія — совмѣстной работѣ с большевиками. В эпоху всеобщаго оподленія, эта стойкость дает увѣренность, что, по отношенію к большевикам, нѣт ошибки, что это, дѣйствительно, духовные отщепенцы, скверная морока, которая должна разсѣяться. В тоскѣ безнадежности, в минуты слабости и унынія русское общество черпает огромную нравственную поддержку именно в том сознаніи, что есть еще гдѣ то люди, которые не поддаются большевицкому растлѣнію, не признают и никогда не признают палачей своей родины. В этом и заключается тот „raison d'être", значеніе и оправданіе самаго бытія эмиграціи, о которых, к сожалѣнію, забывают очень многіе, но которыя прекрасно учитывают сами большевики.

Чѣм болѣе стойко будет стоять на своей позиціи эмиграція, тѣм менѣе возможно большевикам найти тѣх людей, которые, по крайней мѣрѣ, не отнесутся к ним слишком жестоко.

Вот, почему они не жалѣют ни энергіи, ни денег на пропаганду смѣновѣховских идей, как вѣрнѣйшаго средства к моральному разложенію эмиграціи. Тому разложенію, при котором только и возможно примиреніе с этими извергами рода человѣческаго.

2

Открытое смѣновѣховство успѣха не имѣет. Слишком уж опредѣленна его подоплека, слишком пахнет от него совѣтскими червонцами.

Но давно извѣстно, что в дѣлѣ разложенія противника большевики не имѣют себѣ равных. На смѣну наивно-прямолинейным смѣновѣховцам, типа „Наканунѣ", они немедленно выдвинули иных агентов, гораздо болѣе тонких и неуловимых.

Это люди, которые, формально оставаясь в анти-большевицком лагерѣ, творят то же гнусное дѣло, перенося вопрос о примиреніи с большевиками с переоцѣнки дѣятельности большевиков на переоцѣнку отношенія к ним.

Смѣновѣховцы старались оправдать большевиков. В этом была их грубая ошибка. Факт безумнаго раззоренія Россіи, залитой кровью, слишком очевиден, чтобы его можно было прикрыть какой бы то ни было идеологіей.

Новые, ультрафіолетовые, смѣновѣховцы дѣйствуют гораздо умнѣе. Они вовсе и не стараются оправдывать большевиков. Напротив, они сами охотно обличают всѣ грѣхи и преступленія совѣтской власти. Они отрекаются от интернаціоналистических идей коммунистов, и Россія не сходит у них с языка. Они даже не отрицают, что большевики не в состояніи возстановить Россію.

Таким образом, они, как будто, ничуть не расходятся с общим настроеніем эмигрантской мысли. Их предательская работа начинается уже гдѣ то по ту сторону факта, в шатком мірѣ идеологических посылок, в неуловимом извращеніи понятій, в проведеніи спасительных граней там, гдѣ, казалось бы, их невозможно провести.

Это яд тонкій, дѣйствующій на самое сознаніе врага.

Нужно очень осторожно разбираться в этой запутанной игрѣ, чтобы поймать красную нить их тайных замыслов.

Конечно, остается под большим вопросом, являются ли они прямыми агентами совѣтской власти, или только сами являют печальный примѣр путаницы понятій и неустойчивости принципов, вообще, столь характерных для россійской интеллигенціи.

Но, во всяком случаѣ, дѣло свое они творят очень успѣшно. Число их сторонников умножается не по дням, а по часам, и в послѣднее время с ними начинаешь сталкиваться там, гдѣ меньше всего можно было бы этого ожидать.

То мелькнут эти ультрафіолетовые лучи по симпатичному личику мадам Кусковой, то заблестят они на лысинѣ г. Прокоповича, то, словно луч прожектора, пробѣгут по всему стану меньшевиствующих, то, неожиданно, ярким пятном соберутся на страницах почтенных эсеровских „Современных Записок", то так замигают по столбцам газеты „самого" Павла Николаевича Милюкова, что в глазах зарябит!

Наблюдая эту „игру свѣта и тѣни" я не могу не отмѣтить появившуюся в послѣдних книжках „Современных Записок" статью нѣкоего г. Степуна.

Если не ошибаюсь, г. Степун — один „из стаи славных" общественных дѣятелей, недавно высланных большевиками из Россіи и, в качествѣ „пострадавших за правду", с особым почетом встрѣченных эмиграціонными кругами.

Откровенно говоря, не только я, но и вся Москва, не могли тогда понять, за что именно их выслали? Никакой контр-революціи они, слава Богу, не устраивали, а мирно жевали свои академическіе пайки, запивая их обильными лекціями, самаго лойяльнѣйшаго вкуса, по всевозможным учрежденіям культпросвѣта.

Сам г. Степун об'ясняет эту высылку „очень глубоким пониманіем" со стороны большевиков. По его словам, их выслали „лишь за внутреннее непріятіе совѣтской власти".

Что касается самого г. Степуна, то теперь я уже совершенно согласен, что, препровождая его по адресу эмиграціи, большевики обнаружили, дѣйствительно, очень глубокое пониманіе. Но относительно его внутренняго непріятія, остаюсь при особом мнѣніи.

В его „мыслях о Россіи" мы находим яркое и типичное выявленіе именно того ультрафіолетоваго смѣновѣховства, о котором я говорил выше.

Основное положеніе его „мыслей" таково:

„Пора замѣнить игнорированіе Россіи ради большевиков игнорированіем большевиков ради Россіи!"

Это положеніе он подкрѣпляет рядом настойчивых утвержденій:

„Никакая иная власть, кромѣ большевицкой, сейчас фактически невозможна. Всякая иная снова ввергнет Россію в ужасы террора и войны".

„Большевики уже идут тѣм единственно возможным путем, который, с об'ективной необходимостью, приведет их к возстановленію не только капитализма, но и государственнаго правопорядка".

„Утверждать, что большевики всегда творят благо, было бы слишком большим оптимизмом, но не видѣть, что они его иногда творят — все же нельзя".

„Я, конечно, всегда остаюсь далек от утвержденія, что всѣ палачи — пророки и священники".

„Но самый быстрый путь к их сверженію — это предоставленіе их логикѣ жизни".

Как видите, здѣсь есть все, коли нѣт обмана!..

Большевики не только не отожествляются с Россіей, но Россія им противупоставляется. Их разрушительное прошлое опредѣленно констатируется. Они признаются все же злом, которое должно быть свергнуто, и тут же указан вѣрнѣйшій способ их сверженія.

В отдѣльности все это совершенно пріемлемо, но в стройной логической связи картина получается совершенно неожиданная.

Ясно, что, точно слѣдуя положеніям г. Степуна, мы неизбѣжно должны признать большевиков, ибо никакая другая власть невозможна, а, слѣдовательно, большевицкая власть необходима и тѣм оправдана. Если большевики только „не всегда" творят благо, то все же они его, значит, творят. Раз палачи только не всегда священники и пророки, то, очевидно, среди них достаточно и тѣх, и других. А, так как большевики уже и сами идут к возстановленію капитализма и правопорядка, то требуется только не мѣшать им, не бороться с ними, оставить их у власти и предоставить самим себѣ!

Если под такой программой не подпишется обѣими руками сам Троцкій, то он просто неблагодарная скотина и больше ничего.

Тихо и незамѣтно поворачивая руль в сторону признанія большевиков, ультрафіолетовый смѣновѣховец наносит сокрушающіе удары непримиримой эмиграціи, противопоставляя им тѣх, кто остался в Россіи и честно служил большевицким экспериментам над живым тѣлом родины.

„Эмигрант—это человѣк, в котором ощущеніе причиненнаго ему революціей зла, окончательно выжрало ощущеніе самодовлѣющаго бытія как революціи, так и Россіи.

„Несмотря на большевиков, Россія осталась в Россіи, а не переѣхала в сердцах русских эмигрантов в Париж, Берлин и Прагу.

„Не бороться с наименьшим злом, дабы не насаждать большаго, не только позволительно, но и обязательно.

Конечно, „признавать зло непозволительно, ибо признавать зло, значит утверждать его в достоинствѣ добра.

Но „есть глубокая разница между фактическим признаніем и внутренним пріятіем.

И, наконец, „неоспоримым представляется мнѣ тот факт, что свою побѣду над декретом русская жизнь одержала, „благодаря" той конкретной предметной работѣ, которую в Россіи вела сѣрая армія безпартійных совѣтских работников! Эту заслугу за неэмигрировавшей частью интеллигенціи давно пора безоговорочно признать!"

Снова поставив эти утвержденія в логическую связь, мы получим слѣдующее: эмиграція поставила свое я выше судьбы родины и тѣм совершает тяжкое преступленіе против Россіи. Напротив, тѣ, кто работал по совѣтской указкѣ, честно послужили своей родинѣ. Правда, они служили палачам и тиранам, они работали вмѣстѣ с ними, а результаты работы мы знаем, но они дѣлали это только для того, чтобы во имя наименьшаго зла спасать родину от большаго, и притом они только фактически подчинялись разрушительным требованіям власти, а внутренно были против разрушенія Россіи. Отсюда логическій вывод, что, если личное не выжрало в нас любви к родинѣ, если мы желаем конкретно служить русскому народу, мы должны отказаться от своей непримиримости, возвратиться в Совдепію и работать вмѣстѣ с большевиками.

Чего же еще иного им и нужно?

3

Внимательно проанализировав всѣ эти „мысли", мы увидим, что все это ни что иное, как скверное шулерство, нарочитое, и с очень опредѣленной тенденціей, извращеніе понятій.

Прежде всего,—никогда эмиграція не игнорировала Россію ради большевиков!

Во время великой войны сербская армія, под натиском австро-германских полчищ, оставила предѣлы Сербіи и перешла на остров Корфу. Значит ли это, что сербская армія игнорировала Сербію ради австро-германцев?

Конечно, нельзя отрицать, что среди эмигрантской массы есть много простых шкурников, спасавших свои животы. За границей около трех милліонов русских. Это огромная толпа и она очень разнолика. Но прежде всего надо различать два понятія: бѣженцы и эмигранты. Бѣженцы это люди, бѣгущіе от опасности, эмигранты это люди, не примирившіеся с извѣстным порядком, не имѣющіе в нем мѣста и покидающіе родину только под давленіем необходимости. Какой-нибудь торгаш, удравшій из Могилева при подходѣ нѣмцев, и Герцен, эмигрировавшій из царской Россіи во имя борьбы с нею, далеко не одно и то же! Валить в одну кучу шкурников и идейных противников совѣтской власти, конечно, в интересах большевиков, но и подтасовка самая очевидная.

Ну, да, эмигранты покинули Россію, но они сдѣлали это послѣ долгой борьбы и невѣроятных мученій, в ходѣ самой борьбы. Они унесли с собою горячую любовь к этой родинѣ и страстную мечту об ея освобожденіи.

Разумѣется, оставляя родину, невозможно прихватить с собою и ея поля, и ея лѣса, и ея святыни, и ея народ... Можно только захватить с собою на память горсточку родной земли... Но, все-таки, я утверждаю, что подлинная, живая Россія, дѣйствительно, выѣхала из Россіи в тѣх самых эмигрантских сердцах, над которыми так безсердечно трунит г. Степун.

Ибо о какой Россіи идет рѣчь?.. О географическом пространствѣ?.. О многомилліонной массѣ великорусских мужиков, украинцев, татар, евреев, черемисов, бурят, туркменов, чукчей и прочая и прочая?.. Или о той Россіи, которая являла собою живое лицо, со своими національными, культурно-историческими чертами?

Если — да, то что общаго между этой Россіей, с ея „великим, прекрасным русским языком", с ея могучей литературой, с ея самобытной культурой, с ея православіем, с ея вѣчным исканіем Божьей правды, с ея отвращеніем к торгашеству и насилію... и третьим интернаціоналом, языком телеграфнаго кода, комиссародержавіем, гоненіем на религію, футуристическим бедламом, зоологическим матеріализмом и кровавыми чрезвычайками?

Правда, под пластом совѣтской грязи лежит все тот же русскій чернозем, но, чтобы он не зарос чертополохом, чтобы на нем снова могла произростать старая русская культура, необходимо, чтобы в оный день он получил сохраненными ея сѣмена. Роль хранителя взяла на себя эмиграція и она сохранит завѣты, которые так бѣшено стараются вытравить из души русскаго народа большевики.

Нѣт, эмиграція не игнорировала Россію ради большевиков. В борьбѣ с ними она остается фактором большого значенія.

Теперь перейдем ко второй половинѣ Степуновскаго утверждения.

Игнорировать большевиков ради Россіи?

Но позволят ли они себя игнорировать?

Вѣдь, тут же, рядом, г. Степун, не вѣдая, что творит и „сам себя біяху по ланитам“, категорически утверждает:

„Большевикам мало одной лойяльности! Они требуют и внутренняго пріятія, т. е. мало признать их факт и силу, но надо еще признать их за истину и добро!“

Вѣрно!.. А так как всѣ мы прекрасно знаем, что, в достиженіи намѣченной цѣли, большевики не страдают отсутствіем рѣшимости и слабостью нервов, то что же остается?

Лицемѣрить? Играть между фактическим признаніем и внутренним пріятіем? Невинность соблюдать и большевицкій капиталец пріумножать?

Но, увы, „глубокое пониманіе“ товарищей чекистов уже отмѣчено г. Степуном.

Итак, одно: вѣрно служить большевикам, точно и честно исполняя их предначертанія, хотя бы они вели Россію прямо к чорту на рога, и утѣшаться тѣм, что есть, все-таки, разница между лойяльностью и внутренним отношеніем!

Это называется бороться с большевиками за Россію!.. Бѣдная Россія.

Г. Степун утверждает, что никакая иная власть, кромѣ большевицкой, невозможна.

Я это слышу уже не в первый раз, но еще ни разу я нигдѣ не нашел логическаго обоснованія этой мысли. Не дал мнѣ его и г. Степун. Впрочем, и не пытался дать.

Потому ли, что это очевидная истина, не требующая доказательств, или потому, что доказательства тут нѣт?.. Я думаю второе.

Правда, г. Степун говорит, что всякая иная власть „только снова ввергнет Россію в ужасы гражданской войны и террора“. Но это не есть доказательство по существу.

Во первых, почему „только“?.. Неужели всякая власть, кромѣ большевицкой, никакой иной цѣли себѣ не поставит и вѣчно будет воевать и казнить?.

Во вторых, то, что сверженіе большевиков и воцареніе новой власти сопряжено с кровью, вовсе еще не значит, что эта власть невозможна. Это только доказывает, что переворот будет кровавым.

Возможно. Но что же дѣлать? Как бы ни была кровава операція, но в нѣкоторых случаях она необходима.

Весь вопрос в том, является ли данное положеніе вещей именно таким случаем, требующим операціи?

Я думаю, что да. При той лютой ненависти, которую питает почти весь народ к большевикам, совѣтская власть не

может отказаться от режима террора, а экономическій результативный ход назад при режимѣ террора невозможен. Рано или поздно тѣ „ножницы“, о которых думают большевики, когда говорят о смычкѣ с крестьянством, сомкнутся. Сомкнутся и срѣжут большевицкую головку, которая мѣшает этой смычкѣ.

В третьих, размах гражданской войны и террора власти зависит от того, до какой степени дойдет изолированность большевиков в массах и какова будет сущность этой новой власти. Большой вопрос, что потребует больше крови—сверженіе большевиков или длительное продолженіе их кроваваго, разрушительнаго режима? Вѣдь террор продолжается, вѣдь Россія нищает и голодает, вѣдь русскіе граждане продолжают погибать в подвалах чрезвычайки и от постояннаго голоданія.

Вѣдь, в концѣ концов, это знает и сам г. Степун, предлагая все же считать совѣтскую власть злом, хотя бы и наименьшим, и подсовывая фактическое признаніе большевиков не как средство для их укрѣпленія, а только как вѣрнѣйшій способ борьбы с ними.

Правда, этот способ немного странен: бороться тѣм, что „не бороться, предоставить большевиков логикѣ жизни“, т. е, фактически оставить их в покоѣ до тѣх пор, пока сама земля их носит!

Этот замѣчательный способ вот уже шесть лѣт практикуют в Россіи безпартійные совѣтскіе служащіе, заслугу которых г. Степун так высоко возносит, и можно с увѣренностью сказать, что если им ничто не помѣшает, то они могут продолжать в том же духѣ еще и шестьдесят и шестьсот лѣт... И притом с таким же успѣхом!

Г. Степун говорит о побѣдах. Гдѣ он видит эти побѣды, это его секрет. В безпардонном разгулѣ НЭПА? В послѣднем декретѣ об из‘ятіи вредных книг, в числѣ которых на первом мѣстѣ стоят Евангеліе и сочиненія Льва Толстого? В изгнаніи из Россіи всѣх, хотя бы только внутренне непріемлющих большевизма?..

Еще двѣ-три таких побѣды и некому будет терпѣть пораженія!

Но, если даже пресловутый НЭП считать, все-таки, кое какой побѣдишкой „над декретом“, забывая, что это и есть только новый декрет, то и это, надо же сказать правду, результат не фактическаго признанія и конкретной работы, а именно непризнанія. Не совѣтским безпартійным служащим, а кронштадтскому возстанію и крестьянским бунтам обязаны мы перемѣной курса политики большевицкой.

Крестьянство, не мудрствуя лукаво и не дѣлая никакого тонкаго различія между фактическим признаніем и внутренним пріятіем, поставило Ленина перед угрозой всероссійскаго бунта. Оно просто било комиссаров и не давало большевикам хлѣба.

А „неэмигрировавшая интеллигенція“?

Когда к генералу Маннергейму пришло нѣсколько русских офицеров и интеллигентов, прося у него помощи против большевиков, бравый воин, неспособный разобраться в фэктическом и внутреннем, наивно отвѣтил им:

— Господа, но если бы вы не взяли на себя хотя бы только продовольствія красной гвардіи, она бы разбѣжалась через недѣлю, потому что это стадо даже прокормить себя не в состояніи!

А еще с большей увѣренностью можно сказать, что, если бы безпартійные совѣтскіе работники не построили большевикам хотя бы того сквернаго государственнаго аппарата, который они все же построили, то совѣтская власть развалилась бы весьма быстро и эффектно.

Я не хочу осуждать эту сѣрую обывательскую массу, от которой смѣшно требовать геройства. Она была вынуждена пойти на службу к большевикам голодом и страхом. Но при чем же тут заслуги, при чем тут побѣды? Что же тогда называется паденіем, пораженіем и сдачей на милость побѣдителя?

Одну только заслугу я готов признать за этой массой: это именно она развратила и разложила коммунистическую власть.

Она облѣпила этих фанатиков и изувѣров липкой обывательской грязью, научила их брать взятки, красть, роскошествовать, пьянствовать, нѣжиться с дорогими содержанками, она незамѣтно вытянула из их души всякій боевой пафос и превратила их в простых прохвостов.

Но, во первых, товарищи-большевики обнаружили в этом направленіи такую прыть, что еще вопрос, кто кого больше разложил, а, во вторых,—если это и заслуга, то заслуга навоза.

Большевики сами влѣзли по уши в эту навозную массу, прѣли в ней, прѣли и перепрѣли окончательно!

Не в такую-ли же большевицкую клоаку и с такою же цѣлью тянет нас ультрафіолетовый смѣновѣховец?

4.

Правда, „раб покорен гласу господина, пославшаго его". Но, по свойственной мнѣ наивности, я, все-таки, полагал, что для всякой наглости существует предѣл, за который она не перешагнет.

В ошибкѣ своей я убѣдился только тогда, когда прочел в статьѣ г. Степуна слѣдующее великолѣпное и очаровательное откровеніе:

— Подрастающее поколѣніе, хотя и не учится, но зато развивается быстрѣе и глубже!..

Умри Денис, лучше не напишешь!

Но Бог с ним, с г. Степуном.

Я потревожу его еще только для одной цитаты, которой

хотѣл бы прикрыть его окончательно и навсегда, как гробовой крышкой.

„Подмѣченный Плехановым в Ленинѣ дар невѣроятнаго упрощенія проник в русскую жизнь гораздо глубже, чѣм это кажется на первый взгляд. Быть может, он не только матеріально развалил Россію, но и уподобил себѣ своих противников!“

Виноват! Еще вѣночек на могилку:

„Во всѣх разговорах мучительно ощущается все та же проклятая, почти неразрѣшимая трудность проблемы большевизма: — требованіе, чтобы она была разрѣшена во всѣх плоскостях, не только в политической, но и в моральной, и в религіозной!“

Вот именно! Таковое требованіе и является причиной нашей непримиримости, столь непонятной для растлѣнных Лениным ультрафіолетовых душ.

Ибо нам мало того, что новая экономическая, или какая нибудь другая, политика большевиков может (если может!) возстановить хозяйство Россіи и ея политическое значеніе в глазах Европы. Нам необходим прямой и точный отвѣт: пріемлема-ли нравственно и религіозно какая бы то ни была сдѣлка с тиранами, убійцами и грабителями?

И я скажу, что для меня, для многих, кто сохранил в своем сердцѣ подлинную Россію с ея вѣчным исканіем высшей правды и не поддался Ленинскому яду упрощенія, в этой проблемѣ нѣт ничего неразрѣшимаго. Мы рѣшаем ее очень просто: нѣт, ни при каких условіях и ни под каким соусом для нас не пріемлема работа по уборкѣ трупов, рука об руку с их палачами.

Трудность начинается для тѣх и тогда, когда вопрос с самаго начала ставится так: под каким предлогом, сохраняя и в самой подлости оттѣнок благородства, можно примирить — осужденіе большевиков, как деспотов и палачей, с желаніем пасть им в об'ятія. Тут, дѣйствительно, всѣ семь греческих мудрецов ничего путнаго не придумают.

Эту проблему, впрочем, можно рѣшить еще при одном условіи: совершенно и уже окончательно отбросив в сторону всякія моральныя соображенія.

Именно так и поступает П. Милюков, с восторгом привѣтствовавшій „мысли“ Степуна.

По крайней мѣрѣ, невозможно язвительнѣе насмѣхаться над человѣком, чѣм издѣвается Милюков над бѣдным Карташевым, осмѣлившимся не во-время вспомнить о каком то там нравственном законѣ.

— Ах, святой человѣк! Не мѣшался бы ты зря в мірскія дѣла!

Сам г. Милюков, конечно, далеко не святой! Можно даже прямо сказать, что к святости он не имѣет ровно никакого

отношенія. Он реальный политик, а сіе равнозначуще хроническому грѣхопаденію.

Есть такія милыя, но легкомысленныя созданія!

Он был ярым сторонником войны до побѣднаго конца и вѣрности „нашим доблестным союзникам“. На этом он просчитался, насилу выкарабкался из проклятых Дарданелл и, отряхнувшись, немедленно оріентировался на Германію. Нынѣ он снова возлежит в лонѣ Авраама Пуанкарэ и, повидимому, чувствует себя прекрасно. Так ему ли не вмѣстно оріентироваться и на большевиков, когда того потребует „динамика историческаго процесса“?

А если вдруг не большевики, а монархія?

Оріентируется Павел Николаевич и на монархію, и на буржуазную республику, и на демократію, и на чорта с его бабушкой.

Все дѣло в динамикѣ, а динамика вещь, как извѣстно, чрезвычайно неустойчивая.

Он — реальный политик, а этим все сказано, и вольтерьянцы напрасно ропщут.

5.

Послѣ вѣкового перерыва воскресли старыя и мудрыя слова:

— Цѣль оправдывает средства!

Их нагло и твердо возгласил Ленин, этот великій инквизитор нашего времени, моральный идіот, полутруп, заразившій своим тлетворным дыханіем весь міp.

Использовав всѣ средства, перед которыми еще недавно останавливались самые безстыдные,—бѣшеную демагогію,звѣрскіе инстинкты преступных подонков общества, террор, предательство, клевету и подкуп, — он добился власти, он побѣдил!

Правда, не надолго, но не все ли это равно? Лучше тридцать лѣт питаться живой кровью, чѣм триста лѣт мертвечину жрать!..

Так говорил орел, а очарованные вόроны одобрительно каркали.

Человѣческая слизь привыкла ползать на животѣ перед всяким успѣхом. Это она провозгласила, что побѣдителей не судят, это она с завистью слѣдила за побѣдными шагами Ленина, это она пѣтушком пытается бѣжать по его слѣдам.

Теперь Ленина нѣт. Ленин исчез. Он умер для жизни. Но дух его жив и гуляет по всему свѣту, в той безпощадной торгашеской откровенности, в той наглой свирѣпости непокрытаго насилія, в той подлой гибкости компромиссов, на которых нынѣ зиждется, им зараженная, реальная политика всего „культурнаго міра“.

Отовсюду звучат торжествующіе крики уже не грядущаго, а пришедшаго хама:

— Цѣль оправдываетъ средства!

Великій нравственный законъ, надъ которымъ такъ долго и упорно, съ кровью и слезами, трудилось человѣчество, забытъ. Надъ нимъ смѣются, его считаютъ буржуазными предразсудками, сантиментальной романтикой.

Міръ преклонился передъ реальной политикой.

И кажется мнѣ, что человѣчество совершенно напрасно прожило послѣднія три столѣтія.

VIII.
ЗАВОЕВАНІЯ РЕВОЛЮЦІИ.

1.

Когда то давно, еще во времена „мрачнаго деспотизма", в какой то газетѣ, на первой страницѣ, отпечатанное огромными четкими буквами появилось загадочное об'явленіе:

— Да здравствует р..!

Мгновенно сотни тысяч глаз с напряженным вниманіем уставились на газету, и, когда на слѣдующій день такими же огромными буквами было напечатано:

— Да здравствует ре..!

восторгу публики не было предѣлов.

Не только гимназисты, восторженныя курсистки и пламенные студенты, но и маститые литераторы, вкупѣ с почтенными общественными дѣятелями и заслуженными профессорами, были внѣ себя. Волненіе охватило общество. Какое то подмывающее сердце чувство тѣснило грудь, глаза блестѣли нетерпѣливым ожиданіем, торопливым возбужденным разговорам не было конца. Цѣлый день люди звонили друг другу по телефону и спрашивали:

— Читали?..

На смѣлую газету смотрѣли с восторгом и страхом, как смотрят на какого-нибудь отчаяннаго смѣльчака, готовящагося выкинуть смертельно опасную штуку. Тираж газеты бѣшено пошел в гору.

У всѣх только и мысли было, что о завтрашнем номерѣ.

— Да неужели это в самом дѣлѣ о „ней"?... Неужели осмѣлятся?.. Нѣт, не может быть!. А вдруг?.. Нѣт, нѣт, это невозможно!..

Чуть не все населеніе Петербурга, проснувшись необычно рано, пустилось за газетой. У кіосков, впервые за всю исторію русской печати, образовались хвосты, как у театральных касс, а газетчиков буквально рвали на части.

И что дѣлалось, когда оказалось что, дѣйствительно, появилась слѣдующая буква и получилось:

— Да здравствует рев...

Этого и описать невозможно! Люди ходили, точно пьяные. Петербург трясло, как в лихорадкѣ. Телефонные аппараты портились, а барышни падали в обморок от усталости. Тираж газеты дошел до умопомрачительной высоты.

Увы, на четвертый день яркая сказка кончилась: безумно смѣлое об'явленіе закончилось сразу скромно и трусливо:

— Да здравствует ревельская килька!..

Ах, какое это было скучное и сѣрое утро!.. Как было стыдно глядѣть друг другу в глаза. Кое-кто пытался смѣяться, но смѣх звучал жалобно; другіе пробовали ругаться, но брань вязла в зубах; третьи притворялись, что ничего особеннаго и не было. Но, в общем, всѣм было не по себѣ... Не то стыдно, не то жалко, не то просто скучно...

Это не анекдот. Так было, и я ничуть не преувеличиваю.

И это вовсе не смѣшно, а грустно. Это только показывает, как страстно, как напряженно мы мечтали о революціи.

Сколько свѣтлых надежд сопрягалось с нею, сколько горячих дум и чувств было вложено в эту мечту!.. Нам казалось, что в тот день, когда громко и открыто прозвучат слова:

— Да здравствует революція!

начнется какая то новая эра — свѣтлая, радостная, счастливая, необыкновенная жизнь!

Тысячи людей только и мечтали об этом:

— Эх, дожить бы!.

2.

И, вот, дожили!...

Но, увы, повторился тот же скверный анекдот, только во всероссійском, чуть не в міровом, масштабѣ.

С тою разницей, что тогда он кончился безобидной ревельской килькой и легким разочарованіем, а теперь не только ревельскими избіеніями офицеров, но и вообще всероссійской рѣзней, гибелью милліонов жизней, раззореніем всей страны и страданіями народа, дошедшими до предѣлов скорби.

Но, в общем, то же, что и тогда: тот же восторг, то же лихорадочное, бодрящее возбужденіе, то же нетерпѣливое ожиданіе чуда, а потом — стыд, горе, кровь, слезы и отчаяніе!..

И, как тогда, ни у кого нѣт мужества сознаться в своей легковѣрной, ребяческой глупости, а всѣм хочется стать в какую то позу, что то такое придумать, как нибудь вывернуться из глупаго положенія.

Гдѣ вы, тѣ, кто в февралѣ исходил восторгом от „великой безкровной русской революціи", кто ждал от нея великих достиженій, кто сыпал громкими словами и пышными лозунгами?

Гдѣ тѣ, кто так глупо, так безнадежно глупо не разсмотрѣли под красными тряпками отвратительный и страшный лик смерти?

„Иных уж нѣт, а тѣ далече!“

О тѣх, кого уже нѣт, не надо говорить: своею кровью, своими страданіями искупили они свою глупость.

Но тѣ, кто нынѣ „далече“?

Как ошпаренные тараканы разсыпались они по всему свѣту, забились во всѣ заграничныя щели и, глубокомысленно поводя ощипанными усиками, думают горькую думу:

— Что же это такое? Неужели же мы, в самом дѣлѣ, были только идіотами, ничего не предвидѣли и не понимали?

Согласитесь сами, что положеніе пиковое!.. Вѣдь это же не гимназисты, это — маститые писатели, почтенные общественные дѣятели и заслуженные профессора... Хуже! — это вожди революціонных партій.

Сколько ни болтай о стихійности революціи, о ея неизбѣжности, но из пѣсни слова не выкинешь: люди всю жизнь вопили „да здравствует революція!“, люди всѣ силы ума, чувства и воли ей отдали, ея программу начертали и нас всѣх пламенно увѣрили, что революція — это свѣтлая богиня, несущая радость и свободу!

И если вмѣсто свѣтлой богини во фригійском колпачкѣ оказалась вонючая, разложившаяся килька, то войдите же и в их положеніе!

Неужели же признаться, что и вся жизнь, и весь ум, и вся сила воли ушли чорт знает на что? Неужели признаться, что они, вожди революціи, понимают в ней столько же, сколько осел в астрономіи, и что всѣ их программы и предначертанія ровно никуда не годятся?

Вѣдь, это же такой міровой историческій конфуз, что, по человѣчеству судя, послѣ этого в глаза людям смотрѣть стыдно.

Конечно, ошибаться свойственно человѣку, но так ошибаться человѣк не имѣет права!.. Эта ошибка стоила морей крови и слез!.. За такія ошибки надо расплачиваться жизнью.

Но, конечно, за весьма немногими исключеніями, никто не обнаружил желанія расплачиваться не только кровью, но хотя бы и только скромным признаніем своей глупости. Нѣт, ошпаренные тараканы, отсидѣвшись и отдышавшись от этой проклятой революціи, в прекрасном далекѣ, немедленно принялись измышлять себѣ оправданія.

Кое-кто просто пытался снять с себя всякое обвиненіе, свалив всю вину на большевиков, на нѣмцев, доставивших нам знаменитый запломбированный вагон, на стихійное безуміе вдруг, невѣдомо почему, охватившее весь русскій народ.

А кто похитрѣе, старается все это дѣло представить в таком видѣ, чтобы и вины никакой не оказалось: они пытаются „оправдать“ революцію.

Ибо, если революція будет оправдана, если будет доказано, что, несмотря на всѣ ея ужасы, грязь и кровь, горе и страданія, несмотря на раззореніе всей страны, все таки она дала какія то

завоеванія, то тѣм самым будет оная революція вознесена на прежнюю высоту, а с нею оправданы и всѣ тѣ, кто „дѣлал революцію!".

Впрочем, тут, может быть, дѣло и не в хитрости, а просто — этим несчастным до такой степени в'ѣлась в мозг эта проклятая революція, что они уже совершенно, до гроба, не в состояніи отдѣлаться от ея гипноза.

Они уже не могут понять, что их представленіе о революціи, созданное по красным книжонкам о великой французской революціи, не имѣет ничего общаго с тѣм ужасным, кровавым и грязным дѣлом, которым является подлинная, всамдѣлишная революція. Им все еще кажется, что произошла какая то прискорбная ошибка, кто то чего то не понял и потому все испакостили.

— Да развѣ большевики это революція?.. Это контр-революція, а не революція!.. — радостно восклицают они.

А настоящая революція происходит совсѣм не так:

Звучит марсельеза; подымается занавѣс; вѣют красныя знамена; народ, прекрасный, великій народ, танцует карманьолу; рушатся стѣны Бастиліи; падают какія то, спеціально для этого предназначенныя, головы аристократов и королей; опять звучит гордая марсельеза, и перед очами очарованнаго зрителя сіяет величественный апофеоз, с восходящим солнцем братства, равенства и свободы!..

Вот как дѣлаются революціи!

Бѣднягам и в голову не приходит, что, если в дѣяніях большевиков и можно усмотрѣть всѣ признаки реакціи, то это не потому, что большевики реакціонеры, а потому, что таков естественный и вѣчный закон развитія всякой революціи.

Ибо всякая революція, как насильственный переворот, логически есть апофеоз насилія, то есть, кровь, грязь, трупы, холод, голод, раззореніе, ужас и нечеловѣческія страданія.

Иной революціи и быть не может.

Такою была и великая французская революція.

Быть может, наша оказалась еще ужаснѣе. Быть может, преступленія Ленина, Троцкаго и Дзержинскаго со товарищи еще отвратительнѣе, чѣм преступленія Дантона, Робеспьера и Марата со камрадами, но все же и французская революція была совершенно достаточно ужасна и омерзительна, чтобы вселить отвращеніе к самому слову революція.

Только то маленькое обстоятельство, что во времена французской революціи не мы жрали крыс и мышей, не мы гнили по тюрьмам и не на наши головы падал топор гильотины, помѣшало нам своевременно оцѣнить кровавыя прелести этой революціи.

Что-ж, подождите!. Пройдут вѣка, истлѣют трупы, высохнут кровь и слезы, развѣется смрад разложенія и наше

всероссійское мракобѣсіе тоже претворится в прекрасную легенду.

Снова найдутся идіоты, которые с завистью будут говорить о нас:

— Счастливые, они жили во времена великой русской революціи!

Безобразная, круглая голова паралличнаго идіота украсится тѣм же ореолом, который сверкает над гнусной физіономіей Робеспьера, и слово Чека будет произноситься с тѣм же благоговѣніем, с каким произносилось слово гильотина.

Наше ужасное время нечеловѣческих мученій, всеобщаго оподленія и озвѣренія будут вспоминать, как трагическую, но прекрасную эпоху, и тысячи безмозглых энтузіастов снова возлелѣют мечту посредством крови и насилія навсегда уничтожить насиліе и кровь на землѣ!

Да будет проклята безсмертная человѣческая глупость!

3.

Но это будет не скоро. Мы живые люди и нам некогда ждать, пока трава забвенія покроет смрадное поле гражданской битвы, пока фантазія превратит бойню в красивую феерію.

На нас сейчас смотрят милліоны измученных глаз, от нас сейчас требуют отчета и отвѣта.

И вот мы начинаем лепетать о „завоеваніях революціи“!

Там, в глубинѣ Россіи, погибая в муках, народ не иначе произносит слово революція, как с негодованіем, ужасом и насмѣшкой. Здѣсь, на страницах прессы ошпаренных тараканов, — вождей революціи, сбѣжавших от ужасов этой же самой революціи, — с сознаніем серьезнаго дѣла, дебатируется вопрос о том, как, при неминуемом паденіи большевиков, сохранить завоеванія революціи?

Но прежде, чѣм рѣшить как, надо сказать — что! Гдѣ же они, эти завоеванія?

Вопрос трудный, ибо русская дѣйствительность так далека от каких либо побѣдных достиженій, что и язык не поворачивается говорить о побѣдах

Что Россія надолго выбыла из строя великих культурных держав — это факт. Что погибли милліоны ни в чем неповинных людей — это правда. Что города превратились в развалины, что транспорт дошел до убожества, что погибла промышленность и разрушилось сельское хозяйство, этого отрицать нельзя. Что же еще?... Народное просвѣщеніе? Оно, как выразился один совѣтскій комиссар, „на точкѣ униженія“... Гдѣ же они, эти завоеванія?

И вот, изворотливая мысль дѣлает, поистинѣ, изумительный трюк:

— Что ставили мы цѣлью революціи, начиная еще со времен декабристов?... Ограниченіе или сверженіе самодержавія?

Ну, так ура!.. Самодержавіе свергнуто, а, слѣдовательно, цѣль достигнута и завоеваніе революціи на лицо: царя нѣт!

О, Господи, у вас в головѣ давно царя нѣт, но развѣ это завоеваніе?

Поймите же, что, мечтая о сверженіи самодержавія, мы вовсе не стремились свергнуть именно и только царя! Если бы при самодержавіи народ русскій был счастлив и Россія процвѣтала, то развѣ только безумному могло бы придти в голову мечтать о низверженіи царскаго трона. Под сверженіем самодержавія мы подразумѣвали установленіе в Россіи новаго правового строя. Царь, сам по себѣ, был только препятствіем к достиженію цѣли, но не болѣе.

И только тогда мы имѣли бы право говорить о сверженіи царизма, как о благѣ, если бы на мѣсто царя мы получили власть, которая обезпечила бы русскому народу существованіе лучшее, чѣм при царѣ.

Но вмѣсто этого мы получили большевицкую тиранію и раззореніе всей нашей несчастной родины.

Только тогда, когда уйдут большевики, когда заростут травой забвенія всѣ их слѣды — и могилы, и развалины — тогда мы получим нравственное право говорить, что, свергнув царскій трон, мы сдѣлали доброе дѣло для русскаго народа.

Но пока большевики у власти и царству их даже не предвидится конца, пока Россія раззорена и уничтожена, пока русскій народ задыхается в тисках звѣрской диктатуры, кто посмѣет отрицать, что положеніе стало хуже, чѣм оно было при царѣ?

Я прекрасно знаю, что громко говорить об этом не безопасно. Кличку реакціонера и монархиста получить нетрудно. Но меня кличками не запугаешь!

Я не реакціонер и не монархист, я просто честный и любящій свою родину человѣк, для котораго дороже всего—правда. А эта правда громко и отчаянно кричит о том, о чем сейчас шепчется весь народ русскій, там, в глубинѣ Россіи:

— При царѣ было лучше!..

Вы, господа революціонеры, конечно, не рѣшитесь этого сказать. Вы или стыдливо умалчиваете об этом, или блудословите. Но утверждать противное вы, все таки, получите право только тогда, когда Россія станет богаче и могущественнѣе, чѣм она была при царѣ.

А пока... „Сидите, ляхи, молчите, ляхи!“

На страшный суд, на суд всего народа,
Преступники, вас скоро позовут,
И грозен будет этот суд!

4.

Отрицать факт невозможно. Слишком очевидно, что Россія и русскій народ доведены до края нищеты, безправія и несчастія. Слишком очевидно, что, несмотря на всѣ преступленія самодер-

жавія, ни таких страданій, ни таких униженій русскій народ не переживал даже, если отнести всецѣло за счет самодержавія всю великую войну.

Но и молчать нельзя. Тут молчаніе—политической смерти подобно. Нужно оправдаться во что бы то ни стало, нужно и сквозь хаос революціи провести какой-нибудь прочный стержень, на который могла бы опереться уязвленная совѣсть.

И вот, они ищут и они находят:

— Во первых, земля перешла в руки крестьян!... Во вторых, установилось гражданское равенство!..

Правда, нѣкоторые утверждают, что это не завоеванія, а лишь послѣдствія революціи, но не все ли равно? И в том, и в другом случаѣ мы имѣем настолько огромныя достиженія, что ради них и в самом дѣлѣ можно простить, если не все, то очень многое.

Но весь ужас в том, что здѣсь налицо простая передержка, смѣшеніе вывѣски с содержаніем.

Скажите, для чего вы хотѣли дать землю крестьянам?... Неужели только для того, чтобы им было гдѣ похоронить всѣх умерших от голода?

Для чего мечтали вы о гражданском равенствѣ? Для того, чтобы отнынѣ всякій проходимец, независимо от своего происхожденія, мог стать эксплуататором и вершителем судеб?

Если — да, то вы правы. Вы достигли своей цѣли, и завоеванія революціи налицо.

Но, вѣдь, вы не этого хотѣли.

Я не знаю, на сколько расширилась площадь крестьянскаго землевладѣнія и на сколько увеличились кладбища на Руси, но я знаю, что количество обрабатываемой земли сократилось на половину.

Я не знаю, по каким высокоторжественным совѣтским праздникам русскіе люди одѣвают свое гражданское равенство, но я шесть лѣт прожил в совѣтской Россіи и знаю, что большаго неравенства, большаго рабства и поруганія человѣческаго достоинства не было со времен татарскаго ига.

5.

Крестьянину земля не для могилы нужна. Для этого ему хватит и трех аршин общечеловѣческаго надѣла. Ему была нужна земля, как источник благосостоянія, как право трудами рук своих добиться человѣческих условій жизни, покоя, довольства, культуры и образованія.

Что же получил он взамѣн этого?

— Земля то наша, да что уродится на ней — то ваше!.. — как сказал на с'ѣздѣ совѣтов мужик делегат.

Из деревни исчезли даже и тѣ слабенькіе ростки культуры, которые удалось насадить там когда то, не взирая на

мужицкую темноту и мужицкую нужду. Зачадила опять первобытная лучина. Воцарились лапти и домотканная пестрядина. Керосин и сахар отошли в область преданія. Закрылись школы. Пришел в ветхость сельскохозяйственный инвентарь. Отощала и погибла рабочая скотина. Труд крестьянина обезцѣнен до того, что урожая цѣлой десятины не хватает на покупку сапог. Голод стал хроническим явленіем и перекатывается безпрепятственно из края в край великой русской хлѣбородной равнины, вмѣстѣ с кровавыми волнами возстаній доведенных до отчаянія крестьян.

Правда, нѣт больше царских податей, нѣт урядников и становых с их „царской нагайкой", но зато воцарились жестокіе и алчные комиссары, бывшіе каторжники и конокрады, выколачивающіе из мужика непосильный, неисчерпаемый продналог, при помощи пулеметов и орудій, огнем сметающих цѣлыя села за малѣйшій протест против грабежа и безправія.

Одно право осталось у мужика: право безпросвѣтнаго, безвозмезднаго труда, чтобы кормить городских коммунистических дармоѣдов, да субсидировать III интернаціонал на предмет пропаганды всемірной соціальной революціи.

Если это называется дать землю крестьянину, то лучше во сто крат быть ему безземельным бродягой!

А гражданское равенство?

Тут дѣло обстоит еще болѣе печально.

Гражданское равенство состоит вовсе не в том, что в паспортах уничтожаются отмѣтки о принадлежности к тому или иному сословію. Гражданское равенство в том, что фактически уничтожаются всѣ сословныя привиллегіи и граждане становятся равноправными перед лицом закона.

Но на Руси нѣт никакого закона. Там царит власть, безотвѣтственная и безконтрольная, кучки диктаторов. Там Чека имѣет право над имуществом, жизнью и смертью любого гражданина. Там людей выселяют, раззоряют, обирают, убивают без суда и защиты.

Да, революція уничтожила и разогнала аристократов, помѣщиков, капиталистов и царских чиновников.

Но там образовалась новая аристократія — коммунистическая. Там „пролетарское происхожденіе" и принадлежность к правящей партіи гарантируют безнаказанность всякому преступленію. Там „кто не спекулирует, тот не ѣст", и алчный, хищный, грубый и глупый „нэпман", как пьявка, сосет всѣ соки из трудового народа. Там совѣтская бюрократія дошла до такой распущенности и наглости в безпримѣрном взяточничествѣ, грабежѣ, казнокрадствѣ и вымогательствѣ, что, в сравненіи с нею, бывшая царская полиція кажется каким то рыцарским орденом.

Там говорить о гражданском равенствѣ — языкоблудіе и кощунство!

И если все это вы назовете завоеванiями революцiи, то что же тогда называется пораженiем?

6.

Да, конечно, говорят, что во всем этом виноваты только большевики, и что теперешнее состоянiе Россiи, худшее, чѣм оно было при царѣ, с раззоренным, вымирающим крестьянством, с униженной и голодной интеллигенцiей есть состоянiе временное, которое должно пройти вмѣстѣ с большевицкой диктатурой.

Большевики, мол, уйдут, а завоеванiя революцiи останутся.

Но кто же может с полной увѣренностью сказать нам, кто и что придет на смѣну большевикам?

Демократiя? Может быть... Генеральская диктатура — возможнѣе... Превращенiе Россiи в колонiю для эксплуатацiи иностранным капиталом — весьма вѣроятно!

И что будет тогда с вашим „земля народу" и с вашим гражданским равенством? Кто знает!

Что крестьянство, дѣйствительно, получило землю, а граждане — равенство, можно было бы утверждать только в том случаѣ, если бы и то и другое было дано и закрѣплено законными актами законнаго правительства.

Но большевики это только кучка захватчиков, никѣм и даже самим народом не признанных. Их декреты всесильны только до тѣх пор, пока в их руках находятся красная армiя, пулеметы и пушки. В одно прекрасное утро эта красная армiя вздернет кремлевских владык на штыки, и всѣ их декреты обратятся в клочки бумаги.

А, вѣдь, это только говорить легко, что возврата к старому нѣт и не может быть.

То положенiе, которое создалось в Россiи нынѣ, ни что иное, как случайное нагроможденiе камней на днѣ потока, бѣшено несущагося куда то вдаль, под влiянiем грозовых ливней и бурь. Разразится новая гроза и поток снесет эти камни, чтобы нагромоздить их в другом мѣстѣ.

Паденiе большевиков неизбѣжно, а потом?.. Новая гражданская война, новое правительство, иностранная интервенцiя, власть концессiонеров, режим капитуляцiи?..

Кто знает!

Я могу утверждать только одно, что раны, нанесенныя революцiей, тяжелы, и понадобится много лѣт, чтобы их залѣчить, а какiе безобразные рубцы получатся на мѣстѣ этих ран угадать невозможно.

Послѣ великой французской революцiи пришли император Наполеон и режим капральской палки. Что осталось от этой „великой"?... Пресловутая „декларацiя прав человѣка"? Но она не плод революцiи, она создалась в эпоху предреволюцiонную, во времена прекраснодушнаго Руссо, и революцiя только переписала ее кровью жертв гильотины, чтобы, в видѣ мертваго зерцала для присутственных мѣст, сдать в архив.

Братство, равенство и свобода, гдѣ они в современной Франціи?

Человѣчеству давно пора отказаться от мысли, что насиліем можно творить добро, что, сѣя адскія сѣмена злобы, зависти и мести, можно выростить рай на землѣ.

Революція, как таковая, еще никогда не дала человѣчеству ничего, кромѣ милліонов лишних жертв.

Конечно, человѣчество не стоит на мѣстѣ, и каждая послѣдующая эпоха есть шаг по пути прогресса. Поскольку революція является эпохой в жизни человѣческой, постольку послѣ революціи жизнь мѣняется. Но еще большой вопрос — к лучшему ли? И если даже к лучшему, то есть ли это лучшее „завоеваніем революціи" или оно—результат возстановительной дѣятельности послѣреволюціоннаго періода?

В концѣ концов, что такое революція? Насильственный переворот, результат накопленія извѣстных сил в предреволюціонную эпоху, взрыв паров в котлѣ, катастрофа.

Но если катастрофа — дает повод и опыт для пересмотра конструкціи котла и устраненія его недостатков, то значит ли это, что сам по себѣ взрыв не был только разрушеніем?

Принято говорить, что „пожар много способствовал к украшенію Москвы". Это невѣрно. Пожар не украсил Москву, он только сжег ее, разрушил, превратил в кучку безобразных развалин. И, если на погорѣлом мѣстѣ жители выстроили новую, лучшую Москву, то это доказывает только живучесть и непреоборимую энергію человѣка, способнаго и послѣ ужасной катастрофы не только возстановить старое, но и улучшить его.

И как бы ни была прекрасна эта новая Москва, но радоваться пожару, а тѣм паче способствовать ему — глупое и гнусное преступленіе.

Иначе, придется быть послѣдовательным и признать, что Нерон, сжегшій Рим, был благодѣтелем человѣчества, и анархическая бредня о том, чтобы, разрушив весь мір, оставив голаго человѣка на голой землѣ, строить мір новый — есть величайшая мудрость.

В числѣ ходовых, затертых сравненій часто фигурирует то, что „невозможно построить новый дом, не разрушив стараго!".

Но при этом забывают, что разборка стараго зданія, планомѣрная и осторожная, под руководством опытнаго архитектора, не имѣет ничего общаго с революціонным взрывом, который вмѣстѣ с ветхими стѣнами уничтожает и самих работников и множество невозстановимых реальных цѣнностей.

Очень может быть, что, когда кончится наша революція и на Руси воцарится какой то новый строй, Русь станет и богаче, и сильнѣе старой. Но это не будет завоеваніем революціи, не будет даже логическим послѣдствіем ея.

Это будет результатом напряженной дѣятельности новых, болѣе талантливых и сильных духом строителей, которые придут послѣ нас.

Эта новая Россія именно потому и будет прекрасна, что в ней не останется слѣдов тѣх ужасов, насилія, глупости и подлости, на которых и зиждилось бытіе революціи.

IX.

О революціи, о правдѣ, о г-жѣ Кусковой и о самом себѣ.

1.

Напечатав мою статью „Завоеванія революціи“ редактор счел необходимым снабдить ее обширным примѣчаніем.

Я вообще ничего не имѣю против редакціонных примѣчаній, ибо редакція, по тѣм или иным причинам печатая мою статью, имѣет полное право оставаться при особом мнѣніи.

Но в данном случаѣ я был очень сконфужен. Так сконфужен, что если бы мнѣ не было от роду уже сорок пять лѣт и если бы я, выражаясь в стилѣ Игоря Сѣверянина, еще мог бы „пурпурить щеки“, то я покраснѣл бы... право!

Дѣло в том, что уважаемый Д. В. Философов не столь старался высказать свое мнѣніе, сколь старался найти хоть какое нибудь оправданіе моему поведенію. Точь в точь, как любящій папаша, который, гладя по головкѣ нашалившаго при гостях младенца, с нѣсколько сконфуженной улыбочкой говорит:

— Он у меня шалунишка, но чрезвычайно способный мальчик!

Как живые встали передо мною незабвенный гоголевскій Манилов и его милый Фемистоклюс, у котораго, к великому конфузу чадолюбиваго родителя, в самый неподходящій момент „капала из носу преизрядная капля“.

„Записки Писателя, — конфузливо оправдывает меня Д. В., — не похожи на обыкновенныя статьи политическаго характера. Слово Арцыбашева — не слово журналиста и политика, а слово русскаго писателя (способный мальчишка!), который говорит не только то, что думает, но и то, что чувствует, и то, что видит своим, пусть суб'ективным, глазом художника!

Одно слово — художник! Что с него возьмешь!

И, стараясь спасти мою побѣдную головушку от возможных послѣдствій этой художественной шалости, Д. В. спѣшит оговориться:

„Тема, затронутая Арцыбашевым, очень болѣзненна и надо сказать, что автор подошел к ней слишком лично. Его аргументами воспользуются против него же и сдѣлают из его статьи такіе выводы, которые чужды автору".

Какіе выводы предвидит Д. В. это само собой понятно: многіе, мол, подумают, что автор — реакціонер и монархист, что он (как со священным трепетом выразился один журналист) „вообще против революціи!"

Д. В. Философов говорит, что он не желает „подсиживать Арцыбашева", а так как — любезность за любезность, то и я не желаю подсиживать Философова и в принципіальную полемику с ним вступать не буду.

Но, все таки, категорически отказываюсь от предоставляемаго им мнѣ „права художника говорить не только то, что думаю", но и то, чего я не думаю.

Честное слово, я всегда говорю только то, что думаю.

И тѣм настойчивѣе я должен это подчеркнуть, что и так уже г-жа Кускова, в „Днях", старается доказать, что я говорю не то, что думаю, а нѣчто совсѣм другое...

— „Вы думаете, что так все это и нужно принимать за чистую монету? Нѣт!.."

Кстати сказать, давно уже я не читал ничего... печальнѣе, чѣм эта статья г-жи Кусковой!

Хотя в моих „Завоеваніях революціи", из-за которых, если не загорѣлся сыр-бор, то загорѣлась г-жа Кускова, имя ея не упоминалось, но, тѣм не менѣе, она очень обидѣлась за моих „ошпаренных тараканов" и „перо ея местію дышет!"

Но так как г-жа Кускова, все таки, мягко выражаясь, — дама, то и месть ея выявилась чисто по-женски: ни слова не возражая на мои мысли о революціи, она просто принялась за стирку грязнаго бѣлья.

Неизвѣстно зачѣм и почему вытащив откуда то моего бѣднаго „Санина", она со сладострастным азартом начала перетряхивать далекое прошлое — давно забытыя сплетни о том, как я, яко бы, развращал молодежь проповѣдью свободной любви.

Вспомнила бабушка, как была дѣвушкой!

Я, право, не виноват, что люди мелкаго ума и грязной мысли не поняли тогда моего романа и приписали мнѣ то, о чем теперь сама же г-жа Кускова, весьма кстати, говорит:

— Чорт знает, что за чушь! Какой болван эту сплетню выдумал?

Но, вѣдь, по существу возражать трудно, грязью мазать гораздо легче, а потому г-жа Кускова не брезгает ни болваном, ни чушью, ни сплетней.

Собственно о завоеваніях революціи в ея статьѣ нѣт ничего, кромѣ моих же цитат, но зато имѣется картинное

описанiе одного из тѣх многочисленных диспутов о Санинѣ, которые когда то устраивались разными ловкими предпринимателями на предмет „полнаго сбора“.

Тут, конечно, и неизбѣжныя „юныя, прелестныя дѣвушки“, которых я, якобы, загубил окончательно, тут и „пряная атмосфера“, тут и „коммуна свободной любви на Петербургской Сторонѣ“, тут и чушь о „теорiи открытаго разврата“.

Одним словом, все, что когда то ушатом зловонных помой вылили мнѣ на голову разумом скудные, но злобой богатые газетные писаки, не мало пятаков заработавшiе на передержках, подтасовках и всяческих искаженiях идеи моего романа. Был ли я тогда „модным писателем“, как утверждает г-жа Кускова, я не знаю, но что была тогда мода „ругать Арцыбашева“, так это точно. Большая мода!

В заключенiе г-жа Кускова дѣлает выстрѣл из тяжелаго орудiя, утверждая, что сам покойный Короленко, сiя общепризнанная икона „древняго благочестiя“, сказал г-жѣ Кусковой:

— Арцыбашевщинѣ надо об'явить войну, ибо вѣдь это же подлинное растлѣнiе душ!

Говорил ли что-нибудь подобное покойный Владимiр Галактiонович, мой литературный крестный отец, не знаю. Да будет это на совѣсти г-жи Кусковой. Короленко, не в хулу покойнику будь сказано, был хитрый мужичек... При встрѣчѣ со мной он говорил разныя хорошiя слова, а что говорилось им за моей спиной, кто-ж его вѣдает?

Впрочем, не в том дѣло! И юныя дѣвушки, и старый писатель потребовались г-жѣ Кусковой только на предмет вящаго дискредитированiя моего имени.

И в погонѣ за столь благородной и столь благородно выраженной цѣлью, г-жа Кускова приходит к выводам, которых, вѣроятно, „даже и г. Философов“ предвидѣть не мог: она, не обинуясь, утверждает, что всѣ мои писанiя есть ни что иное, как погоня за популярностью!

„Было бы несправедливо утверждать, что между старым и новым Арцыбашевым нѣт ничего общаго! Есть!.. Тогда была среда, жаждущая прорвать тѣ культурныя грани, которыя отдѣляют человѣка от животнаго. Арцыбашев стал модным писателем и пророком этой среды. Теперь тоже есть среда большевиков наизнанку, которая жаждет освободиться от культурных уз, препятствующих первобытному примѣненiю огня и меча... И этой средѣ нужен модный писатель и ея пророк!“

Поэтому, мол, не надо принимать мои слова за чистую монету. Погоня за популярностью и больше ничего!

Стыдно, дорогая моя! Совсѣм нехорошо!

И уж совсѣм даже не умно колоть меня тѣм, что я, „пять лѣт молча прожившiй под большевиками, теперь здѣсь, на свободѣ, заговорил.“

Очаровательная! А не можете ли вы мнѣ указать, каким образом мог бы я там говорить? Уж не в „Прокукишѣ" ли нужно было мнѣ выступить?

Шутки в сторону! Г-жа Кускова прекрасно знает сама, что говорит глупости и что-что, а эти слова ея нельзя принять за чистую монету. Это только „полемическій пріем", да и то не из чистых.

Молчал ли я, как человѣк, г-жа Кускова не знает. Мы вращались в разных кругах. Молчал ли бы я, как писатель, если бы у меня была хоть какая-нибудь возможность печататься, не знает она тоже. Достовѣрно только одно: я молчал, как молчала вся та русская литература, которую ни академическіе пайки, ни „чистыя" деньги Госиздата не могли заставить печататься в совѣтских газетах и журналах.

Это, конечно, очень дурно с моей стороны, но что же дѣлать?

Покойной ночи, г-жа Кускова!

2.

Один старый писатель, имени котораго я не называю, ибо не испрашивал на то позволенія, прислал мнѣ теплое, сочувственное письмо, в котором, между прочим, пишет:

„Вы совсѣм не газетный человѣк и, позвольте сказать откровенно, если бы напал на вас изворотливый и плутоватый полемист, то успѣл бы больно ткнуть пером во многія мѣста, оставшіяся без панцырной защиты!"

Это сущая правда!.. Не газетный я человѣк... но я вовсе и не желаю быть газетным человѣком, предпочитая остаться просто человѣком.

Неужели же и теперь потерявшіе родину, разбитые и разсѣянные по всему лицу земли мы должны быть просто газетчиками, профессіоналами изощренной діалектики, больше всего заботящимися о том, чтобы ни одна плутовая каналья не могла нанести урона нашему литературному самолюбію?

Ах, чорт с ними, с этими изворотливыми и плутоватыми полемистами!...

Да и притом, что ни пиши, как ни пиши, а при желаніи „ткнуть" всегда можно. Развѣ у „полемиста" нѣт оружія, против котораго безсильна всякая броня? А передержка, а искаженія, а клевета?

Вѣдь, если хорошенько залѣпить в физіономію грязью, то и стальное забрало не спасет!

А я полагаю, что время изощренной полемики и академической діалектики прошло. Мы находимся сейчас в таком положеніи, когда надо просто кричать, и чѣм громче, тѣм лучше.

О, если бы голос мой „звучал, как колокол на башнѣ вѣчевой", если бы я мог кричать так громко, чтобы даже мертвыя души пробудились!

3.

Искренно и прямо, почтительнѣйше отказываясь от благожелательной защиты Д. В. Философова, повторяю:

— Да, я вообще против революцiи!

Но только глупец может сдѣлать из этого вывод, что я реакцiонер и монархист. Нѣт!.. Монархiя отжила свой вѣк и, если даже она и вернется, благодаря тому, что народ так измучен большевиками, что готов броситься в об'ятiя хоть бы даже к самому чорту, то все равно — торжество ея не будет продолжительным.

Прошлое, отнюдь, не прельщает меня. Этому темному прошлому мы обязаны тѣм, что, к моменту революцiи, русскiй народ оказался диким звѣрем, и большевикам ничего не стоило подчинить его своей волѣ, двинуть его на убiйства, грабеж и безсмысленное разрушенiе.

И к старому возврата нѣт. Слишком много пережито за эти годы, чтобы не только уклад жизни, но и психологiя народа остались прежними. Какова бы ни была будущая Россiя, но она не будет прежней.

Будет ли она лучше? Вот в чем вопрос!

А, вѣдь, именно в этой плоскости и надо разсматривать „завоеванiя революцiи". Ибо если в результатѣ этой самой революцiи воцарится долгая ночь безпросвѣтной реакцiи или, обратив Россiю в колонiю, будут грабить и бить нас по мордам иноземцы, то о каких же завоеванiях революцiи мы тогда будем говорить?

Опять о сверженiи монархiи?... Хоть морда в крови, да наша взяла?

Благодарим покорно!

Я не монархист, не реакцiонер, я даже и не контрреволюцiонер.

Я, если можно так выразиться, — анти-революцiонер.

Я смотрю на революцiю вообще, как на великое бѣдствiе. Такое же, если не хуже, как война, голод и чума. Я прекрасно знаю, что, благодаря многим причинам, эти бѣдствiя бывают неизбѣжны, но от этого далеко до признанiя их прекрасными.

Революцiя в Россiи была неизбѣжна, но от этого она не перестала быть ужасной. Я вѣрю, хочу вѣрить, что настанет время, когда люди с ужасом будут говорить о насилiи, о террорѣ, о кровавой борьбѣ классов. И еще с большим удивленiем будут говорить о тѣх, казалось бы, умных и честных людях, которые вѣрили, будто злом можно сдѣлать добро и ужасы вынужденной борьбы, всю эту кровь и грязь, возводили на пьедестал.

И я полагаю, что, так называемая, „соль земли" — лучшiе, образованнѣйшiе, умнѣйшiе, честнѣйшiе люди — должны не славословить революцiю, не звать к ней, не облекать ее в

пышныя одежды грозной, но прекрасной богини, не внушать человѣчеству, что революція есть единственный и прекрасный способ борьбы, а употреблять всѣ силы для того, чтобы раз'яснить толпѣ, что хотя революція и бывает иногда из двух зол меньшим, но она все же зло.

4.

Я знаю сам, что тема, мною затронутая, очень болѣзненна.

С точки зрѣнія „чисто политической", отсутствіе которой констатирует у меня Д В. Философов, ея не слѣдовало касаться.

Но, вѣдь, это только с „чисто политической"!.. А другой точки зрѣнія мы уже не признаем?..

Неужели мы так погрязли в политикѣ, до такой степени подчинили всѣ свои мысли политическим и дипломатическим разсчетам, что совершенно позабыли о возможности—во первых, стать выше требованій политическаго момента, а во вторых — просто говорить правду?

Ну, а я об этом не забыл. И, все таки, я утверждаю и буду утверждать, что „земля вертится", что истина выше всего и никаким соображеніям подчинена быть не может.

Правда не может разсматриваться с точки зрѣнія опредѣленной пользы, опредѣленнаго практическаго примѣненія. Правда есть правда — и больше ничего. Она безразлична к лицам и моментам. Она бывает ужасна, но лучше самая ужасная истина, чѣм ложь и фальшь.

Бог дал мнѣ величайшее несчастіе, какое может пасть на долю писателя — быть искренним.

Я не буду спорить о том, есть ли у меня талант, дурно или хорошо то, что я пишу. Но я могу утверждать одно: никогда не написал я ни одного слова, которое бы не родилось в сліяніи моих чувства и ума.

А между тѣм, хотя люди ни о чем не говорят с таким пафосом, как о правдѣ, и требованіе безусловной искренности прежде всего пред'являют к писателю, — правды они как раз и не выносят.

И особенно о самих себѣ! Должно быть эта правда, и в самом дѣлѣ, так ужасна, что с сознаніем ея нельзя жить.

И если говорить о „модных писателях", о погонѣ за популярностью, то как раз тут и лежит совсѣм иной путь. Человѣчество очень любит „возвышающіе обманы", любит, чтобы и в послѣднем скотѣ писатель умѣл находить пресловутую „искру Божію", чтобы он кричал о том, будто „Человѣк звучит гордо"... Нѣт болѣе вѣрнаго средства к достиженію лавроваго вѣнка, как „все понять, все простить" людям, быть ласковым теляткой, льстить толпѣ и ставить ее на пьедестал.

Кричите: „Люди! Люди!" и побѣгут за вами и будут вопить: осанна, благословен грядый, наш вождь, наш пророк!

Но попробуйте говорить правду, скажите им то, что есть— что в человѣкѣ и до сих пор больше звѣря, чѣм человѣка, что толпа — злое и глупое стадо, что народ это толпа, что на милліоны дураков едва ли можно найти одного дѣйствительно умнаго человѣка, и вы станете тѣм, чѣм стал я: изгоем русской литературы, как окрестил меня один критик, об'ектом для вѣчной травли, одиноким и чуждым всѣм.

Если это и называется быть „модным писателем", то... тѣм лучше!

Жалкіе люди. Царизм и война толкнули их на путь борьбы, на котором они споткнулись и шлепнулись в кровавую грязь. Милліоны живых людей потонули в этой грязи, а оставшіеся, встав на ножки, шатаясь, размазывая по лицу кровь и грязь и напрасно стараясь протереть глаза, все таки хотят заставить нас повѣрить, что все, что они сдѣлали, было необыкновенно прекрасно, полезно, умно и как раз то, что нужно!

Вот, эта то глупость, эта ложь, это лицемѣріе меня и возмущают. Против них я и возстаю.

Против всѣх этих „Павлов, которые лѣзут в Савлы, против всѣх этих полувысланных, полусосланных, полупосланных, полу.. чорт их знает что"... как пишет тот же старый писатель, который радуется, что нашелся „нѣкто, кто сдирает маски с лицемѣрных морд, называет кошку кошкой, а не кисанькой, а избалованным болонкам и левреткам напоминает, что онѣ, как ни вертись, а все таки... сукины сыны и дочери".

X.
ЭМИГРАНТСКАЯ ВОБЛА.

1.

Приснилось мнѣ, что я присутствую на засѣданіи историческаго общества, в тридцать втором столѣтіи. Один за другим выходят на кафедру докладчики, почему то всѣ, как один, похожіе на каких то сѣрых, безконечных ленточных глистов, и говорят о русской эмиграціи эпохи великой октябрьской революціи.

Но, как всегда во снѣ, все это очень смутно, призрачно и странно. Я дѣлаю неимовѣрныя усилія, чтобы разобрать, в чем дѣло, но рѣчи ораторов звучат глухо, как сквозь подушку, временами переходя в какое то тягучее, сплошное бормотаніе. Только иногда до меня долетают отдѣльныя слова и фразы, но и в них нѣт ровно никакого смысла...

И вот, слышу я:

— Вопреки установившемуся представленію о милліонах бѣженцев, хлынувших в Европу от ужасов большевицкаго террора, русская эмиграція была очень немногочисленна... С полной несомнѣнностью удалось установить лишь пребываніе в Парижѣ извѣстнаго русскаго изслѣдователя морских проливов... профессора Милюкова... Имѣются слабые намеки на существованіе в Прагѣ эсеровской колоніи... Что же касается г-жи Кусковой, то личность эту слѣдует считать легендарной, ибо в противном случаѣ пришлось бы признать возможность ея одновременнаго пребыванія во всѣх центрах Европы...

— Что за вздор! хочу крикнуть я, но губы мои не издают ни единаго звука, а безконечный сѣрый глист тянется дальше.

— Главную массу русской эмиграціи составляли учащаяся молодежь и дѣти... Молодежь осѣла, главным образом, в Чехословакіи, очевидно, бывшей в ту эпоху разсадником міроваго просвѣщенія, а дѣти, брошенныя на произвол судьбы родителями бѣженцами, повсемѣстно ютились под елками, спеціально для этой цѣли насаждаемыми многочисленными благотворительными обществами... Кое какія данныя заставляют думать, что в дремучих лѣсах восточной Польши и в пустынях сѣверной Африки бродили какія то одичалыя банды, повидимому, русскаго проис-

хожденія, но об этом любопытном явленіи в жизни культурнаго XX столѣтія не удалось получить болѣе точных свѣдѣній... В Англіи, Америкѣ и других странах свѣта русская эмиграція вовсе не наблюдалась...

— Позвольте! снова и с тѣм же успѣхом пытаюсь я прервать докладчика, но голос продолжает с тягучей настойчивостью:

— Необходимо отмѣтить чрезвычайно высокій культурный уровень русской эмиграціи: она сплошь состояла из журналистов, студентов высших учебных заведеній и генералов... Этим об'ясняется, что всѣ свои силы эмиграція отдавала исключительно сбереженію культурных цѣнностей, занимаясь науками, искусствами и исторіей... Гуманное европейское общество приняло несчастных изгнанников с такой теплотой, что они чувствовали себя на чужбинѣ прекрасно и даже вовсе не помышляли о возвращеніи на родину...

— Это уже слишком! громко сказал я и, как подобает в таких случаях, проснулся.

2.

Все это, конечно, вздор и даже слишком вздор. Но право же, когда-нибудь, изучая из'ѣденные временем и мышами комплекты русских газет, будущіе историки будут имѣть полное основаніе придти именно к таким нелѣпым выводам.

Мы знаем, что за границей около двух милліонов русских. Это — населеніе весьма недурного государства, в современном прибалтійском стилѣ, и эта многоголовая человѣческая масса чрезвычайно разнообразна. В ней есть все, от высококвалифицированных представителей высшей культуры до первобытных дѣтей природы.

Казалось бы, вся эта масса людей, оторванных от родной почвы, превратившихся в какое то цыганствующее племя, должна была бы жить одной общей мечтой.

Кто бы ни был русскій эмигрант — писатель, ученый, студент, генерал, спекулянт или рабочій— он должен понимать, что без родины он прежде всего — не человѣк.

Как бы ни относились к нам культурные народы Европы, мы для них всегда останемся надоѣдливым, тяжким бременем.

В милой Чехословакіи нас привѣчают, как раззорившихся родственников; все гдѣ нас терпят, как незваных гостей; в иных странах к нам относятся опредѣленно враждебно, уродуя нашу жизнь всяческими ограничительными мѣрами.

И мы, граждане великой страны, еще недавно вліявшей на судьбы міра, мы, с гордостью произносившіе слово Россія, вынуждены молча сносить все — и ласку милых родственников, и снисходительное презрѣніе чужих, холодных людей и унизительное издѣвательство торжествующих мстителей за прошлое.

Казалось бы, при таких условіях, вся эмигрантская масса

должна находиться в состоянiи постояннаго кипѣнiя, одухотворенная одним стремленiем: возстановить могущество своей родины и тогда достойно отплатить и за ласки и за обиды.

Живя в Россiи, я себѣ это так и представлял...

Что такое эмигранты?... Это люди, которые не могли примириться с большевицкой тиранiей и тяжкую свободу изгнанiя предпочли существованiю под бичами кремлевских палачей. Честь им и хвала!.. Самым бытiем своим они доказывают, что еще не весь русскiй народ превратился в безсловесный скот для чекистской бойни.

И вот, пока мы, остающiеся в Совдепiи, мы — несчастные парiи, тварь дрожащая, покорно лижем пятки своих мучителей, под дулом чекистскаго револьвера, они, эмигранты, бодро и мужественно куют молот святой ненависти, которым рано или поздно разобьют наши цѣпи.

Конечно, там есть пламенные трибуны, вожди, которые намѣчают пути и возжигают священный огонь, но за ними стоит вся эта могучая, живая, полная энергiи и готовности к борьбѣ, миллiонная масса рядовых бойцов!..

Эта грозная армiя, вынужденная временно отойти за предѣлы своей родины, реорганизуется, набирается сил для послѣдняго рѣшительнаго боя, и в оный день...

Так думал я, живя в Россiи, откуда и выѣхал только для того, чтобы стать в ряды этой армiи.

3.

О, как горько я ошибался!

Оказывается, никакой такой армiи вовсе нѣт!.. Нѣт и могучаго духа ненависти... ничего нѣт!

Есть миллiонная масса какой-то безличной и безсмысленной воблы, которая ищет спокойнаго, тихаго затона, гдѣ бы она могла мирно и невозбранно метать свою икру.

Конечно, она ненавидит большевиков и мечтает о возвращенiи на родину... Но ненависть ея — не пламенная ненависть побѣжденных бойцов, а маленькая, безсильная злость мелкой рыбешки, потревоженной с теплаго, насиженнаго мѣста. И о родинѣ она мечтает не потому, что это ея великая родина, а потому, что там ей под каждым листком был готов и стол, и дом, а здѣсь она вынуждена вѣчно мучиться в погонѣ за крошками хлѣба.

Она не пребывает в сонном покоѣ. Нѣт. Она в постоянном и напряженном движенiи. Безпокойно шныряет она туда и сюда, тыча тупыми носами во всѣ берега. Но эта рыбья суета — не болѣе, как поиски теплой и удобной норки.

Говорят, во Францiи хорошо!.. И вобла всей массой устремляется во Францiю. Ах, нѣт!.. В Германiи куда лучше!.. Вобла сплошной плотиной движется на германскую отмель. Но у германских берегов подымается бурный прибой... клочьями

летит грязная пѣна, бурлят подводныя большевицкія теченія... Вы думаете, что вобла дружно устремляется на помощь нѣмцам против общаго врага?.. Как бы не так! Она поспѣшно виляет хвостом и, выпучив круглые, испуганные глаза, устремляется в Чехословакію, в Турцію, в Аргентину, к чорту на рога, но только туда, гдѣ безопаснѣе, гдѣ подальше от большевиков, гдѣ валюта крѣпче...

4.

Когда присмотришься к жизни эмигрантской массы начинаешь думать, что она совершенно примирилась со своей участью.

В этой массѣ мало кто думает о благѣ родины, о борьбѣ с большевиками... Это было, но это прошло. Теперь большинство ведет себя так, как будто бы никакой родины нѣт, и надо устраиваться на чужбинѣ на всю жизнь.

Кто что может... конечно!.. Писатели и журналисты ищут издательств, которыя могли бы оплачивать болѣе или менѣе прилично их романы, повѣсти и разсказы. Профессора и студенты возятся со своими университетами, учат и учатся, с головой уйдя в свою школьную жизнь. Духовенство бережет случайно уцѣлѣвшія православныя церкви, крестит, вѣнчает, хоронит. Люди физическаго труда ищут работишки. Канцелярщина пристраивается к иностранным банкам и присутственным мѣстам. Болѣе или менѣе обезпеченная обывательщина таскается по всему свѣту, в поисках тихаго, недорогого уголка.

В концѣ концов, об этом уголкѣ хлопочут всѣ без исключенія. Ищут мѣстечка, гдѣ бы можно было кормиться и коротать дни свои. Ищут и упорно надѣятся, что не здѣсь, так там, не во Франціи, так в Бразиліи, или на островах Нса-Ноа, а гдѣ нибудь устроиться можно.

Надолго?.. Навсегда?..

Может быть, и навсегда!.. Вѣдь, это Магомет разсуждал, что если гора не идет к нему, то он должен идти к горѣ... А мы не Магометы! Ежели родина не желает освобождаться, то и Бог с ней. Проживем и без родины. Ничего!..

Конечно, что и говорить, на чужбинѣ не то, что дома!.. Дома не в примѣр лучше. Но раз в домѣ засѣли какіе-то разбойники, то чорт с ним, с таким домом!.. Кусочек хлѣба вездѣ найдется, а европейцы не варвары... хоть и поиздѣваются, а не прогонят. Да и куда прогонишь?

И вот, каждый хлопочет сам о себѣ, с таким видом, точно и в самом дѣлѣ устраивается тут навсегда.

Правда, тоскливо, все-таки!.. Как хотите, а тоска по родинѣ это не выдуманное чувство. Щемит, и здорово щемит!.. Свѣтлым праздником был бы тот день, когда, плюнув на всѣ европейскіе затоны, измученная вобла могла бы двинуться к родным берегам. Об этом днѣ и мечтают, и говорят, и спрашивают друг друга: когда же, наконец?..

Но для того, чтобы приблизить этот день, вобла, конечно, и хвостом не шевелит. Об этом она предоставила заботиться кому-то другому.

Кому же?.. Вождям, конечно. На то они и вожди, чтобы спасать бѣдную воблу. Они уж там знают, как и что. Им виднѣе сверху.

И вот, когда читаешь русскія газеты, дѣйствительно, начинает казаться, будто вся русская эмиграція состоит из Милюкова, Чернова, пары Познеров, да вездѣсущей г-жи Кусковой.

Ибо только они проявляют кое-какіе признаки жизни, только они чего то горячатся, о чем то кричат, к чему то зовут.

А вобла молчит, как будто ея и вовсе нѣт на свѣтѣ.

5.

А это развращает. Это изолирует вождей от массы, превращает их в полководцев без арміи, а всю русскую прессу превращает в какое то „свое болото“, живущее своей жизнью, не имѣющей никакой связи с жизнью эмигрантской массы.

Правда, об этой жизни, вѣрнѣе об этом прозябаніи, мы кое-что узнаем из газет. Мы знаем, что в пражском университетѣ столько то тысяч студентов, обучающихся полезным наукам. Мы знаем, сколько елок устроено было на Рождество для дѣтей русских бѣженцев. Много елок!.. Мы знаем, сколько пар штанов и ботинок выдали бѣженцам попечительные и иные россійскіе комитеты. Кромѣ того, мы имѣем великое число об'явленій о ресторанах, с оркестрами русских балалаечников, о русских спектаклях, об изданіи русских классиков, о русской водкѣ в разных „русских уголках“, о банках, переводящих куда угодно любую валюту.

Но о подлинной жизни—переживаніях, чаяніях, стремленіях, мнѣніях эмигрантской массы — мы не знаем ровно ничего, ибо вобла молчит, и монополія на невозбранное высказываніе мнѣній принадлежит ограниченной кучкѣ болѣе или менѣе бойких журналистов.

И эти журналисты добросовѣстно варятся в собственном соку. До мнѣній и чувств милліонной массы эмигрантской им нѣт никакого дѣла. Их интересует только взаимная грызня, и для них важно только то, что говорит Павел Николаевич и что возражает ему г-н Изгоев, что болтает г-жа Кускова и какого мнѣнія о Черновѣ Авксентьев.

Правда, они еще дѣлают попытки пристроиться к разговору знатных иностранцев, хвалят Мак-Дональда, ругают Пуанкарэ, читают нотаціи Ллойд-Джорджу. Но знатные иностранцы не обращают на них никакого вниманія и они опять возвращаются к тому, что сказал Милюков и что отвѣтил ему Изгоев.

А, между тѣм, они говорят и думают о великих вопросах, от которых зависит вся жизнь несчастной воблы: о судьбѣ

революціи, о необходимости признать завоеванія революціи, о примиреніи с большевиками.

И потому, что масса молчит, они распускаются, заголяются, становятся наглы и циничны. Россіей они заслоняют большевиков, они издѣваются над сантиментальной моралью, они воспѣвают реальную политику, для которой деньги не пахнут. И когда кто-нибудь, свѣжій человѣк, еще не уварившійся в этом болотѣ, начинает что то бормотать о правдѣ, о морали, о невозможности подать руку палачам своей родины, они принимают это за личное оскорбленіе и всей тяжестью своей газетной монополіи обрушиваются на этого наивнаго человѣка.

И, расправившись с ним, опять—Милюков говорит, Изгоев возражает, г-жа Кускова пріемлет... без конца, без исхода, не давая никому отчета в своей нудной болтовнѣ.

А вобла молчит.

6.

Бог с ними, с этими „вождями", до мозга костей сварившимися в собственном соку. Я обращаюсь к рядовой эмиграціи с горьким упреком.

Кто бы вы ни были—демократы, соціалисты, эсеры, меньшевики, монархисты, промышленники, спекулянты, казаки, рабочіе, просто интеллигенты—вас много, вы сила, и, в концѣ концов, суть в вас, а не в „Послѣдних Новостях", или „Рулѣ" с „Днями."

Вѣдь, это от вашего имени говорят всѣ эти Милюковы и прочіе. Без вас они нули и больше ничего. Кто бы стал прислушиваться к их словам, если бы за ними не предполагалась ваша милліонная масса?

Я понимаю, что вам надо жить, и не вижу ничего худого не только в том, что вы работаете, как кто может, но даже, если хотите, в том, что вы спекулируете, чѣм можете.

Но должны же вы понять, что, как бы вы ни работали, как бы вы ни спекулировали, вы никогда не устроите себѣ человѣческую жизнь, пока будете скитаться по бѣлу свѣту, в качествѣ пресловутых бѣженцев, людей, лишенных родины. Всегда и вездѣ вы будете лишь болѣе или менѣе терпимыми паріями среди свободных граждан других государств.

Ваше спасеніе не в том, что вы пристроитесь гдѣ то на работу или службу, наживете сотню долларов, найдете тихенькій и дешевенькій курорт. Ваше спасеніе в том, чтобы снова найти свою родину, единственное мѣсто, гдѣ вы снова будете полноправными, полносильными людьми.

Но родина даром не дается, и не дадут ея вам Милюковы. Не дадут даже и Ллойд-Джорджи. Вы должны ее взять сами, а для этого необходимо бороться.

И прежде всего необходимо, чтобы вы не были безсловесной воблой, от имени которой могут безвозбранно говорить всѣ эти полувысланные и полуиссланные.

Как раз теперь момент отвѣтственный, момент трагическій. Кипит борьба вокруг вопроса о признаніи большевиков. *) Понимаете ли вы, что от того или иного рѣшенія этого вопроса зависит ваша участь? Понимаете ли вы, что если большевики будут признаны, то на долгіе и долгіе годы ваша участь рѣшена. Или вы будете, как скот безсловесный сданы в большевицкія лапы, которыя на вашей шкурѣ выбьют побѣдный марш, или вы будете обречены на безконечно долгое время скитанія по чужим домам, в качествѣ никому ненужных, всѣм надоѣвших нищих.

Эмигрантская масса должна сама опредѣлить свое отношеніе к этому роковому вопросу. Она должна или благословить пріемлющих, или осудить их так, чтобы они не смѣли уже больше никогда юлить своими блудословными языками.

Она должна опредѣлить ясно и твердо, с кѣм она, кто ея дѣйствительный вождь, кто близок ей по духу и стремленіям, чьи чувства она раздѣляет и кто ложно говорит от ея имени.

Она должна перестать быть воблой и стать тѣм, что она есть — частью русскаго народа, сознательно ведущаго свою борьбу с тиранами и палачами своей родины.

И пусть не говорят, что масса безсильна, что она не имѣет возможности высказаться, поддержать тѣх, кто по ея мнѣнію прав, заставить замолчать тѣх, кто облыжно спекулирует ея именем.

В концѣ концов, масса довольно организована. Вездѣ есть комитеты, университеты, различныя артели, организаціи. Вездѣ устраиваются собранія, лекціи, собесѣдованія, доклады.

Но кто то, трусливый или лукавый, сказал, что всѣ эти комитеты и собранія должны быть аполитичны, что они должны избѣгать выявленія страстей, вести себя тихо и мирно. И вобла повѣрила. Она собирается только для того, чтобы провѣрить количество розданных штанов или послушать тѣх же Милюковых с Кусковыми. От своего мнѣнія она воздерживается, послушает и расходится по домам, унося свои истинныя чувства и мысли к своему чайному столу.

Нужно, чтобы масса проснулась и сказала свое слово. Нужно, чтобы она положила клеймо на тѣ лбы, которые этого заслуживают. Прежде, чѣм от ея имени будут рѣшать вопрос о признаніи большевиков, она должна сказать, кого из этих „рѣшающих" она сама признает, а кого отвергает.

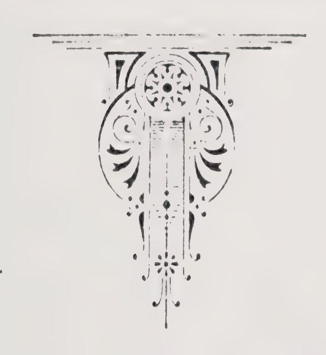
Для этого у нея есть оружіе. Для этого она должна отказаться от глупой мысли о необходимости аполитичнаго воздержанія и требовать, чтобы всѣ эти собранія и комитеты не ограничивались ни к чему, в концѣ концов, не ведущей выдачей штанов, а дали ей возможность сорганизоваться для прямой цѣли, для борьбы. Дали ей возможность прямо и рѣзко

*) Статья написана в февралѣ 24 г.

высказываться, выносить свои резолюцiи и резолюцiи эти обнародовать.

Тогда выяснится, наконец, с кѣм идет эта масса, и это даст силы для борьбы одним, заставит поджать блудливый хвост других.

Я знаю, конечно, что наши милые хозяева во всѣх странах будут весьма недовольны и будут ставить всевозможныя препятствiя на предмет сохраненiя тишины и спокойствiя. Но если мы будем настойчивы и не трусливы, то мы скоро заставим их считаться с тѣм, что мы русскiе, что мы имѣем право громко рѣшать вопросы своей судьбы, что они дают свое гостепрiимство людям, а не парiям.

XI.
БОЛЬНОЙ ВОПРОС.

1.

Я получил слѣдующее письмо:

„Михаил Петрович, с перваго вашего появленія в литературѣ, я стал горячим поклонником вашего художественнаго таланта. Теперь я стал не меньшим поклонником вашего публицистическаго дарованія. Тонкій анализ настоящаго, проникновенный взгляд на будущее—вот то, что заставляет внимательно слѣдить за вашими статьями. Читаешь и наслаждаешься! Но... но иногда тебя всего замутит и передернет. Точно нюхаешь прекрасный букет и вдруг царапнет тебя по носу... Смотришь, а меж цвѣтов затесалась колючка. Так и тут... Говорите вы, например, о крестьянской Россіи, и вдруг — „Нахамкесы и Бронштейны"... Почему не Стекловы и Троцкіе?.. Вѣдь, „посвященным" извѣстно, а для неосвѣдомленных... Отдаете ли вы себѣ отчет в значеніи разоблаченія этих псевдонимов? Подумали ли вы о том, что, когда настанет час расплаты, когда палачам и тиранам будет воздано по дѣлам их, ни один поляк не отвѣтит за Дзержинскаго, ни один грузин за Сталина, ни один румын за Раковскаго, ни один латыш за Петерса. Отвѣтит только один еврейскій народ! Об этом всѣ говорят и в этом всѣ согласны. Почему так должно быть? Да просто потому, что у сильнаго всегда безсильный виноват. Потому, что круговая порука примѣняется всегда к болѣе слабой сторонѣ. Если бѣлый человѣк изнасилует негритянку, его судят по закону. Если негр изнасилует бѣлую женщину, всѣх попадающихся на глаза негров начинают линчевать. Гдѣ же тут справедливость, логика и культура?.. Почему я, яростный враг большевиков, должен отвѣчать за Нахамкеса, тогда как какой-нибудь... Иванов и не думает о національной отвѣтственности? Скажут: евреи (молодежь!) дали непропорціонально большой процент коммунистов... Но вы, как большой психолог, не можете не учесть того, что евреи, как самый безправный, самый гонимый народ при самодержавіи, не мог не выдѣлить из своей среды больших кадров чиновников, комиссаров, офицеров... Офицеров!.. Подумать только, что раньше еврей, будь он хоть семи пядей во лбу, не

мог выслужиться выше ефрейтора, а теперь, вдруг — „красный командир"!.. Противодѣйствіе, вѣдь, всегда равно дѣйствію. Или психологія и логическіе законы это одно, а безсознательный инстинкт — другое?.. Вы же недавно пріѣхали из Россіи и знаете, какое озлобленіе ростет там против евр ев. В газетѣ „Дни" один пріѣзжій россіянин заявляет: „от краснаго цвѣта не осталось ни сиѣдинки. Бѣлых и черных у нас тоже нѣт. Есть вот что — презлющіе антисемиты!"...... Надо отдать справедливость эмигрантской прессѣ: она сознает всю опасность назрѣвающаго момента и очень бережно относится к нему. Кажется г-жа Кускова, на одной лекціи, призывала изыскать средства для борьбы с этой ростущей опасностью".

Здѣсь автор письма возвращается к „Лейбѣ" Троцкому, увѣряя, будто в красной арміи многіе даже не знают о его національности, а если и знают, то вовсе не интересуются этим, и заканчивает:

„Очень прошу помѣстить это письмо в газетѣ. Возможно, что я не так понял вас. Тогда, пожалуйста, отвѣтьте мнѣ печатно. Вообще, в высшей степени было бы интересно, чтобы вы высказались по еврейскому вопросу." *)

2.

Это очень интересное и характерное письмо.

Я нарочно привел его почти полностью, не выпустив даже комплиментов по моему личному адресу, и лишь слегка сократив в тѣх мѣстах, гдѣ автор повторяет одно и то же.

Интересно это письмо не в смыслѣ стиля, убѣдительности или оригинальной постановки вопроса. Напротив — это письмо обывательское, лишенное всяких литературных хитростей.

Тѣм оно и любопытно, тѣм оно и цѣнно, что это пишет не искушенный в полемикѣ публицист, а рядовой еврей, просто и опредѣленно говорящій о том, что у него болит.

Тѣм оно и характерно, что вовсе не оригинально.

Это — штамп. Тот самый штамп, по которому привыкли мыслить и говорить об евреях не только сами евреи, но и россійская интеллигенція, пріученная либеральной литературой совершенно особенным образом относиться к „великому угнетенному народу".

Раз и навсегда было установлено, что евреи — „самый безправный, самый гонимый народ", а потому к этому народу надо относиться с такой деликатностью, с такой осторожностью, что даже и вообще никакое критическое отношеніе не допускается.

Всякій другой народ вы можете не только критиковать, не только судить по дѣлам его, но хотя бы и просто ругать на всѣ корки. Это никого не огорчит, никого не обрадует. Мы

*) Письмо г. Карповича.

совершенно открыто можем говорить, что не любим нѣмцев, англичан или русских. Нам отвѣтят, что это — наше личное дѣло. В худшем случаѣ скажут, что мы несправедливы, но преступленія в этом не найдут.

Гейне, например, всю жизнь всячески издѣвался над англичанами, но это только забавляло.

И лишь по отношенію к „самому гонимому" народу всякое выраженіе антипатіи и, тѣм паче, всякое обвиненіе квалифицируется, как ретроградство, черносотенство, преступленіе против справедливости, логики и культуры.

Было даже так, что кличка „юдофоб" приканчивала всякую литературную карьеру. Литератор, эту кличку заслужившій, не допускался ни в один прогрессивный орган и сплавлялся доканчивать дни свои в казенную печать.

Одним словом, на евреях лежало „табу", и каждый боялся его нарушить, под страхом осужденія всѣх свободомыслящих и честных людей.

И до такой степени это в'ѣлось в литературные нравы, что даже и теперь, когда, во всяком случаѣ, евреи уже перестали быть самым угнетенным народом Россіи, к еврейскому вопросу требуется подходить, по прежнему, на цыпочках.

Нужно много смѣлости и гражданскаго мужества, чтобы без штамповаго возмущенія заговорить о роли еврейства в текущих русских событіях, и я прекрасно знаю, какому риску себя подвергаю.

3.

Но вернемся к письму.

Автор не затрогивает судеб еврейских в историческом масштабѣ. Поэтому и я могу не касаться національных черт и причин гоненія вообще.

Откровенно говоря, я даже очень рад этому, потому что всю свою жизнь тщетно старался понять: в чем же, наконец, подлинная причина того, что среди многих тысяч племен оказалось одно племя, которое преслѣдовали, ненавидѣли, презирали в теченіи многих вѣков и чуть ли не во всѣх странах свѣта?

Евреи — единственный народ, для котораго понадобилось такое спеціальное, тяжеловѣсное слово, как „антисемитизм".

Были и есть „руссофобы", „англофобы", „германофобы" и так далѣе, но все это — нѣчто несерьезное, легковѣсное, о чем и не говорят никогда.

И только для характеристики отношенія к евреям существует міровое слово, по вѣсу своему чуть ли не стоящее в ряду с такими понятіями, как идеализм, пессимизм, матеріализм и прочіе „измы".

Почему?

По совѣсти — не знаю!.. Много я слышал об'ясненій, но ни одно меня не удовлетворило.

Конечно, в частных случаях, в отдѣльные моменты жизни того или иного народа, кое что еще можно об'яснить. Но вообще, в масштабѣ мiровой исторiи исчерпывающаго отвѣта нѣт.

Поэтому я, слѣдуя за автором письма, поставлю вопрос в рамки его настоящаго положенiя в Россiи.

Того положенiя, о котором, по его собственному выраженiю, „всѣ говорят и всѣ согласны".

Да, рост антисемитизма в Россiи принимает угрожающiе размѣры.

Для автора письма, как для еврея, а также и для всѣх тѣх, кто еще свято чтит непререкаемое „табу", дѣло обстоит чрезвычайно просто: какiе то негодяи ведут антисемитскую агитацiю, антисемитизм — гадость и подлость, антисемиты — преступники против справедливости, логики и культуры, а потому, вообще, надо бороться с антисемитизмом, налагая на него печать презрѣнiя и осужденiя. Вот и все!

Но мнѣ кажется, что вопрос гораздо сложнѣе и болѣзненнѣе, чѣм представляется автору письма и всѣм, иже с ним.

И я попробую подойти к нему без ложнаго страха.

Только сначала позволю себѣ маленькое отступленiе: многiе, чего добраго, подумают, что я не выключил из письма комплиментов по моему адресу единственно для того, чтобы похвастаться тѣм, как меня хвалят.

Нѣт, я сдѣлал это для того, чтобы подчеркнуть одну характерную черточку.

Никогда еще люди не были так нетерпимы, как теперь. Всѣ раздѣлились на непримиримые кружки и партiи, утратив всякую способность хладнокровно слышать правду о себѣ.

В теорiи мы всѣ согласны, конечно, что человѣку свойственно ошибаться, а так как всѣ мы — человѣки, то ошибаться можем и мы.

Но на практикѣ, мы не переносим ни малѣйшей критики своих дѣйствiй и убѣжденiй, отвѣчая на нее самой грубой злобой.

Пока я направлял свои удары против „лѣваго лагеря", правые неустанно мнѣ апплодировали, удивляясь моему безпристрастiю и мѣткости моих сужденiй. Лѣвые же исходили яростью, осыпая меня всевозможными обвиненiями.

Но стоило мнѣ сказать нѣсколько неодобрительных слов по адресу политики правых, как лѣвые затихли, а правые.... тоже затихли. Должно быть, заняли выжидательную позицiю.

Совершенно ясно, что никому не интересна правда сама по себѣ, никому не больна судьба Россiи, как таковой, независимо от ея государственнаго обличья, а каждому важно знать только одно: хвалят ли его или порицают?

Если хвалят, то это умно, тонко, проникновенно, патрiо-

тично и все, что угодно. Если бранят, то это глупо и может быть об'яснено только личными пороками того, кто бранит.

Так, вот, и тут: пока я ни с какой стороны не затрогивал еврейскаго вопроса, мой „тонкій анализ настоящаго и проникновенный взгляд на будущее“ были внѣ всякаго сомнѣнія.

Казалось бы, что такія блестящія данныя должны гарантировать человѣка от грубых промахов и грубаго непониманія.

Что бы он ни сказал, по какому бы поводу и в каком бы смыслѣ ни высказывался, к его мнѣнію надо отнестись с уваженіем.

Тонкій анализ, проникновенность и большой дар психолога стоят же чего-нибудь?

Однако, стоило мнѣ только намекнуть на что-то для евреев не симпатичное, как куда-то, к чортовой матери, провалились всѣ мои таланты и остались однѣ „колючки в нос“.

И автор письма считает себя вправѣ бросить пренебрежительное „неужели вы не понимаете?“, мгновенно, от тонкаго анализа, проникновеннаго взгляда и большой психологіи, перейдя к подозрѣнію в зоологическом инстинктѣ.

Так вот, прежде всего, я должен заявить, что я, отнюдь, не „антисемит“.

Я не питаю никакой ненависти к еврейскому народу, как не питаю ея и ни к какому другому народу вообще. Ни в какіе „сіонскіе протоколы“ я не вѣрю и искренно говорю, что вся эта черносотенная дребедень о таинственном центрѣ, управляющем всѣм міром и об еврейском царѣ, гдѣ то подготовляемом на горе всѣм гоям, — несосвѣтимый вздор.

Евреи такой же народ, как и всякій другой. В общей свалкѣ за лучшую жизнь, они, конечно, не отстают от других, и даже, как народ в общей массѣ своей даровитый, умный и ловкій, часто захватывают лучшія мѣста.

И весь вопрос об еврействѣ в совѣтской Россіи заключается именно в том, какое мѣсто евреи там заняли.

Быть может, разбираясь в этом, я выскажу нѣсколько мыслей, для евреев непріятных, но категорически заявляю, что о каком либо антисемитизмѣ с моей стороны не может быть и рѣчи.

Ибо антисемитизм есть опредѣленное умонастроеніе, заставляющее человѣка подходить к еврейскому вопросу с предвзятой и опредѣленно враждебной точки зрѣнія. Тѣ же горькія слова, которыя скажу я, чужды всякой предвзятости и констатируют только тѣ факты, тѣ ошибки, которые есть на лицо, но которые не должны приводить ни к каким обобщеніям.

4.

Я, дѣйствительно, сравнительно недавно пріѣхал из

Россіи и меня никто не может разувѣрить в том, что я видѣл собственными глазами.

А видѣл я то, что большевицкія учрежденія переполнены евреями, и что евреи, безусловно, играют первую роль в той коммунистической партіи, которая является причиной гибели и разложенія нашей родины.

Я это утверждаю, но не из ненависти к евреям, а потому, что я это видѣл и отрицать этого не могу.

Впрочем, автор письма, котораго, как еврея, конечно, нельзя заподозрить в злостном антисемитизмѣ, сам не отрицает, что евреи „дали непропорціонально большой процент коммунистов".

Да, дали. И вовсе не только молодежь.

Конечно, во всѣх революціонных движеніях молодежь, по свойственному ей темпераменту, занимает первое мѣсто. Посему и среди евреев коммунистов больше молодых, чѣм старых. Это естественно. Но свидѣтельство моих собственных глаз говорит мнѣ, что далеко не одна еврейская молодежь причастна к коммунистической партіи.

Но, в концѣ концов, это даже и не существенно. Не все ли равно, молодежь или старость. Важен факт сам по себѣ.

И так, евреи дали непропорціонально большой процент коммунистов?

Почему же?

Автор, как и многіе, видит этому об'ясненіе и оправданіе в том, что евреи, как самый угнетенный при самодержавіи народ, не могли не дать непропорціонально больших кадров для совѣтских учрежденій всякаго рода.

Как об'ясненіе, я это готов принять. Как оправданіе — не пріемлю.

Русское крестьянство было едва ли менѣе безправно и угнетено, чѣм евреи. Но, однако, результат получился совсѣм иной: крестьянство дало непропорціонально малый процент коммунистов.

Если принять, что крестьян в Россіи — сто милліонов, а евреев — семь, то естественно было бы из трехсот тысяч коммунистов видѣть процентов восемьдесят крестьян и процентов пять евреев. На дѣлѣ оказывается, как видно из собственной коммунистической статистики, что крестьяне составляют ничтожный процент партіи, тогда как несомнѣнно, что евреи дают не менѣе половины.

Слѣдовательно, приведенное автором положеніе, будто противодѣйствіе всегда равно дѣйствію, оправдывается далеко не всегда.

Что значит — „не мог не дать?"

Нѣт, очень бы даже мог, если бы... если бы это, очевидно, не было выгодно, пріятно, лестно или вообще, в каком бы то ни было смыслѣ, пріемлемо.

Не забудьте, что девять десятых партіи коммунистов состоит из, так называемаго, „послѣоктябрскаго“ призыва.

Отсюда ясно, что большинство из того непропорціонально большого процента, который дало коммунистам еврейство, примкнуло к партіи не послѣ сверженія самодержавія, а послѣ сверженія Временнаго Правительства, при котором не было уже и рѣчи о каких-либо угнетеніях.

Это случилось уже послѣ того, как в теченіи восьми мѣсяцев евреи фактически пользовались всѣми благами свободы и равноправія.

Очевидно, евреи в таком большом количествѣ примкнули к большевикам не ради протеста против гоненій, а ради чего то иного.

Автор письма сам раскрывает загадку: „подумать только, что раньше еврей, будь он хоть семи пядей во лбу, не мог дослужиться выше ефрейтора, а теперь, вдруг — красный командир!“.

Да, вот, именно: красный командир!.. Каждый человѣк желает быть дьяконом, почему же и еврею не пожелать стать красным командиром?

Короче говоря, евреи примкнули к большевикам потому, что это давало извѣстныя привиллегіи, спасало от голода и холода, обезпечивало безопасность и командующее положеніе.

По совѣсти говоря, не будучи превыспренним идеалистом, я не видѣл бы тут ничего особенно дурного, если бы тѣм самым еврейство не связало свою судьбу с тѣми, которые разрушили и осквернили мою родину.

Никто не может отнять у русских право ненавидѣть большевиков, а слѣдовательно, никто и не должен удивляться, что часть этой ненависти русскіе переносят на тѣх, кто дал в поддержку большевикам „непропорціонально большой процент“.

Автор письма, с ужасом и отвращеніем, говорит о страшном ростѣ антисемитизма в Россіи.

С неменьшим отвращеніем могу подтвердить это и я. Да, антисемитизм принимает чудовищные размѣры.

Но если автор письма, как еврей, находит оправданіе тому, что евреи дали непропорціональное число комиссаров, то я, как русскій, не могу не дать нѣкотораго об'ясненія и росту антисемитизма в русском народѣ.

И мнѣ это сдѣлать легче, потому что автор письма сам говорит за меня — именно вот этим самым „непропорціонально большим процентом“.

Ибо тѣм самым еврейство и приняло на себя непропорціонально большую часть вины, вмѣстѣ с пропорціональной долей ненависти, которую русскій народ питает и будет питать к большевикам.

В этом заключается и об'ясненіе того, почему ни один

румын не отвѣтит за Раковскаго, ни один поляк за Дзержинскаго, ни один грузин за Сталина.

Я нарочно пропускаю латышей, которые, по мнѣнію автора, не отвѣтят за Петерса, ибо возможно, что в данном случаѣ автор ошибается: латыши дали тоже весьма непропорціональный процент коммунистов, и не малая доля озлобленія имѣется у русских и против латышей.

Поляки не отвѣтят за Дзержинскаго, а грузины за Сталина именно потому, что ни Дзержинскій, ни Сталин, ни Раковскій не представляют собою непропорціонально большого процента.

5

Не менѣе автора письма и всѣх защитников еврейскаго народа, я отношусь с ужасом и омерзеніем к той коллективно-погромной отвѣтственности за преступленіе, совершенное хотя бы непропорціонально большим, но все же — только извѣстным процентом евреев.

По существу, в этом, конечно, нѣт ни логики, ни справедливости, ни культуры.

Как нѣт их, например, в той коллективной отвѣтственности, которую несет теперь германскій народ за военные грѣхи вильгельмовской имперіи.

Гдѣ тут логика и справедливость, когда за проступки кронпринца выгоняют из Рура какую-то Амальхен, а какого то Карла заставляют платить за горшки, разбитые Людендорфом?

Но развѣ не несем и мы сами, русскіе, отвѣтственности за преступленія большевиков? Развѣ не приходится ежедневно слышать из уст иностранцев, что „всѣ русскіе — большевики", развѣ не ставят русским всевозможных препятствій во всѣх почти государствах, развѣ не наносят всему русскому народу тягчайшее оскорбленіе признаніем большевиков законной нашей властью, развѣ не обрекают нас на гибель за то, что у нас такая власть?

Вспомните, хотя бы, блокаду первых лѣт большевизма!

Но развѣ мы имѣем право протестовать?

Каждый народ заслуживает своего правительства.

К сожалѣнію, такова желѣзная основа устройства современной человѣческой жизни: народы существуют, народы неотдѣлимы от своего правительства, народы ведут войны, народы устраивают революціи и народы несут отвѣтственность.

И, дѣйствительно, в этом есть своя правда. Если бы данный народ возстал против преступленій своих правителей, развѣ они были бы возможны?

Нѣт. Если народ терпит, если народ молчит, если народ, хотя бы пассивно, поддерживает преступную власть, он должен нести отвѣтственность.

И клянусь Богом, что, когда я говорю о преступленiях, совершаемых большевиками, я краснѣю и за свой народ.

Вѣдь, потому то я и посвящаю свои силы вовсе не на то, чтобы доказать большевикам, что они мерзавцы, а на то, чтобы пробудить хотя бы только среди русской эмиграцiи стыд и возмущенiе собственной дряблостью.

Вѣдь, этим и об'ясняется та ярость, с какой я накидываюсь на всякаго, в ком обнаруживается эта дряблость — готовность к примиренiю с большевиками — гдѣ бы это ни было: среди эсеров, демократов, монархистов, или просто обывательской воблы.

И вот, с тѣм же чувством обращаюсь я и к еврейскому народу, поскольку он составляет часть населенiя Россiи и поскольку тоже повинен в происходящем.

Обвиняю не для того, чтобы возбудить ненависть, а для того, чтобы пробудить стыд и возмущенiе.

И утверждаю, что всѣ эти „бережныя отношенiя" к еврейскому вопросу, которыя так нравятся автору письма, не только безполезны, но даже и просто вредны.

Надо говорить рѣзко и прямо, не боясь задѣть нацiональное самолюбiе и не боясь, что кто-то может использовать ваши слова в нежелательном смыслѣ.

От этого не убережешься, и всякое слово можно использовать как угодно, было бы желанiе.

А, между тѣм, есть болѣзни, которыя лѣчатся только словом, раскаленным, как желѣзо.

6.

Ничему тут не помогут изысканiя г-жи Кусковой, хотя бы она прочла о вредѣ антисемитизма не одну, а сто одну лекцiю.

Нельзя истребить в человѣкѣ чувство до тѣх пор, пока не исчезнет повод, возбуждающiй и питающiй это чувство.

И пока не исчезнет в Россiи повод для возбужденiя антисемитизма, или, по крайней мѣрѣ, не будет этому поводу оказано то самое противодѣйствiе, которое равно дѣйствiю, до тѣх пор никакiя слова не помогут и антисемитизм будет рости, как снѣжный ком, грозящiй превратиться в лавину.

Ни воплями о гуманности, ни упреками в черносотенствѣ, ни „табу", положенному на великiй угнетенный народ, ни призывами к справедливости, логикѣ и культурѣ — никаких результатов достигнуть нельзя.

И все это закончится ужасной катастрофой, если еврейскiй народ не приложит всѣ усилiя к тому, дабы народ русскiй понял, что не все еврейство исчерпывается этим проклятым „непропорцiональным процентом".

А для этого, прежде всего, надо, чтобы евреи отказались

от попыток спекулировать на минувших угнетеніях и былых гоненіях.

Что было, то прошло!.. Тѣм болѣе, что за эти годы русскій народ пережил такія угнетенія и гоненія, о которых никогда и не снилось в чертѣ осѣдлости. В такое страшное время наивно ждать благоговѣйнаго смиренія перед былыми страданіями.

Наоборот, упоминаніе о них только раздражает.

— Что вы мнѣ болтаете о чертѣ осѣдлости и погромах, когда вся Россія превратилась в одну черту рабства и один всероссійскій погром!

Так говорят в Москвѣ, в той самой Москвѣ, которую сами евреи в шутку называют Іерусалимом, и в которой от „еврейских" анекдотов о засильѣ евреев просто не продохнешь!

Истинным друзьям еврейскаго народа и самим евреям раз и навсегда надо отказаться от стремленія ОБѢЛИТЬ и попытаться РЕАБИЛИТИРОВАТЬ.

Реабилитировать созданіем такой анти-большевицкой еврейской организаціи, которая активной борьбой, матеріальными жертвами и открытой пропагандой стала бы извѣстной всему русскому народу.

Эта организація, эти жертвы уравновѣсили бы несчастный „непропорціональный процент", и народ русскій понял бы, что нельзя возлагать вину одних на всѣх.

Вѣрьте, не раз и не два я слышал имена Канегиссера и Фанни Каплан, произносимыя в момент самаго горячаго антисемитскаго спора в Москвѣ.

И при этих именах смолкали озлобленные голоса, глаза становились мягче, в сердцах пробуждались и справедливость, и логика, и всѣ прочія хорошія вещи.

Но, увы, два праведника не спасают Содом!.. Канегиссер и Фанни Каплан слишком непропорціонально малый процент, чтобы составить противовѣс евреям коммунистам и совбурам.

Поймут ли меня евреи?

7.

Поймут ли, что без злобы обвиняю, что сам с ужасом жду того „часа расплаты", о котором говорит автор письма, что со всей искренностью, со всей доступной мнѣ душевной теплотой обращаюсь к ним?

Или пойдут по проторенной дорожкѣ, в сторону наименьшаго сопротивленія, — обвиняя меня в антисемитизмѣ и осыпая дешевыми упреками за то, что моя статья может быть использована черносотенцами в своих интересах?

А сами по прежнему предпочтут требовать проценты за былыя угнетенія, думая не о том, чтобы активно реабилитировать евреев в глазах русскаго народа, а только о том, чтобы обѣлить их, доказав нам недоказуемое.

То есть, увѣряя нас, что евреи тут не причем, что они всѣ — яростные враги большевизма, а Нахамкесы, Бронштейны и Апфельбаумы, со всѣм непропорцiонально большим процентом коммунистов, — не болѣе, как случайность.

И видя спасенiе в том, чтобы, подобно страусу, прятать голову под крыло спасительных псевдонимов — Троцких, Каменевых и Зиновьевых.!

Увы, я думаю, что так оно и будет!

Это, вѣдь, гораздо легче, чѣм бороться, создавать организацiи и жертвовать деньгами и жизнями!

Еще недавно группа честных и смѣлых евреев, если не ошибаюсь — во главѣ с Пасмаником, выступала с горьким словом правды, с призывом, аналогичным моему.

И что же?.. На них напали со всѣх сторон — и евреи, и русскiе дураки — благородно негодуя, обвиняя их в клеветѣ на русскiй народ, жонглируя именами Ленина и Бухарина, увѣряя, что евреи не играют никакой роли в русских событiях.

И требуя „бережнаго отношенiя".

Ну, что-ж, пусть требуют. Это их право.

Но когда озвѣрѣлыя от невыносимых страданiй темныя массы русских мужиков и рабочих будут громить евреев, тогда пусть „бережно" выступит перед ними г-жа Кускова и говорит им о „справедливости, о логикѣ, о культурѣ".

Прекрасныя слова звучат прекрасно, но я боюсь, что тогда будет уже поздно и их не станут слушать.

XII.
СМЕРТЬ ЛЕНИНА.

1.

Громом пушек ознаменовалось вступленіе на престол Владиміра Ленина и громом пушек по всей Россіи большевики проводили его труп в могилу.

Ни нашествіе Батыя, ни кровавое безуміе Іоанна не причинили Россіи такого вреда и не стоили русскому народу столько крови и слез, как шестилѣтняя диктатура краснаго вождя.

Но он умер. Пока он был жив, с ним можно было спорить, можно было осыпать его проклятіями, угрозами, бранью и насмѣшками. Теперь все это безполезно. Все равно, ни одно слово не проникнет туда, куда ушла эта страшная тѣнь. Не услышит он больше ни проклятій, ни угроз, ни хора наемных плакальщиков.

Теперь можно говорить о нем болѣе спокойным тоном, чѣм это было возможно при его жизни.

Умер человѣк, котораго одни считали „величайшим геніем", другіе — „величайшим преступником" нашего времени.

Можно не считать его ни тѣм, ни другим, но нельзя отрицать, что это была самая видная фигура современности, что вліяніе его было огромно. И перед нами естественно возникает вопрос: кто был этот человѣк, какая сила таилась в его круглолысом черепѣ и какія послѣдствія может имѣть факт его смерти?

2.

Был ли это геніальный ум, безошибочно намѣчающій пути грядущаго?

Нѣт.

Правда, он учел момент и сумѣл использовать его для достиженія власти. Он предсказал, что міровая война для Россіи будет переходом к войнѣ гражданской. Он сумѣл увлечь за собой народныя массы, сумѣл подчинить их своей волѣ, сумѣл раздавить всѣ попытки сопротивленія и разрушить прежній строй жизни милліонов людей.

Но генiй и разрушитель не синонимы. Генiй — творческая сила, а он... он ничего не создал. Его „генiальный ум" не совершил ничего, кромѣ „тысячи ошибок", как не раз и не два он сам имѣл мужество сознаться всенародно. Всѣ его разсчеты и предвидѣнiя были одной сплошной ошибкой, преступленiем против здраваго разума.

Коммунистическое строительство потерпѣло жалкiй крах. Попытки вынести большевизм за предѣлы Россiи не удались и надежды на мiровую соцiальную революцiю не сбылись. Великая республика трудящихся превратилась в гиблое мѣсто, гдѣ на развалинах великой страны копошатся всѣ виды преступников — воры, мошенники, спекулянты, грабители, убiйцы, политическiе авантюристы. Диктатура пролетарiата выродилась в диктатуру незначительной кучки не только над пролетарiатом, но и над самой коммунистической партiей. Не вступив, хотя бы одной ногой, в свѣтлое царство соцiализма, Россiя попятилась в эпоху первоначальнаго накопленiя, откуда медленно и с трудом ползет к исходному положенiю.

Болѣе жалкаго краха „генiальнаго эксперимента" нельзя себѣ даже и представить! И если принять во вниманiе, что много людей, отнюдь не генiальных, имѣло достаточно разума, чтобы предвидѣть неизбѣжность этого краха, а он — „величайшiй генiй" — не предвидѣл, то приходится думать, что этот генiй был даже не особенно умным человѣком.

Он был узок и туп, этот „генiй"!.. Он не понимал ничего, внѣ ограниченнаго круга тѣх идей, в которых билась его мысль. Искусство, музыка, поэзiя, философiя, религiя были для него пустыми звуками. Мыслил он в плотных шорах грубо матерiалистическаго мiропониманiя, мыслил неуклюже и тяжело, часто впадая в вопiющiя противорѣчiя и выражая свои мысли суконным языком.

Сухой теоретик, он не знал и не понимал жизни, не в состоянiи был разобраться в ея сложных живых законах.

Был ли он пламенным фанатиком, зажигающим сердца огнем трагическаго паѳоса?

Нѣт.

Он политиканствовал, хитрил, вилял, проповѣдывал передышки, уступки, компромиссы. У него была цѣль, но шел он к ней извилистыми путями, обходя опасныя мѣста, и, наконец, на столько уклонился от своего пути, что потерял из виду и самую цѣль.

В нем не было рѣшимости фанатика — идти вперед до конца, не взирая ни на что. Безпощадный к слабым он смирялся перед сильными. Об'явив войну войнѣ, он при первом натискѣ воинствующаго имперiализма безоговорочно согнул спину под германскiй сапог. Гордо аннулировав государственные долги, он был готов признать их, как только обнаружился крах совѣтской казны. Прокричав на весь мiр о мирѣ без аннексiй и

контрибуцій, он трусливо признал всѣ аннексіи по отношенію к слабой, безпомощной Россіи и покорно платил контрибуціи всякому, кто имѣл силу показать ему кулак. Направив государственный корабль „на всѣх парах прямо к соціализму", он немедленно повернул руль круто направо, в зловонное болото НЭП'а, как только наткнулся на пушки Кронштадта.

Он легко сжигал то, чему поклонялся и поклонялся тому, что сжигал, охотно признавая глупостями и ошибками то, что вчера провозглашал святой истиной и за что уничтожал всѣх инакомыслящих.

Свою измѣну священным лозунгам он мотивировал просто и ясно:

— Если мы сегодня же не об'явим по радіо о перемѣнѣ курса, мы погибнем!

Это „мы" должно было прозвучать ударом погребальнаго колокола для всѣх тѣх, кто вѣрил в его искренность и самоотверженность. Так не говорят пророки и фанатики! Это был голос человѣка, дрожащаго только за свою власть и жизнь.

Он не был героем-вождем, увлекавшим за собою личным мужеством. Наполеон на Аркольском мосту и Ленин за тридевятью замками Кремля—образы несопоставимые.

Быть может, он был даже просто труслив. В самыя опасныя мѣста он посылал других, и молніи пушечных выстрѣлов ни разу не освѣтили его лицо в грозѣ уличнаго боя. Когда говорили ружья и пулеметы, Ленин скрывался, бѣжал, перегримировывался, переодѣвался кухаркой, отсиживался в безопасном далекѣ. Послѣ покушенія на него Фанни Каплан, он уже навсегда скрылся за кремлевскими стѣнами, и если иногда, в особо торжественных случаях, и появлялся на трибунѣ, то всегда огражденный плотной толпой явных и тайных чекистов.

Была-ли у него, наконец, та желѣзная воля, о которой так много прокричали люди, сами лишенные всякой воли и готовые надѣлить сверх'естественными качествами всякаго, кто сумѣет придавить их к землѣ?

Ея не было, так как, в концѣ концов, ни одного своего предначертанія он не мог довести до конца и даже не смог обуздать своих сподвижников, когда, очевидно для него самого, они губили все дѣло своим развратом, глупостью, воровством.

3.

Был ли это „величайшій преступник"?

Об'ективно — да. Ибо он был подстрекателем ко всѣм преступленіям, совершенным большевиками. По его указу грабили, убивали, насиловали, и зло, им причиненное, неисчислимо.

Но суб'ективно он преступником не был. Он, лично, никого не убил и не ограбил. Бросая в толпу свои кровавые лозунги, он не имѣл в виду личной выгоды. Он не жаждал матеріальных

благ и жил так же скромно, как мог бы жить и оставаясь рядовым журналистом.

В нем не было упоенія жестокостью и властью. Он не пользовался своим положеніем для сведенія личных счетов. Он истреблял, но не питал ни злобы, ни ненависти к своим жертвам. Его жестокость была жестокостью насѣкомаго, которое даже не ощущает страданія своей жертвы.

Конечно, всѣ методы и пріемы борьбы были выработаны им самим. От него исходили всѣ разрушительные декреты, и программа краснаго террора была предначертана именно им. Но все это он творил „во имя!“, и надо признать по справедливости, что в основѣ его дѣятельности лежало благо человѣчества. Он вел мір в бездну, но полагал, что это единственный путь в свѣтлое царство братства, равенства и труда, в соціалистическій рай на землѣ.

Честолюбцем, в грубом смыслѣ этого слова, он не был. Показная сторона власти его не прельщала. Правда, он хотѣл, чтобы весь мір безпрекословно принял его волю, но если в этом было честолюбіе, то честолюбіе всякаго пророка и вождя, вѣрящаго в непогрѣшимость своей идеи, мнящаго, что только он один обладает спасительной истиной.

4.

Итак, не геній, не герой, не фанатик, не честолюбец, не преступник... Так кто же? В чем тайна его власти, его вліянія на массы самых разнообразных людей, по слову его с яростью и отчаяніем устремившихся разрушать свою родину, грабить и убивать друг друга?

Вскрытіе тѣла Ленина обнаружило страшныя разрушенія в его мозгу, и теперь уже ни для кого не тайна, что вождь коммунистов погиб от прогрессивнаго паралича.

Трудно сказать, с какого момента началось это разрушеніе, когда именно яд страшной болѣзни проник в его мозг. Явные признаки, как, напримѣр, давно обратившее на себя вниманіе специфическое разстройство рѣчи, выражавшееся в настойчивом и навязчивом повтореніи одних и тѣх же слов, одних и тѣх же положеній, появились лишь в самое послѣднее время.

Но еще в 1902 г. Ленин, вдруг, как то особенно рѣзко, неожиданно и грубо измѣнил свою идейную линію. В 1905—7 годах он уже намѣтил тѣ „методы и пріемы революціи“, которые осуществил позже. И только в эпоху войны и русской революціи он уже вполнѣ обнаружил свою „идейную ярость“.

Картина разгорающагося пожара! Чудовище показало свои когти не сразу. Это чудовище было чудовище безумія, которое постепенно охватывало мозг Ленина, пока он весь не вспыхнул „факелом міровой революціи“.

Согласно самому характеру болѣзни, поразившей Ленина, он ДОЛЖЕН БЫЛ БЫТЬ психически-ненормальным уже задолго

до того, как стал явно безумным. Он стоял на прямом пути к неизбѣжному сумасшествію и только уклон процесса в сторону двигательных центров спас его от полнаго идіотизма, положив конец самой жизни.

Но, вмѣстѣ с тѣм, этот человѣк был идейным и фактическим вождем могущественной политической партіи, поработившей Россію и угрожавшей устоям всего современнаго міра. Эта партія рабски слѣдовала за ним, считая его неопровержимым авторитетом, и болѣе, чѣм кто либо, Ленин мог бы сказать: партія — это я!

Если „дважды два — четыре" еще остается аксіомой, то несомнѣнен тот факт, что вдохновлял, обосновывал и направлял коммунистическое движеніе психически ненормальный человѣк.

Сумасшедшій в роли вождя партіи, диктатора великой страны, владыки стопятидесятимилліоннаго народа!

Фантасмагорія!

Неразрѣшимой загадкой кажется вопрос, каким образом психически ненормальный человѣк, вся дѣятельность котораго носила черты явнаго безумія, мог имѣть такое исключительное вліяніе на множество людей, среди которых было много весьма неглупых и образованных.

5.

Но загадка кажется неразрѣшимой только до тѣх пор, пока разгадку мы будем искать в приложеніи к Ленину тѣх или иных эпитетов. Если же перенести центр тяжести с личности вождя на психологію тѣх людей, которые за ним послѣдовали, ребус рѣшается сам собою.

Человѣческая жизнь давно приняла такія формы, что огромное большинство справедливо чувствует себя угнетенным и обиженным. Гибель первобытной наивной вѣры отняла у этого большинства послѣднее утѣшеніе и лишило существующій порядок всякаго оправданія. Единственное стремленіе — к достиженію реальных земных благ — охватило массы, а вмѣстѣ с тѣм, с чудовищной силой начали рости зависть, ненависть и жажда мести.

Безпримѣрная по своей жестокости война, всей тяжестью легшая на плечи угнетенных классов, еще усилила и обострила эти чувства.

Идеологи этого движенія нашлись, ибо человѣк такое существо, что он под всякую мерзость подведет идею. Темные инстинкты масс претворились в этой идеологіи во внѣшне благородныя формы — требованія справедливости и возмездія, увѣнчанныя идеей всеобщаго матеріальнаго равенства. Реальное соотношеніе сил вызвало стремленіе к власти, как к единственному способу достигнуть цѣли.

Но массы слишком тупы и глупы. Онѣ не видѣли выхода, не находили путей. Их сдерживали страх и привычка к по-

виновенію. Им не доставало вождя. То есть вожди были, но они в ужасѣ останавливались перед грозными перспективами мірового пожара. Проповѣдуя необходимость до основанія разрушить старый мір, они все же не дерзали перешагнуть через горы трупов. Поэтому они безнадежно путались в противорѣчіях: славословили революцію и предостерегали от нея, толкали пролетаріат на борьбу и удерживали его от захвата власти, возбуждали классовую ненависть и внушали гуманность. Одним словом, одной рукой подносили к пороховому погребу пылающій факел, а другой—поливали его водой благоразумія.

Нужен был человѣк, который бы дерзнул на все. Котораго не остановили бы ни моря крови, ни горы трупов, ни рѣки слез, ни ужас разрушенія, ни попраніе всѣх человѣческих святынь, ни даже гибель культуры.

Таким человѣком мог быть только сумасшедшій, и судьба послала его. С вѣчно-хитрой улыбочкой помѣшаннаго, с полуразрушенным мозгом, с неудержимостью безумнаго и с животным лукавством идіота пришел Ленин.

В мірѣ все относительно. Относительны и мудрость, и истина. Люди всегда принимают за величайшую мудрость то, что соотвѣтствует их тайным наклонностям, что им нравится.

Поэтому идеи Ленина не показались им безумными, как не кажутся онѣ безумными и нынѣ всѣм тѣм, кто в этом безуміи нашел оправданіе своим разрушительным инстинктам.

Ленина признали и Ленину подчинились потому, что он посмѣл громко провозгласить то, перед чѣм в ужасѣ останавливались другіе.

6.

Многіе полагают, что смерть Ленина запоздала и уже не может вліять на судьбу революціи и совѣтской власти. В доказательство этого они приводят то, что Ленин фактически уже давно выбыл из строя, а, между тѣм, никакой катастрофы не послѣдовало.

Им кажется, что аппарат совѣтской власти на столько укрѣпился, что она может существовать уже и без своего создателя.

Это было бы вѣрно, если бы цѣлью созданія новой власти была сама власть. На самом дѣлѣ, форма власти была только средством, а не цѣлью. Цѣль же лежала в построеніи жизни на новых, разумных и справедливых началах соціализма.

Только в этом конечном достиженіи было оправданіе и всѣх ужасов большевизма, и самаго бытія совѣтской власти.

С того момента, как обнаружилось, что цѣль недостижима и оставлена, существованіе диктатуры коммунистической партіи утратило всякій смысл. Почему именно большевики, а не кто либо другой?.. Раз мечта о немедленном водвореніи коммунистическаго рая провалилась, и совѣтское правительство занято единственно возстановленіем им же разрушеннаго хозяйства, то гораздо естественнѣе, чтобы этим занялся кто-нибудь другой, болѣе к тому способный и удачливый. Пассив совѣтской власти

— горы трупов, полное разрушенiе страны, упадок культуры, всеобщее обнищанiе и одичанiе—ужасен. В активѣ — круглый нуль.

Смерть Ленина подвела итоги.

Тот, кто говорит, будто отход Ленина от власти не вызвал никакой катастрофы, ошибается: катастрофа на лицо. Весь вопрос в том, что понимать под катастрофой. Плохой врач, не умѣющiй поставить дiагноз болѣзни, видит катастрофу только тогда, когда началась агонiя. Болѣе опытный знает, что иногда самый характер болѣзни опредѣляет смертельный исход уже тогда, когда больной еще дышит, ходит, говорит и по внѣшности все обстоит вполнѣ благополучно.

Агонiя совѣтской власти началась именно тогда, когда Ленин фактически выбыл из строя. Смерть же Ленина—смерть совѣтской власти.

Пока большевики, под руководством своего безумнаго вождя, выполняли первую часть его программы — разрушенiе стараго мiра, никакiя бѣдствiя и неудачи не могли их смущать. Все оправдывала конечная цѣль. Во имя коммунистическаго рая можно было мириться со всѣми жертвами и бѣдами.

Бывали моменты, однако, когда ужасающiя страданiя народа и постоянное крушенiе всѣх утопических начинанiй большевиков вселяли в них ужас и унынiе. Но страшный маньяк, моральный идiот, недоступный никаким человѣческим чувствам, сохранял полное спокойствiе. И это гипнотизировало, это внушало вѣру, что все совершающееся вовсе не так страшно, что это необходимые, им предусмотрѣнные этапы борьбы, и в нужный момент вождь сумѣет выправить изломанную линiю снова, прямо на вожделѣнный соцiализм.

Болѣзнь Ленина поставила большевиков лицом к лицу с дѣйствительностью. Главнокомандующiй выбыл из строя как раз в тот момент, когда позицiи непрiятеля были взяты, и перед полководцами возник вопрос, что же дальше?.. До сих пор они слѣпо шли за красным знаменем, которое нес впереди их вождь. Он говорил, что надо разрушить до основанiя старый государственный аппарат, они его разрушали. Он говорил о необходимости безпощаднаго террора, они проливали кровь. Он признал необходимость новой экономической политики, они принялись строить свой НЭП... Они твердо вѣрили, что за НЭП'ом послѣдуют новыя директивы вождя, все раз'ясняющiя и не думали о будущем.

Болѣзнь вождя поставила их перед необходимостью самостоятельных рѣшенiй, самостоятельнаго обоснованiя своей дальнѣйшей дѣятельности. И тут то и оказалось, что обоснованiя и быть не может, что НЭП, отнюдь, не есть этап по пути к соцiализму, а просто сдача позицiй. Все, что произошло и происходит казалось логическим только сумасшедшему вождю. Безумiе ушло, а маленькiй, практическiй разум, попытавшись занять его мѣсто, увидѣл, что и мѣста то никакого нѣт!. Боль-

шевики почувствовали себя в пустотѣ идейной, а практически— в тупикѣ, из котораго нѣт иного выхода, как возвращеніе к старому порядку вещей, то есть, к гибели всякаго смысла их существованія.

Однако, в первое время у них еще оставалась надежда, что вождь снова появится у руля и скажет свое послѣднее слово. Во вторых, у них еще оставались „завѣты", в строгом выполненіи которых они видѣли свое предназначеніе.

Но время шло. Надежды на выздоровленіе Ленина угасали и угасли совсѣм. Жизнь требовала немедленных рѣшеній. Нэп не сдвигался с мертвой точки.

И вот, впервые, у каждаго из них появилась мысль, что отнынѣ он должен рѣшать проблемы строительства сам за себя и один за всѣх.

Завѣты? Но они касались, в сущности говоря, уже пройденнаго, и притом каждый понимал их по своему. То, что прежде рѣшалось одним словом Ленина, приходилось теперь рѣшать мнѣніями многих, и естественно возник вопрос—почему именно тѣх, а не других?

Гов. Преображенскій был совершенно прав, когда крикнул Каменеву:

— Что вы все говорите о Ленинѣ?.. Ленин — Ленин и есть!.. А вы что за авторитеты?

И между вождями партіи, недавно слѣпыми исполнителями воли пославшаго, а нынѣ вершителями судеб, началась ожесточенная борьба за первенство. Та послѣдняя борьба, которая начинается на палубѣ тонущаго корабля, когда капитана смыло волной, экипаж не знает, куда держать руль, и каждый подает свои совѣты, каждый думает, что именно он знает путь ко спасенію.

Вожди, не имѣющіе авторитета, чтобы подчинить себѣ волю других, начали искать реальной опоры в низах партіи, и борьба стала распространяться все ниже и шире, вплоть до рядов красной арміи и чекистских баталіонов.

Это — разложеніе, а разложеніе, раз начавшись, не может остановиться. И, слѣдовательно, это уже катастрофа.

Во первых, исчезла послѣдняя надежда на чудодѣйственное слово, которое откроет новые горизонты и вольет новый смысл в безсмысленную борьбу за власть. А во вторых, и это ужаснѣе всего, зашевелилась народная масса.

Народ, справедливо отожествляя большевизм с Лениным, частью вѣрил только ему, частью боялся только его. Теперь он увидѣл, что там, наверху, нѣт никого, что там только самые обыкновенные, колеблющіеся, спорящіе, трусящіе люди, и гипноз, так долго державшій в своей власти милліоны людей, кончился. Народ почувствовал, что отнынѣ власть сама не знает, зачѣм и во имя чего она существует, что она безсильна, и вмѣстѣ с тѣм ощутил и свою силу, свое значеніе.

В этом уже есть гибель всякой власти.

7.

Я должен оговориться: параллельно с тѣм психическим процессом, в рамках котораго я разсматриваю событія, дѣйствуют многочисленные, чисто экономическіе, факторы. Но предѣлы статьи не позволяют вплести их в тему.

В заключеніе, не ставя сроков и не предрѣшая форм, я могу сказать только одно: смерть Ленина — событіе рѣшающаго значенія, ибо она вырвала из под ног совѣтской власти ея идеологическую основу, обнаружив окончательную пустоту большевизма. Безумца, который и в хаосѣ разрушенія видѣл процесс созиданія, больше нѣт. Маленькіе трезвые люди видят только разрушеніе.

Послѣдствіем смерти Ленина должно быть распаденіе коммунистической партіи на три основныя группы: опомнившихся от гипноза разумных людей, которые понимают необходимость полнаго разрыва с прошлым и возврата к разумным основам государства; крайних фанатиков, которые видят спасеніе как раз наоборот — в возвратѣ к прошлому, к пріемам военнаго коммунизма; и, наконец, честолюбивых и своекорыстных авантюристов, для которых важно только одно — захватить в свои руки власть, выпавшую из мертвых рук Ленина.

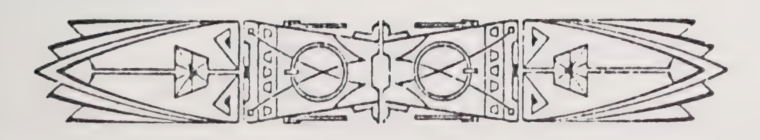
Борьба между этими группами, рано или поздно, должна перейти в вооруженное столкновеніе, ибо их противорѣчія неразрѣшимы, а иного способа подчиненія себѣ инакомыслящих, за отсутствіем личнаго авторитета, у них нѣт.

А так как вооруженная сила находится в массах, то неизбѣжно вовлеченіе в борьбу сначала низов партіи, потом красной арміи и, наконец, — народа.

И кто бы ни оказался побѣдителем в этой борьбѣ, результатом ея будет ослабленіе власти и рост народной силы, а слѣдовательно, и конец диктатуры, гибель большевиков.

Но процесс будет трудный и болѣзненный... Боже, сохрани тѣх наших близких, которые остались там, в Россіи!... Будут уличныя волненія, будут кровавыя возстанія, будут грабежи и казни.

Чуя свою гибель, палачи попытаются уничтожить всѣх, в ком они видят своих возможных замѣстителей и мстителей, а низы народные будут грабежем и разбоем справлять послѣдніе красные денечки большевизма.

СОДЕРЖАНІЕ:

Книжный склад „За Свободу“

Варшава. Новый Свѣт 22, во дворѣ.
Warszawa, Nowy Świat 22, w podwórzu.

•••••••

Е. П. Блаватская (Радда Бай):

Жители Голубых Гор.

Теософическая книга из жизни в пещерах и дебрях Индостана, с портретом автора. Еще при жизни Е. П. Блаватская Индійскими Браминами признана равной Радж-Іогам, а день ея смерти празднуется в Индіи и наименован „Днем бѣлаго Лотуса“.

Эта незаурядная русская женщина пользовалась міровой извѣстностью, и среди адептов ея числится такая крупная личность, как знаменитая Анни Безант.

Ея разсказы о загадочных племенах Голубых Гор, среди которых нѣкоторые обладают таинственной способностью зачаровывать и даже убивать своим взглядом людей и животных, читаются с живым интересом не только в теософских кругах.

Книга снабжена пространной біографіей этой странной женщины, написанной ея сестрой В. П. Желиховской.

В. И. КРЫЖАНОВСКАЯ

ОККУЛЬТНЫЕ РОМАНЫ:

Во власти прошлаго . . . . . . 5 зл. — —
Паутина . . . . 4 зл. 80 гр.
Елексир жизни . . . . 4 зл. 50 гр.
Маги . . . . 4 зл. 80 гр.

В. И. Крыжановская (Рочестр), это имя на ряду с именами Е. Блаватской и Анны Безант, говорит очень много мистикам и адептам различных развѣтвленій сокровеннаго знанія. В этом имени — фантастика и тайное знаніе востока. Это — Индія с таинственной и могучей властью ея факиров и посвященных великаго вѣдѣнія, мистика неумолимаго закона Возмездія, тяготѣющаго над сниженіями и преступленіями темных и страшных человѣческих дѣл („Во власти прошлаго“).

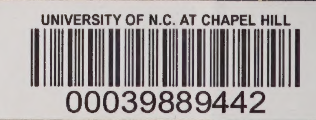
Это зовы и отзвуки древних мотивов священных книг Египта, Вавилона и Экклезіаста, подтверждающих вѣчное повтореніе на землѣ человѣческих существованій.

„Во власти прошлаго“ — причудливый и влекущій мистическій роман, связывающій во едино в пестром и странном сочетаніи любовныя страсти и неукротимую эротику любви и мести мрачных итальянских синьоров времен эпохи Возрожденія и сонный, сытый быт старой до-военной Россіи.

Трепетный дразнящій язык полу-намеков и откровеній какого-то тайнаго и могучаго знанія, смѣлый розмах фантазіи, преодолѣвающій тысячелѣтія и вѣка, идея „великаго года“ — вѣчнаго возвращенія вещей, в которое вѣрили многіе лучшіе умы человѣчества от Соломона до Ницше и от Маккіавели до Анатоля Франса („Элексир жизни“, „Маги“).

Можно и должно спорить об идеях и принципах, о существованіи или отсутствіи разума в окружающем нас слѣпом и безпощадном хаосѣ Вселенной, но нельзя спорить о власти исторической полосы, в которой движемся мы, люди, проходящаго и короткаго момента, с нашими страстями, преступленіями и вкусами. Книги В. И. Крыжановской являются не только увлекательными романами, но и прекрасными пособіями для людей, изучающих теософію и оккультизм.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00039889442